

ИНТЕЛЛЕКТ. ИННОВАЦИИ. ИНВЕСТИЦИИ
СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК
по материалам екабрьских научных чтений

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
О. А. Свиридов,
доктор экономических наук, профессор

Заместитель главного редактора –
Е. Г. Ревкова,
кандидат педагогических наук, доцент

Члены редколлегии:

Ю. В. Архипенко – доктор биологических наук, профессор (Россия, г. Москва)
А. М. Бакирова – кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Оренбург)
И. Б. Береговая – кандидат экономических наук, доцент (Россия, г. Оренбург)
Ш. М. Валитов – доктор экономических наук, профессор (Россия, г. Казань)
Д. В. Горбачев – кандидат технических наук, доцент (Россия, г. Оренбург)
С. В. Джораева – кандидат философских наук, доцент (Россия, г. Оренбург)
Е. С. Заир-Бек – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург)
И. Г. Кирин – кандидат физико-математических наук, доктор технических наук, профессор (Россия, г. Оренбург)
Л. А. Кошелева – кандидат культурологии, доцент (Россия, г. Оренбург)
А. Н. Ксенофонтова – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Оренбург)
М. И. Одинцов – доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Москва)
А. С. Свиридова – кандидат социологических наук, доцент (Россия, г. Оренбург)
Н. З. Султанов – доктор технических наук, профессор (Россия, г. Оренбург)
В. Н. Тарасов – доктор технических наук, профессор (Россия, г. Самара)
В. П. Твердохлиб – доктор медицинских наук, профессор (Россия, г. Оренбург)
Т. Л. Тен – доктор технических наук, профессор (Казахстан, г. Алматы)
Т. Д. Федорова – доктор философских наук, профессор (Россия, г. Саратов)
А. С. Юматов – кандидат экономических наук, доцент (Россия, г. Оренбург)

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-54611 от 01.07.2013 г.

Академический журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции»
включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС
по каталогу Российской прессы «Почта России» – 16478.

*Члены редакционной коллегии журнала «Интеллект. Инновации. Инвестиции»
несут ответственность за все публикуемые материалы.*

*Редакция в своей деятельности руководствуется рекомендациями
Комитета по этике научных публикаций (Committee on Publication Ethics).
Все рукописи рецензируются. При перепечатке и цитировании материалов
ссылка на журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции» обязательна.*

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

- О. Г. Алифанова**
Омонимия концепта «рай» в библейской
и современной языковых картинах
мира5
- Ю. А. Анненкова**
Т. И. Щербинина
Создание коммуникативной
ситуации как метод обучения
иностранным языкам11
- Л. Э. Безменова**
Диалогическая связанность реплик
при произнесении комплиментарных
высказываний (на материале
английского языка).....15
- А. Ю. Белецкая**
Лингвостилистические характеристики
англоязычного рекламного буклета
для туристов как особого рода
креолизованного текста.....20
- М. И. Вахрушева,**
А. С. Мушинская
Трансформации интертекстуальных
включений в заголовках медиатекстов.....25
- Э. Ю. Гусева**
Семантическое пространство как часть
национальной концептосферы.....29
- И. Е. Денисенко**
Роль семантики в движении языка
от аналитизма к синтетизму.....33
- О. В. Евстафияди,**
Л. А. Ласица
Персонализированные условные
ситуации в английском научном
дискурсе.....38
- М. В. Евстигнеева**
Цвет и его репрезентация
в наименованиях птиц в английском
и русском языках.....43
- Т. В. Ежова**
Прагмалингвистические особенности
немецкоязычного политического дискурса
(на материале речей А. Меркель).....48
- Е. Э. Жукова,**
Т. А. Кузнецова
Особенности перевода заголовков
в газетном дискурсе.....53
- С. Г. Заболотная**
Проблемные ситуации на занятиях
по английскому языку в медицинском
вузе как средство конкретизации образа
профессионального будущего.....58
- Е. А. Иванова**
Преподавание иностранных языков
в неязыковом вузе в современных
условиях.....62
- Н. В. Иноземцева,**
Е. В. Турлова
Вербальные дискурсивные маркеры
заголовков англоязычных детских
поэтических произведений.....66
- И. А. Коровина**
Портфолио как средство
формирования профессиональной
направленности студента
медицинского вуза при изучении
иностранных языков.....71
- Е. В. Костомарова**
Специфика преподавания
иностранного и латинского языков
в медицинском вузе.....75
- А. И. Летин**
Содержание языкового
поликультурного образования
применительно к процессу
воспитания и обучения школьников
основного этапа обучения.....79
- Л. В. Мосиенко**
Коммуникативно-ценностные
технологии в обучении
французскому языку.....85
- Р. Р. Насретдинова**
Из опыта преподавания
дисциплины «Введение
в теорию межкультурной
коммуникации».....91

О. М. Осиянова, Е. В. Турлова Опыт разработки критериального аппарата для оценки профес- сиональных компетенций студента- филолога.....	95	В. Ю. Хартунг Понятие стилистической напряженности как характеристики употребления англоязычной терминологической лексики в художественном тексте.....	131
Е. Б. Попов Тестирование как средство оценивания в обучении иностранному языку студентов-юристов.....	102	Н. А. Сараева Языковая личность и способы убеждения в защитительных речах.....	135
М. Ю. Романюк Лингвистические средства создания негативного медиаобраза «Русский мир» в англоязычных печатных СМИ.....	106	О. В. Стрижкова Соотношение категории рекламируемой продуктовой группы и комбинаций используемых речевых актов в рамках рекламного текста.....	139
Т. В. Сапук Формирование опыта интерактивного взаимодействия на основе технологии развития критического мышления.....	116	А. В. Степанова Особенности функционирования прецедентных единиц в кинотексте.....	143
Л. Г. Чапаева Грамматический аспект в обучении французскому языку.....	121	Т. В. Фролова Реализация манипулятивных вербальных технологий в политической культуре США и Великобритании.....	148
О. В. Эпштейн Лингвокультурный феномен черного юмора.....	126	Г. Р. Халюшева Альтернативные направления развития современного высшего образования.....	154

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИКТ-СТРУКТУРЫ РЕГИОНА

Д. В. Горбачев, А. С. Виноградова Общие проблемы информационной безопасности образовательного учреждения.....	160	Д. В. Горбачев, О. В. Трофимова, Р. Н. Подольских Способ оценки социально- экономической эффективности медицинской информационной системы.....	171
Д. В. Горбачев, М. В. Кононова Комплексный подход к организации деятельности службы экономической безопасности предприятия.....	165	Р. Н. Подольских Математическое обоснование выбора коммутационного оборудования для построения КС.....	178

О. Г. Алифанова

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры
английской филологии и методики преподавания
английского языка, ФГБОУ ВПО «Оренбургский
государственный университет»
e-mail: alifanovajw@gmail.com

ОМОНИМИЯ КОНЦЕПТА «РАЙ» В БИБЛЕЙСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Статья посвящена рассмотрению процесса омонимии концептов при заимствовании их другой языковой картиной мира на примере концепта «рай». Рассмотрению также подлежит культурная и религиозная составляющая исследуемого концепта. Первоисточником формирования и раскрытия концепта «рай» является Священное Писание. Формируя целостную языковую картину мира, Библия представляет свои концепты без опоры на какую-либо культуру.

Такие чистые от культуры компоненты когнитивные кванты знаний могли бы служить прочной основой для успешного кросс-культурного взаимодействия между представителями различных культур. Однако в процессе аккомодации другими языковыми картинками библейские концепты, сохраняя свою знаковую форму, приобретают совершенно другое наполнение, которое соответствует заимствующей культуре и мировосприятию. В результате, содержание таких концептов не соответствует их же содержанию в библейской языковой картине мира.

Ярким примером данного процесса является концепт «рай». Библейская картина мира представляет его как земное понятие, а современная языковая картина наделяет его небесной семантикой. Такое концептуальное различие приводит к коммуникативному диссонансу.

Ключевые слова: концепт «рай», концептосфера, концептуальный признак, языковая картина мира, коммуникативный диссонанс, Библия.

Эпоха структурализма в лингвистике открыла науке и обосновала массу языковых явлений, которые помогают понять природу, структуру, способ организации и иерархию в языке. Одним из таких явлений является омонимия, подразумевающая группу слов, которая имеет одинаковую фонетическую и знаковую форму, но различную семантику.

Новая парадигма лингвистики направляет свой вектор исследования на *homo loquens*. Антропоцентризм, в свою очередь, побуждает к исследованию не только продуктов речевой деятельности, но и процессов производства, восприятия, порождения и т. д. этого вида деятельности. Изучение дан-

ных явлений способствовало формированию такого направления в современной научной парадигме, как когнитивная лингвистика.

Однако исследования структурализма, в той или иной мере, представляют интерес и в рамках когнитивно-дискурсивной модели лингвистики. Так, рассмотрение уже хорошо изученных языковых явлений в призме вновь полученных знаний не только помогает постичь непознанное, но и по-новому взглянуть на давно исследуемые языковые процессы. Одним из таких процессов является омонимия. В этой связи представляется не только интересным, но и актуальным рассмотреть это явление в формировании

концепта, т.е. каким образом происходит копирование оболочки концепта, его знака другой языковой картиной мира и наполнение этого знака совершенно другими концептуальными признаками.

Концепт как ключевое понятие когнитивной лингвистики особенно активно исследуется последние десятилетия. Результатом таких исследований являются вариации содержания этого понятия в концепциях различных научных школ и отдельных учёных [3; 9]. Однако то, что концепт является единицей мыслительной, которая содержит в себе накопленный личный, культурный, профессиональный и социальный опыт носителя языка, объединяет все эти исследования. Несомненно и то, что благодаря этим единицам воспринимаются и интерпретируются явления действительности.

Не менее важным термином в когнитивной лингвистике является термин «концептосфера», предложенный академиком Д. С. Лихачёвым [4]. Разграничения и исследования индивидуальной и национальной концептосферы позволяют выявлять причины сбоев в коммуникации как в межличностном общении, так и в межкультурном, а также анализировать языковые и когнитивные картины мира или их фрагменты.

В эпоху когнитивного и коммуникативного диссонанса встаёт вопрос о поиске универсальной картины мира, которая, являясь неким общим дискурсивным пространством культур, способна устранить любой вид диссонанса между участниками коммуникации.

Библия заслужила авторитет универсальной картины мира во многих культурах, прежде всего исповедующих христианство. Именно её законы, принципы явились источником формирования древней культуры, колыбели всего социума. Эта книга легла в основу создания современного законодательства, а значит, и образа жизни общества многих цивилизованных стран.

В этой связи приобретает актуальность изучение концептосферы Библии в целом, и её концептов в частности. Такие исследования помогают выявить изначально сформированное содержание концептов Библии и отделить тот культурный нарост, какой накладывался и продолжает накладываться на эти концепты в результате их проникновения в различные виды культуры, или, дру-

гими словами, помогают сравнить и увидеть различие между содержанием концептов в Священном Писании и содержанием этих же концептов какой-либо языковой картины мира.

Одним из концептов Библии, который, в ходе его проникновения и формирования во многих культурах, получил различное концептуальное содержание, является концепт РАЙ. Перспективы исследования данной проблемы предполагают не только изучение этого концепта в картине мира Библии, но и также в картинах мира других культур с последующим их сравнением.

В ходе концептуального анализа, который, прежде всего, предполагает выявление концептуальных признаков исследуемого концепта РАЙ, было установлено, что ядро концепта, а также его ближняя периферия содержат концептуальные признаки, свидетельствующие о земной природе данного концепта Библии.

Так, предваряя описание Эдемского сада, Библия однозначно утверждает: «И насадил Господь Бог рай в Эдеме, на Востоке» [1, Бытие 2:8]. Выделенные концептуальные признаки, вошедшие в данное описание, такие как *выращенные Богом деревья; деревья, приятные на вид и хорошие для пищи; река для орошения сада; золото, ароматическая смола и драгоценные камни той земли; возделывание рая человеком и забота о нём; полноценная пища со всех деревьев и др.*, напрямую свидетельствуют о земном понятии. Греческое слово *парадейсос* (рай), переведённое с арамейского языка (языка, на котором изначально писались Еврейские Писания (Ветхий Завет)) в Греческих Писаниях также несёт в себе значение ухоженного парка, или сада, существование которого возможно только на земле.

Слова из 36-го Псалма «Праведные наследуют землю и будут жить на ней вечно» не только подтверждают идею земного рая, но и также соответствуют концептуальному признаку *вечная жизнь на земле* концепта РАЙ. Одиннадцатый стих этого же Псалма: «А кроткие наследуют землю и наслаются обилием мира» также расширяет исследуемый концепт такими признаками, как *вечное земное наследие кротких и обилие мира* [8, Псалом 36:29,11]. Концептуальные признаки *истребление нечестивых, жизнь без зла*

находятся в полном согласии со словами из книги Притчи: «...потому что честные будут жить на земле, и безупречные будут оставлены на ней. А нечестивые будут истреблены с земли, и вероломные искоренены из неё» [8, Притчи 2:21-22].

Особенный интерес в отношении земного рая представляют слова Иисуса Христа, сказанные им в Нагорной проповеди: «Счастливы кроткие, потому что они наследуют землю» [8, Матфея 5:5]. Данное высказывание не только соответствует упомянутому концептуальному признаку *вечное земное наследие кротких*, но и подчёркивает присутствие идеи земного рая в Греческих Писаниях (Новом Завете). Подобные высказывания встречаются в этом разделе Библии неоднократно. Так, например, это видно из представленной Иисусом Христом образцовой молитвы, известной как «Отче наш». В шестой главе книги Матфея сказано: «Поэтому молитесь так: “Наш Отец на небесах, пусть святится твоё имя. Пусть придёт твоё царство. Пусть твоя воля будет и на земле, как на небе...”» [8, Матфея 6:9,10]. Концептуальный признак *воля Бога на земле*, как и весь концепт РАЙ, в целом указывают на то, что надежда на земной рай распространялась не только на древних евреев, но и на всех последователей Христа, христиан.

Ещё в первых главах первой книги Библии Бытие сообщается о том, как рай был потерян, и, соответственно, завершается его описание. Несмотря на это, концептуальный анализ дальнейшего повествования показывает, что выявленные концептуальные признаки, сообщающие о рае как о земном понятии, активно используются в последующем изложении событий. Связано это с тем, что такое земное устройство Бога как рай, однажды разрушенное его противниками, должно быть воссоздано Творцом. Так, все 66 книг Библии изобилуют такими обещаниями: «Будет обилие хлеба на земле, на вершинах гор он будет в избытке» [8, Псалом 71:16]; «Полевое дерево даст плоды, и земля даст урожай, и люди будут в безопасности на своей земле» [8, Иезекииль 34:27]; «Люди будут строить дома и жить в них, будут разводить виноградники и есть их плоды. Не будет так, что они построят, а жить будет другой, посадят, а есть будет другой. Дни моего народа будут как дни дерева, и мои из-

бранные будут в полной мере пользоваться изделием своих рук. Не будут трудиться напрасно, и рождают детей для бедствия...» [8, Исаия 65:21-23] и др.

Эти и многие другие цитаты свидетельствуют о наличии таких концептуальных признаков, как *безопасность на земле, материальное процветание, удовлетворяющий труд, изобилие пищи, счастливые семьи, справедливость на земле и др.*, и позволяют сделать заключение о концепте РАЙ в языковой картине мира Библии, как о земном устройстве.

Этот вывод подтверждают и другие светские источники. Так, например, у Джона Мильтона, английского поэта XVII века, в поэме «Потерянный рай» повествуется о том, что Бог создал землю как райский дом для человеческой семьи, который впоследствии был потерян. В основном благодаря этому произведению, впервые опубликованном в 1667 году, Милтон обрел литературную славу, прежде всего в англоязычных странах. Позднее он написал продолжение под названием «Возвращенный рай». Так Милтон верил в то, что Рай будет восстановлен: искупитель в лице Иисуса Христа «верных наградит Блаженством в Небесах или на Земле». Имея в виду библейский концепт РАЙ, без тени сомнения поэт написал: «Ведь Раем станет вся Земля тогда» [6].

Также, как пишут К. Макдоннелл и Б. Лонг, авторы книги «Небеса: история», богослов Ириной Лионский (II век н.э.) был убежден в том, что рай будет восстановлен «не где-то далеко на небесах, а на земле» [14, 112]. В книге также упоминается, что, хотя Жан Кальвин и Мартин Лютер надеялись попасть на небеса, они также верили в то, что «Бог обновит землю». Подобные взгляды отмечаются и у представителей других религий. К. Макдоннелл и Б. Лонг пишут также о том, что некоторые иудеи считали, что в определенное Богом время все человеческие страдания «исчезнут, и люди будут счастливо жить на земле» [14, 232]. Согласно «Энциклопедии мифологии и религии Среднего Востока», в древности персы верили, что «земле будет возвращен ее первоначальный вид, и люди снова будут жить в мире» [13, 69].

Однако в современных картинах мира преобладает другое наполнение концепта

РАЙ, ядро которого составляют концептуальные признаки, говорящие о **небесном** блаженстве. Так, например, Большой Энциклопедический словарь в первую очередь определяет исследуемый концепт следующим образом: «Согласно верованиям большинства религий, место вечного блаженства для душ праведников» [2]. Подобное определение можно найти и в других словарях: «Во многих религиях: место, где души умерших праведников ведут блаженное существование» [11], «в религиозных представлениях: место, где души умерших праведников пребывают в вечном блаженстве» [7], «место, где души праведников после смерти ведут блаженное существование» [5].

Следует заметить, что в библейском концепте РАЙ также содержится концептуальный признак *небесная жизнь*, однако находится он в области крайней периферии исследуемого концепта. Связано это с тем, что идея небесного рая относится лишь к определённой, ограниченному числу людей. Так, в книге Откровение говорится: «Я посмотрел и увидел, что на горе Сион стоит Ягнёнок и с ним сто сорок четыре тысячи, у которых на лбу написано его имя и имя его Отца. ...Они были куплены из людей как первые плоды Богу и Ягнёнку» [8, Откровение 14:1,4]. Ягнёнком, согласно контексту, является воскресший и получивший царскую власть на небе Иисус Христос, а ста сорока четырём тысячам, тем, что «куплены из людей», определена роль соправителей, которые «будут царствовать над землёй» [8, Откровение 5:9,10].

Греческие Писания (Новый Завет) свидетельствуют о том, что к таким людям принадлежат, например, апостолы Иисуса Христа, его первые ученики, и некоторые другие последователи, а значит и надежда небесной жизни обращена лишь к ним. Так, например, апостол Павел, обращаясь к христианам первого века, своим современникам, неоднократно напоминает им: «...если сохраняем стойкость, то вместе и царствовать будем» [8, 2 Тимофею 2:12], «хотел бы я, чтобы вы начали царствовать, чтобы и нам царствовать с вами» [8, 2 Коринфянам 4:8].

Однако согласно исследованиям концепта РАЙ в современных языковых картинах мира наблюдается несоответствие в расположении концептуального признака *небесная*

жизнь при описании полевой организации данного концепта. Так, если в библейском концепте РАЙ указанный концептуальный признак располагался в зоне крайней периферии, то в современных языковых картинах мира он занимает ядерную область концепта. Такое несоответствие обусловлено, по меньшей мере, двумя причинами. Одна из них – это языческое прошлое современных христианских культур. Формирование концепта РАЙ изначально происходило в концептосфере язычника, верящего в бессмертие и переселение души, в загробный мир с его законами и правилами. Следовательно, концепт РАЙ и концепт ДУША обуславливали формирование друг друга в языческой картине мира, то есть появление одного из этих концептов влекло за собой и появление другого.

В этой связи уместно рассмотреть возникновение учения о бессмертии души, явившейся основой формирования концепта ДУША в картине мира язычников, что, в свою очередь, открывает понимание процесса формирования концепта РАЙ этой же языковой картины мира. Учение о бессмертии души берёт свое начало в древнем Вавилоне, и вскоре распространяется на существовавшие в то время культуры. Например, уже в XIV веке до н.э. в Египте получают широкое признание и распространение обычаи, свидетельствующие, что после смерти жизнь продолжается, меняется только форма существования. Так, погребая умершего, египтяне клали рядом с ним вещи, которые пригодились бы ему в потустороннем мире, совершали обряды по умилостивлению его души, успешной дороги в рай и т. д.

В книге «Религия Вавилонии и Ассирии» подтверждается, что: «На Древний Египет, Персию и Грецию большое влияние оказала вавилонская религия. Как видно из табличек Тель-эль-Амарны, в древнее время между Египтом и Вавилонией существовали тесные связи, что создало благоприятную почву для проникновения вавилонских взглядов и обычаев в поклонение египтян. Эта связь настолько очевидна для сегодняшних исследователей, что больше у них не вызывает никаких споров. В основном, эти учения скорее можно назвать вавилонскими» [12, 87].

В Иране и Персии в VII веке до н.э., под влиянием идей о бессмертии души и рае, как

месте их обитания, некий пророк Зороастр создаёт свою систему поклонения, которая сегодня известна как зороастризм. Далее эти идеи уже в VI веке до н.э. захватывают одновременно Грецию и Индию. Древние греки, в их числе Пифагор и один из самых ранних греческих философов Фалес Милетский верили, что души мертвых переправляются через реку Стикс, после этого они попадают в огромное подземное царство, которое называется загробным миром. Там судьи решают, какие души отправить на муки в тюрьму, которая обнесена высокой стеной, а какие – в Элизиум, то есть в рай.

Примерно в это же время индусские мудрецы, которые жили в районе индийских рек Инда и Ганга, были заняты разработкой той же самой концепции. По словам историка Арнольда Тойнби, одновременное появление этого учения «в греческом мире и в Индии вряд ли можно назвать случайным» [16, 36]. Далее Тойнби указывает на возможную причину: «Скорее всего, влияние исходило от евразийских кочевых племен, которые к VIII и VII векам до н.э. достигли Индии, юго-западной части Азии, степных районов северного побережья Черного моря, а также Балкан и полуострова Малая Азия» [16, 38]. Итак, судя по всему, идея о бессмертии и переселении души, стала доступна в Индии благодаря евразийским кочевникам. Эта идея, в свою очередь, формировала такой концепт как ДУША, а значит и место её обитания, определяемое концептом РАЙ.

Таким образом, в культурах древнего мира, существовавших до нашей эры, концептуальные признаки, различным образом выражающие идею жизни после смерти на небе в состоянии блаженства, сформировали ядерную зону концепта РАЙ. Содержание ядра этого концепта в языковых картинах мира древних народов не изменился с приходом и принятием ими христианства. В этом кроется вторая причина рассматриваемого несоответствия в расположении концептуального признака *небесная жизнь* концепта РАЙ библейской и современных языковых картинах мира.

Уже в начале II века н.э. влияние греческой философии, в частности учений Платона о бессмертии души, помешало формированию библейского концепта РАЙ в концептосфере недавно обращённого в христи-

анство язычника. Совершенно очевидно, что вновь обращённым христианам было легче понять и принять схожие по своей сути философские представления о рае и душе, чем менять их на противоположные, библейские. Принять учения Христа, а значит, поменять не только содержание концептов, но и всю свою концептосферу, оказалось непосильной задачей для ещё вчерашних язычников. В Новой Британской энциклопедии также говорится, что: «С середины II века н.э. христиане, которые были знакомы с греческой философией, почувствовали потребность выразить свою веру с помощью философских понятий, делая это как для своего собственного интеллектуального удовлетворения, так и для обращения образованных язычников. Платонизм оказался для них самой подходящей философией» [15].

Об этом же пишет известный испанский философ XX века Мигель де Унамуно: «Христос, скорее, верил в воскресение плоти, что было привычным для евреев, а не в бессмертие души, которому учил греческий философ Платон... Доказательства этого можно найти в любой объективно рассматривающей эту тему книге». В заключение он пишет: «Бессмертие души... является догмой языческой философии» [10, 217].

Итак, сначала языческие, а потом и философские учения не просто до конца сформировали отдельные концепты, в том числе и концепт РАЙ, но и вплели их в сложную систему концептосферы современного представителя той или иной христианской культуры. В результате такие концепты лишь изменили своё название, оболочку знака, оставив прежним своё содержимое, сформированное реалиями жизни язычника и влиянием философии.

Следовательно, если сохранились и утвердились представления о бессмертии души в современных языковых картинах, то и в концепте РАЙ по-прежнему содержатся ядерные концептуальные признаки, определяющие это устройство как место для этих бессмертных душ на небе. Это подтверждают как процитированные в статье словари, отражающие коллективный опыт представлений и знаний, так и опрос представителей русскоязычной культуры. Несомненным является и то, что содержание концепта РАЙ библейской картины мира ко-

ренным образом отличается от его содержания в современных христианских культурах, где формирование концепта происходило под влиянием языческих верований и философских учений.

Литература

1. Библия. Синодальный перевод. – Объединённые библейские общества, 1995.
2. Большой энциклопедический словарь. – URL: <http://slovari.299.ru/enc.php> (дата обращения 15.03.2011).
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Монография. – Волгоград: ВГПУ, 2002. – 477 с.
4. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М.: Наука, 1993 – С. 37–42.
5. Малый академический словарь русского языка. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/mas/58379/рай> (дата обращения 15.03.2011).
6. Мильтон Дж. Потерянный рай. – URL: <http://lib.ru/POEZIQ/MILTON/milton.txt> (дата обращения 10.04.2011).
7. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. – URL: <http://www.ozhegov.org/words/29698.shtml> (дата обращения 15.03.2011).
8. Священное Писание. Перевод нового мира. – NY: Watchtower Bible and Tract Society of New York, 2007.
9. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.
10. Унамуно, Мигель де. О трагическом чувстве жизни. Киев: Символ, 1997. – 414 с.
11. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. – URL: <http://ushakovdictionary.ru> (дата обращения 15.03.2011).
12. Jastrow M. Assyro-Babylonian religion. – Boston: Ginn, 1921. – 134 p.
13. Knappert J. The encyclopaedia of Middle Eastern mythology and religion / ed. by Jan Knappert Shaftesbury. – Dorset: Element, 1993. – 746 p.
14. McDonnell C., Long B. Heaven: A History. – Yale: Yale University Press, 2001. – 411 p.
15. New Encyclopædia Britannica. – URL: <http://www.britannica.com/bps/subjectbrowse/?subject1=746932&view=search&sort=name&topic-type> (дата обращения 24.04.2011).
16. Toynbee A. J. A Study of History. – Oxford: Oxford University Press, 1934. – Vol. 3. – 617 p.

References

1. The Bible. (1995), “Synod translation” [Bibliya. Sinodalnyi perevod], Assembled biblical society.
2. Big encyclopedia [Bolshoi Entsiklopedicheskii slovar], available at <http://slovari.299.ru/enc.php>.
3. Karasik, V. (2002), “Language cycle: personality, concepts, discourse” [Yazykovi krug: lichnost, kontsepty, diskurs], Volgograd, VSPU. – 477 p.
4. Likhachov, D. (1993), “Sphere of concepts of the Russian language” [Kontseptosfera russkogo yazyka], News of Academy of Science of the USSR, series of literature and language. – P. 37–42.
5. Small encyclopedia of the Russian language [Malyi Entsiklopedicheskii slovar russkogo yazyka], available at <http://dic.academic.ru/dic.nsf/mas/58379/рай>.
6. Milton, J. “The lost paradise” [Poteryannyi rai], available at <http://lib.ru/POEZIQ/MILTON/milton.txt>.
7. Ozhegov, S. “Definition dictionary of the Russian language” [Tolkovyi slovar russkogo yazyka], available at <http://www.ozhegov.org/words/29698.shtml>.
8. The Holy Scriptures. (2007), “New World Translation” [Svyaschennoye Pisanie. Perevod novogo mira], Watchtower Bible and Tract Society of New York.
9. Stepanov, Y. (2001), “Constants: vocabulary of Russian culture” [Konstanty: slovar russkoi kultury], Academic project, Moscow. – 990 p.
10. Unamuno, M. (1997), “About tragic sense of life” [O tragicheskom chuvstve zhizni], Symbol, Kiev.
11. Ushakov, D. “Definition dictionary of the Russian language” [Tolkovyi slovar russkogo yazyka], available at <http://ushakovdictionary.ru>.

Ю. А. Анненкова

преподаватель кафедры иностранных языков
ФГБОУ ВПО «ОГИМ»

Т. И. Щербинина

старший преподаватель кафедры иностранных языков
ФГБОУ ВПО «ОГИМ»

СОЗДАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ КАК МЕТОД ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

В данной научной статье представлены преимущества использования коммуникативной ситуации как метода обучения иностранным языкам. Обоснован выбор данного метода обучения как наиболее эффективного на сегодняшний день, представлены основные этапы обучения при коммуникативном подходе, дифференцирована роль преподавателя в ходе педагогического взаимодействия на разных этапах. Ценность коммуникативной ситуации заключается в её направленности на формирование у учащихся коммуникативной компетенции языковой, разговорной, практической и социально-лингвистической, когда обучающийся готов использовать иностранный язык как орудие речемыслительной деятельности.

Ключевые слова: коммуникативная ситуация, ценностный потенциал коммуникативной ситуации, функции преподавателя, принципы коммуникативного подхода.

Основой любого процесса обучения является общение. Язык и речь объединяются воедино как средства и способы осуществления различных видов речевой деятельности в целях коммуникации.

В связи с тем, что проблема мирового уровня общения приобретает все большую актуальность, в современном обществе идёт процесс формирования нового коммуникативного сознания в целях достижения эффективного взаимодействия представителей разных культур. Поэтому глобальной целью обучения иностранным языкам является удовлетворение тех общественных потребностей, которые связаны с активной интеграцией наших специалистов в мировую науку и профессиональную деятельность.

В настоящее время преподавание языка приобрело прикладной характер, в то время как раньше оно было сравнительно отвлечённым и теоретизированным. Функции педагога в образовательном процессе значительно изменились. На смену учителю-диктатору пришел учитель-наблюдатель, учитель-посредник и руководитель.

В связи с этим первую строчку в рейтинге популярности методик преподавания иностранных языков активно удерживает коммуникативный подход, который, как следует из его названия, направлен на практику общения. Из четырех «китов», на которых держится любой языковой тренинг (чтение, письмо, говорение и восприятие речи на слух), повышенное внимание уделяется именно двум последним. Вы не услышите

на занятиях особенно сложных синтаксических конструкций или серьезной лексики.

Коммуникативный подход в обучении иностранным языкам, прежде всего, призван научить свободно ориентироваться в иноязычной среде, а также уметь адекватно реагировать в различных речевых ситуациях.

Процесс обучения при данном подходе строится на основе модели коммуникации. В соответствии с этим обучение максимально приближено к реальному общению. Поскольку обсуждаемые проблемы не имеют, как правило, однозначного решения, то обсуждающие их субъекты – учитель и ученики – равноправны как речевые партнеры. Поэтому основной чертой данного подхода является коммуникативность, которая предусматривает речевую направленность обучения, стимулирование речемыслительной активности, обеспечение индивидуализации, учет функциональности речи, создание ситуативности обучения, соблюдение принципа новизны и нешаблонности организации учебного процесса. Результаты эмпирических исследований позволяют утверждать, что эффективность преподавания в значительной мере зависит от умения учителя организовать ситуативную речь учащихся и умелого управления ею. Умение учителя создавать учебно-речевые ситуации, с целью стимулировать речевую деятельность учащихся является системообразующим.

Коммуникативная ситуация как ситуация взаимодействия между преподавателем и учащимся, опосредуемая учебным материалом и межличностными взаимоотношениями в учебной группе, имеет трёхкомпонентную структуру в соответствии с трёхфазовой структурой деятельности:

- 1) ориентирующая фаза – формулировка коммуникативного задания;
- 2) исполнительская – решение коммуникативной задачи;
- 3) контролирующая – контроль или самоконтроль.

Коммуникативный метод (Communicative Approach) развивает все языковые навыки – от устной и письменной речи до чтения и аудирования. Грамматика же осваивается в процессе общения на языке: студент сначала запоминает слова, выражения, языковые формулы и только потом начинает разби-

раться, что они собой представляют в грамматическом смысле. Цель – научить студента говорить на иностранном языке не только свободно, но и правильно.

Единицей обучения иностранному языку в коммуникативной модели обучения является коммуникативная ситуация. Учебная коммуникативная ситуация, призванная обеспечить потребности учащихся в речевом общении, представляет собой совокупность условий, побуждающих к выражению мыслей и использованию при этом определенного языкового материала.

Практика показывает, что усвоение грамматического материала целесообразно проводить на следующих этапах: предъявление речевого образца (через анализ и синтез грамматического явления), тренировка и применение в речи. Для каждого из этапов характерны соответствующие их целям упражнения.

Обучение грамматической стороне устной речи, связанное с формированием соответствующих автоматизмов, эффективно осуществляется через следующие тренировочные упражнения:

- имитационные;
- повторительные;
- трансформационные;
- подстановочные (таблицы);
- упражнения игрового характера.

Впоследствии осуществляется окончательное оформление грамматических речевых умений и навыков, т.е. применение в речи.

В рамках коммуникативного метода на уроке иностранного языка учителем создаются ситуации, в которых студенты общаются в парах друг с другом, в группах. Это делает урок более разнообразным. Работая в группе, учащиеся проявляют речевую самостоятельность. Они могут помогать друг другу, успешно корректировать высказывания собеседников.

Отличительной чертой таких уроков является использование речевой задачи в качестве установки к упражнениям.

Е. И. Пассов предлагает различить четыре вида условно-речевых упражнений:

Имитативные – при выполнении данных упражнений учащийся при выражении своей мысли использует речевой образец, который он воспринял в реплике учителя, например:

Скажите, что вы любите делать то же самое.

Учитель: Я очень люблю стихи Гейне.
А ты?

Ученик: Я тоже люблю стихи Гейне.

Подстановочные – учащийся осуществляет действие по подстановке соответствующей замыслу его высказывания ЛЕ в грамматическую структуру, также предъявляемую в реплике учителя, например: Возразите мне, если это не верно.

Учитель: Ты любишь читать стихи.

Ученик: Вы не правы. Я люблю читать приключенческие романы.

Трансформационные – предполагают трансформацию реплики учителя, например: Скажите, что вы хотите сделать что-нибудь другое.

Учитель: Я прочитал роман Ремарка.

Ученик: Я собираюсь прочитать стихи Шиллера.

Собственно-репродуктивные – учащиеся самостоятельно воспроизводят лексические единицы в высказываниях типа: Я прочитал вчера очень интересную книгу. Книга рассказывает о животных.

Комплекс условно-речевых упражнений организуется соответственно стадиям формирования лексических навыков говорения.

Практическая речевая направленность есть не только цель, но и средство, где и то, и другое диалектически взаимообусловлено». В соответствии с этим Е. И. Пассов выделил следующие принципы коммуникативного подхода при обучении иностранному языку:

1. *Принцип речевой направленности учебного процесса*, который заключается не столько в том, что преследуется речевая практическая цель, сколько в том, что путь к этой цели есть само практическое использование языка;

2. *Принцип индивидуализации обучения*, под которым понимается учет всех свойств обучающегося как индивидуальности: его способностей, его умений осуществлять речевую и учебную деятельность и главным образом его личностных свойств;

3. *Принцип функциональности* определяет, прежде всего, адекватный процессу коммуникации отбор материала;

4. *Принцип ситуативности*. Принципиально важным является отбор и организация материала на основе ситуаций и проблем

общения, которые интересуют обучающихся и максимально приближены к жизненным;

5. *Принцип новизны*. Процесс общения характеризуется постоянной сменой предмета разговора, обстоятельств, условий, задач и т. п.

Очевидно также, что для успешного создания коммуникативной ситуации и выбора соответствующей траектории отношений требуется обширное социальное знание. Как минимум оно включает: оценку ситуации, оценку собеседника, потенциальных взаимоотношений с ним и поведения, стратегическое планирование стиля общения, усвоение опыта социального взаимодействия, социальную интуицию.

Средством, позволяющим ввести обучаемых в ситуацию диалога культур, сформировать их социокультурную открытость, могут стать ситуации, которые впоследствии переносятся в реальные условия межкультурного общения. Известные западные модели коммуникативной компетенции рассматривают социокультурный компонент как вспомогательный социолингвистической компетенции. Так, знание норм поведения, ценностей, правил общения необходимо для выбора верного речевого регистра.

Следовательно, на современном этапе преподавания языков международного общения в России знания культуры страны и народа изучаемого языка будут не просто важными и значительными, они будут играть определяющую роль при использовании языка и тем самым влиять на иноязычную коммуникативную компетенцию учащихся. Таким образом, коммуникативная ситуация как единица обучения иностранному языку является не только основной дидактической единицей, но и средством воспитания ценностных отношений личности: отношения личности к себе, к другим, к окружающему миру.

К сожалению, нельзя сказать, что уже познаны и сформированы все закономерности, позволяющие эффективно использовать коммуникативный метод при обучении иностранному языку. Данный метод не исследован должным образом, хотя уже имеется достаточно богатый опыт методической организации коммуникативно-ориентированного обучения иноязычной речи.

Литература

1. Трифонова И. С. Ценностный потенциал коммуникативной ситуации в обучении иностранным языкам / Иностранные языки в школе. – М., 2012. – С. 10–13.
2. Кочеткова, И. К. Значение и роль обучения иностранному языку в новой ситуации в мире / И. К. Кочеткова // Проблемы национальных характеров, менталитетов и их проявление в языке. – М., 2001. – С. 48–50.
3. Гришаева Е. Б. Детерминированность современной практики преподавания иностранных языков социально-экономическими факторами / Гришаева Е. Б. / Сборник научных трудов II Международной летней школы для молодых исследователей «Инновационные образовательные технологии в преподавании иностранных языков». – Томск: – Изд-во ТГПУ, 2005. – С. 97–112.
4. Холл, М. Игровые модели успешного бизнеса / М. Холл. – М.: Эксмо, 2004. – 336 с.
5. Крапивина, М. Ю. Обучение иноязычному профессионально-ориентированному общению в современных условиях университетской лингвистической подготовки: монография / М. Ю. Крапивина – Оренбург: ОГУ, 2011. – 158 с.
6. Лаврентьев, Г. В. Инновационные обучающие технологии в профессиональной подготовке специалистов / Г. В. Лаврентьев, Н. Б. Лаврентьева. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 156 с.

References

1. Trifonova I. S. Significant potential of communicative situation in teaching foreign languages [Zennostnyi potencial kommunikativnoi situazii v obuchenii inostrannym yazykam]. Foreign languages in school. – M. 2012. – P. 10–13.
2. Kochetkova, I. K. The importance and role of foreign language teaching in a new world situation [Znachenie i rol obucheniya inostrannomu yazyku v novoi situazii v mire] I. K. Kochetkova // The problems of national characters, mentalities and their expression in the language. – M., 2001. – P. 48–50.
3. Grishayeva, E. B. Socio-economic factors as determinants of modern practice of foreign language teaching [Determinirovannost sovremennoi praktiki prepodavaniya inostrannyh yazykov sozealno-ekonomicheskimi faktorami]. E. B. Grishayeva / Collection of scientific works of II International Summer School for young researchers “Innovation technologies in teaching foreign languages”. – Tomsk: – TGPU, 2005. – P. 97–112.
4. Hall, M. Game models of successful business [Igrovye modeli uspeshnogo biznesa] M. Hall. – Eksmo, 2004. – 336 p.
5. Krapivina, M. Y. Foreign language teaching profession-oriented communication in current conditions of university language training [Obuchenie inoyazychnomu professionalno-orientirovannomu obtsheniyu v sovremennyh usloviyah universitetskoj lingvisticheskoi podgotovki]. Monograph / M. Y. Krapivina – Orenburg: OSU, 2011. – 158 p.
6. Lavrentiev, G. V. Innovative educational technologies in training of specialists [Innovatsionnye obuchayushchie tehnologii v professionalnoi podgotovke spetsialistov]. G. V. Lavrentiev, N. B. Lavrentieva. – Barnaul: ASU, 2002. – 156 p.

Л. Э. Безменова

кандидат филологических наук, доцент кафедры
английской филологии, ФГБОУ ВПО «Оренбургский
государственный педагогический университет»
bezmenova.larisa@mail.ru

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ СВЯЗАННОСТЬ РЕПЛИК ПРИ ПРОИЗНЕСЕНИИ КОМПЛИМЕНАРНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматривается прагматическая связанность реплик диалогического единства при произнесении комплиментов – речевых актов положительной оценки адресата. Нормальный ход диалога предполагает согласование иллокутивных намерений участников. Согласованность реплик порождает прагматическую связанность компонентов диалога. В образовании диалогического единства ведущую роль играют прагматические факторы, а не формально-синтаксические. Комплименты могут выступать в качестве иницилирующих и реактивных реплик диалога. Если говорящий хочет услышать комплимент, он дает себе отрицательную самооценку или прямо спрашивает о своих качествах. Комплимент может выступать в качестве иницилирующей реплики. Делая комплимент, говорящий рассчитывает на определённую речевую реакцию со стороны слушателя. Ответная реакция на комплимент в большинстве случаев показывает, достиг ли говорящий перлокутивного эффекта, к которому стремился.

Ключевые слова: диалогическое единство, прагматика, теория речевых актов, комплимент.

Диалог, будучи одной из форм существования языка, является едва ли не важнейшей областью проявления языковых закономерностей. Основное свойство диалога вызывать быстрое спонтанное реагирование было ещё замечено Л. П. Якубинским [10, с. 134]. В качестве основного формально-организующего признака диалога называется реплицирование (чередование реплик): «регулярный обмен высказываниями-репликами» [6, с. 119], «ряд сменяющих друг друга реплик» [9, с. 161]. Как отмечает В. Д. Девкин, в диалоге частично нарушается одно из основных свойств предложения – законченность: «Реплика ориентирована на контекст и выступает неотъемлемой его частью» [7, с. 27]. Согласованность реплик

порождает прагматическую связанность компонентов диалога. В образовании диалогического единства ведущую роль играют прагматические факторы, а не формально-синтаксические. По определению Е. В. Падучевой, «прагматические связи – это такие, в которые существенным образом включается речевой акт, с его условиями успешности, его участниками, с естественными законами сочетаемости речевых актов друг с другом и т. п.» [8, с. 306]. Таким образом, участник диалога вынужден выполнять разнообразные речевые действия и заставляет партнёра реагировать на них определённым образом. Каждое такое речевое вынуждение получает ответную реакцию со стороны другого участника. При анализе диалогических

структур необходимо рассматривать в единстве реплику-стимул и реплику-реакцию, ибо «тип реакции в большей или меньшей степени задаётся самим речевым стимулом, программируется им» [1, с. 45].

Комплименты являются единицами речевого этикета. Речевой этикет следует рассматривать как одно из средств организации ведения разговора. Его целью является «вызвать положительную реакцию собеседника по отношению к говорящему и тем самым создать атмосферу, благоприятную для дальнейшего общения» [5, с. 40]. Комплимент может выступать как в качестве реактивной, так и иницирующей/ стимулирующей реплики. В качестве формальной экспликации связи между репликами А. А. Баранов и Г. Е. Крейдлин предложили термин «иллокутивное вынуждение», т. е. один речевой акт вынуждает другой речевой акт [4, с. 86]. Иллокутивно-независимый речевой акт – это речевой акт, иллокутивное назначение которого на данном этапе определяется исключительно интенциями самого говорящего, а иллокутивно-зависимый речевой акт – речевой акт, иллокутивное назначение которого всецело определяется иллокутивным назначением какой-либо предшествующей реплики. Если говорящий хочет услышать комплимент, он «вынуждает» адресата сказать его двумя способами:

1) он отрицает наличие у себя какого-либо качества, умаляет свои достоинства; давая себе отрицательную самооценку, говорящий провоцирует комплимент:

“Oh dear ... he makes me feel so stupid and clumsy.”

“You look”, I said truthfully, “poised, well-dressed and anybody's match” [14, p. 135];

2) говорящий прямо спрашивает о своих качествах, в этом случае часто возникает лингвистический конфликт между вежливостью и ясностью высказывания. В большинстве случаев коммуникативное задание направлено в первую очередь на избежание обиды и только потом на достижение ясности:

“Do I look all right?” I could almost hear Momma whispering behind me: “It's all right to fish for compliments, Leigh. A woman should sound a little insecure, no matter how sure of herself she might be” [11, p. 90].

Если говорящий хочет получить на своё сообщение вполне определённый отклик, он

сопровождает его стимулирующим вопросом:

“Have got a good figure, haven't I. Andy?”
“Lovely” [12, p. 109].

Говорящий «вынуждает» сказать себе комплимент не только речевыми, но и неречевыми действиями. В следующем примере героиня учит дочь, как надо вести себя, чтобы заслужить комплимент: «She had told me often that men like it when beautiful women pretend to be modest. It gives them an opportunity to heap compliments on them without shame or fear of being so flattering, and the woman could draw compliment after compliment by denying and blushing and looking as though she needed the adulation» [11, p. 233].

Сфера употребления единиц речевого этикета тесно связана с типичными ситуациями, в которых говорящий выражает общепринятую интерпретацию ситуации. Неупотребление ожидаемого высказывания воспринимается по неписаным, но всем известным законам, как нежелание продолжать разговор или даже к срыву коммуникации [5, с. 43]. В рамках межличностной речевой деятельности наиболее желательна для говорящего реакция, отвечающая условию согласия («единомыслия», «единочувствия»). Адресат должен принять приглашение к сопереживанию. Ожидается, что он так или иначе выразит своё восхищение, согласится с точкой зрения говорящего. Несогласие с говорящим, хотя и возможно, но не столь закономерно в этом случае.

Комплимент может выступать в качестве иницирующей реплики в рамках диалогического единства. Делая комплимент, говорящий рассчитывает на определённую речевую реакцию со стороны слушателя. Языком выработан целый ряд всевозможных вариантов ответа на комплимент. Говорящему предстоит осуществить свой выбор, который связан с предпочтением одного из альтернативных вариантов и отказом от других. Этот выбор носит субъективный характер: He said ... “You're looking very beautiful.” I said, «Thank you», which is what nicely raised American girls are taught to say when paid a compliment. (English girls say things like, “Oh, I don't, I look a mess”, “How can you say you like the dress? It's ghastly” [15, p. 558].

От характера высказывания зависит степень запрограммированности диалогиче-

ских реакций, устанавливаемая иллокутивной силой. Предшествующий речевой акт задаёт контекст, в котором происходит оценка последующего речевого акта. Предшествующий речевой акт может просто играть вспомогательную роль, т.е. делать речевой акт возможным относительно предыдущего речевого акта, или нести в себе большую прогнозирующую силу, делая последующий речевой акт вероятным или даже необходимым, как это бывает во всех видах ритуализированных последовательностей, например в таких парах, как <комплимент и благодарность>. «Наиболее недвусмысленный речевой стимул содержится в вопросах и директивных речевых актах. Однако уже обычное повествовательное предложение часто содержит весьма слабый и неоднозначный речевой стимул» [2, с. 63].

Построить гипотезы относительно дальнейшего хода событий с одинаковой точностью для всех диалогов невозможно. Но поскольку в событиях и действиях очень много повторяющихся черт, то этими чертами будут наделены и сообщающие о них дискурсы. Наше знание об условиях и следствиях в реальном мире часто служит для нас базой формирования контекстных ожиданий относительно дальнейшего хода повествования в дискурсе. Знание того, что при встрече после долгой разлуки принято делать комплимент, ставит героиню в позицию «ожидания» комплимента: "... how are you, Granny?" asked Den, as a large puppy, and ... I thought he was going to say: "You're looking well" [16, p. 32].

В теории речевых актов принято рассматривать преимущественно независимые акты вместе с их условиями успешности. Эти условия успешности контекстно свободны и определяются самим актом, т.е. их источник – исключительно его семантика и прагматика. В то же время условия успешности зависимого речевого акта формируются не только на основе его прагматики и семантики, но и испытывают существенное влияние иллокутивного назначения «вынуждающего» речевого акта. Вынуждение же, действуя на пространстве речевого акта, формируется не только под влиянием иллокутивной функции речевых высказываний, но и находится под воздействием общих законов функционирования диалога. К по-

следним принадлежат социально обусловленные законы – известные максимы Г. П. Грайса и принцип вежливости Дж. Лича [3, с. 26–27]. Но как показывают исследования по теории коммуникации и прагматики, максимы Г. П. Грайса часто не соблюдаются, так как «принцип вежливости» является более сильным. Он требует ослабить выражение невежливых, т.е. неблагоприятных для собеседника мнений, и усилить выражение благоприятных мнений. Вежливость, как подчёркивает Дж. Лич, по своей природе асимметрична: то, что вежливо по отношению к адресату, было бы некорректно по отношению к говорящему. Говорящий, например, считает вежливым сказать собеседнику комплимент, слушающий считает долгом воспитанного человека не согласиться с ним. Целью «принципа вежливости» является социальное равновесие и дружеский психологический настрой говорящих. Вот почему так часто реакцией на комплимент является взаимный комплимент. Говорящие часто стремятся придерживаться аксиологического согласования сообщений, которое может привести к вырождению диалога в обоюдную лесть. В этих случаях в репликах производится контрастирование ситуации говорящего с ситуацией адресата:

"You look mighty sweet tonight."

"Thank you, Anthony."

"In fact, you're uncomfortably beautiful," he added.

"And you're very charming" [13, p. 97].

Ответная реакция на комплимент в большинстве случаев показывает, достиг ли говорящий перлокутивного эффекта, к которому стремился. В следующем диалогическом единстве имеет место коммуникативная неудача:

Mrs. Hushabye: ...you become quite clever when you talk about her.

Mazzini: I didn't know I was so very stupid on other subjects [17, p. 186].

Отличие диалога от других сфер функционирования языка заключается прежде всего в сложной картине взаимодействия коммуникантов. Нормальный ход диалога предполагает согласование иллокутивных намерений участников. Участники диалога олицетворяют собой паритетные начала при переменной роли в речевой деятельности и в восприятии текста. В составе диалогическо-

го единства комплименты могут выступать в качестве инициативной и реактивной реплики. При этом языковой отбор для них, в известной мере, несвободен: он структурно,

содержательно и экспрессивно определен составом предыдущей реплики и прагматической ситуацией общения.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему» реплики в русском языке / Н. Д. Арутюнова // Филологические науки. – 1970. – № 3. – С. 44–58.
2. Арутюнова, Н. Д. Диалогическая цитация / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания – 1986. – № 1. – С. 50–64.
3. Арутюнова, Н. Д., Падучева, Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 3–43.
4. Баранов, А. Н., Крейдлин, Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // А. Н. Баранов, Г. Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2. – С. 84–100.
5. Безменова, Л. Э. Функционально-семантические и прагматические особенности речевых актов (на материале комплиментов в современном английском языке): дис. ... канд. филол. наук (10.02.04 – германские языки) / Л. Э. Безменова; рук. работы Н. А. Шехтман. – Самара: СГПУ, 2001. – 174 с.
6. Винокур, Т. Г. Диалог / Т. Г. Винокур // Русский язык; Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 1998. – С. 119–120.
7. Девкин, В. Д. Диалог: Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской / В. Д. Девкин. – М.: Высш. шк., 1981. – 160 с.
8. Падучева, Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
9. Пустовалов, П. С., Сенкевич, М. П. Пособие по развитию речи / П. С. Пустовалов. М. П. Сенкевич. – М.: Просвещение, 1987. – 185 с.
10. Якубинский, Л. П. Избранные работы: язык и его функционирование / Якубинский Л. П. – М.: Наука, 1986. – 207 с.
11. Andrews, V. Web of Dreams / V. Andrews. – Glasgow: Collins, 1990. – 416 p.
12. Barstow, S. A Raging Calm / S. Barstow. – London: Corgi, 1971. – 234 p.
13. Fitzgerald, S. The Beautiful and Damned / S. Fitzgerald. – New York: Charles Scribner's Sons, 1950. – 449 p.
14. Francis, D. Proof / D. Francis – London: Guild Publishing, 1984. – 264 p.
15. Pilcher, R. / R. Pilcher // Collection. Vol. II. – London: Coronet Books, 1992. – 643 p.
16. Sheringham, S. Cuckoo in the Nest / S. Sheringham. – London: Hadder and Stoughton, 1991. – 424 p.
17. Show, B. Four Plays / B. Show – М.: Foreign Languages Publishing House, 1952.

References

1. Arutyunova, N. D. Some types of dialogue reactions and “why” replies in the Russian language [Nekotorye tipy dialogicheskikh reaktsiy v russkom yazyke]. *Phylological Sciences*. – 1970. – № 3. – P. 44–58.
2. Arutyunova N. D. Dialogic citation [Dialogicheskaya tsytatsiya] // *Problems of Linguistics*. – 1986. – № 1. – P. 50–64.
3. Arutyunova, N. D., Paducheva E. V. The Origin, problems and categories of pragmatics [Istoki, problemi i kategorii pragmatiki]. *The new in foreign linguistics*. – М.: Progress Publishing, 1985. – № 16. – P. 3–43.
4. Baranov, A. N., Kreidlin G. E. Illocutionary compulsion in dialogue [Illocutivnoye vynuzhdenie v structure dialoga]. *Problems of Linguistics*. – 1992. – № 2. – P. 84–100.
5. Bezmenova, L. E. Functionally-semantic and pragmatic characteristics of speech acts (on the material of compliments in the Modern English language) [Funktsionalno-semanticheskie

i pragmatiche osobnosti rechevykh aktov (na materiale komplimentov v sovremennom angliyskom yazyke): Dissertation ... Candidate of Philological Sciences (10.02.04. – German languages). – Samara, 2001. – 174 p.

6. Vinokur, T. G. The Dialogue [Dialog]. The Russian Language; Encyclopedia. – M.: Drofa, 1998. – P. 119–120.

7. Devkin, V. D. The Dialogue: The German spoken speech in comparison with the Russian one [Dialog: Nemetskaya razgovornaya rech v sopostavlenii s russkoi]. – M.: VyssajaSkola, 1981. – 160 p.

8. Paducheva, E. V. Semantic researches (Semantics of time and aspect in Russian; Semantics of narrative) [Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i zaloga v russkom yazyke; Semantika narrativa)] – M.: Skola, 1996. – 464 p.

9. Pustovalov, P. S., Senkevich M. P. Aid on speech development [Posobie po razvitiyu rechi]. – M.: Prosveshenie, 1987. – 185 p.

10. Yakubinskiy, L. P. Selected works: Language and its functioning [Izbrannye raboty: yazyk i ego funktsionirovanie]. – M.: Science, 1986. – 207 p.

А. Ю. Белецкая

кандидат филологических наук, доцент кафедры
английской филологии, ФГБОУ ВПО «Оренбургский
государственный педагогический университет»
e-mail: allabeletskaya@yandex.ru

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО РЕКЛАМНОГО БУКЛЕТА ДЛЯ ТУРИСТОВ КАК ОСОБОГО РОДА КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА

В данной статье рекламный буклет для туристов рассматривается как креолизованный текст, в котором тесная спаянность вербальных и невербальных компонентов обеспечивает высокую степень его воздействия на интеллектуальную и эмоциональную сферу адресата рекламной продукции. Для создания положительного имиджа туристических достопримечательностей в креолизованном тексте используются как невербальные средства (фотографии), так и вербальные средства. Проведенный анализ вербального компонента англоязычных рекламных буклетов представляет его структурные, лексические и стилистические особенности в функционально-стилевом аспекте. На вербальном уровне воздействие на адресата буклета реализуется при помощи эпитетов, метафор, образных сравнений, гипербола и других стилистических приемов, реализующих в текстах буклетов положительную оценку рекламируемого продукта. Достаточно широкий выбор средств речевого воздействия представлен в рекламном буклете для туристов на уровне экспрессивного синтаксиса.

Ключевые слова: вербальный, иконический, креолизованный текст, рекламный буклет.

В современной лингвистике текста на настоящем этапе происходит перестройка подходов к изучению текста. Традиционное понятие текста, когда текст рассматривается только как линейная, семиотически однородная сущность, противоречит современным представлениям о процессах познания, порождения и восприятия текста [5, с. 6]. Интерес ученых прикован к так называемым «нелинейным» текстам, в том числе и к креолизованным текстам.

Термин «креолизованные тексты» принадлежит отечественным лингвистам, психолингвистам Ю. А. Сорокину и Е. Ф. Тарасову. «Креолизованные тексты – это тексты, фактура которых состоит из двух неомогенных частей: вербальной (языковой/

речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [6, с. 180]. Взаимодействуя друг с другом, вербальный и иконический тексты обеспечивают целостность и связность произведения, его коммуникативный эффект.

Изображение в креолизованном тексте выполняет символическую, аргументирующую, иллюстративную, эвфемистическую, характерологическую, сатирическую функции. Изобразительный компонент может выступать в качестве: а) символической репрезентации ситуации; б) аргумента, подтверждающего мысль, выраженную вербальными средствами; в) иллюстративного примера. Он также может замещать текст, прямое вы-

ражение которого вербальными средствами запрещено или нежелательно с точки зрения идеологии или морали и этики [1].

Следующим важным компонентом креолизованного текста является вербальная часть. Вербальный текст в таких случаях становится лишь связующим и вводящим звеном, составляет своеобразную рамку, «упаковочный материал» [2, с. 119]. В креолизованном тексте вербальная часть выполняет разнообразные функции. К основным из них относятся: номинативная, информативная, когерентная, интегративная функции. В целом изобразительный ряд и вербальный компонент создают единый образ креолизованного текста как объекта вербальной и визуальной коммуникации.

Существуют исследования, свидетельствующие о том, что вербально и невербально передаваемая информация воспринимается по-разному. Вербальный компонент воздействует на рациональное сознание, а иконический компонент влияет на подсознание. Спаянность вербального и невербального компонентов в креолизованном тексте значительно повышают его эффективность как средства воздействия на эмоциональную сферу адресата, а через нее и на его интеллектуальную сферу. Это свойство креолизованных текстов обуславливает их использование в рекламе, основной целью которой является убеждение потенциальных покупателей приобрести рекламируемые товары или приглашение клиентов воспользоваться услугами фирмы [3].

Одним из видов рекламных сообщений является рекламный буклет. Рекламный буклет – это отпечатанный лист, сложенный в несколько раз и содержащий более полную информацию о продукте или услуге, нежели листовка. В рекламном буклете можно поместить любую графическую (фотографии, схемы, картинки) информацию [7].

На страницах туристического рекламного буклета помещается информация о компании, турах/ экскурсиях, местах отдыха, достопримечательностях, предлагаемых развлечениях и другие презентационные материалы.

Исследования психологов показывают, что люди воспринимают **рекламное сообщение** следующим образом: 1) сначала они смотрят на иллюстрацию; 2) затем чи-

тают заголовок; 3) и, наконец, читают текст рекламного сообщения [3].

Чаще всего в рекламном буклете для туристов используются фото, реже рисунки. Хорошая цветная фотография делает изображение эмоционально насыщенным, создавая живое впечатление присутствия зрителя в изображаемом месте или ситуации. Фото придает реальность изображению. Авторы рекламных буклетов, как правило, предпочитают располагать изображение перед основным текстом, что объясняется основной функцией изображения – привлечь внимание и расположить адресата к восприятию информации. Предъявление изображения перед текстом сообщения имеет ряд значительных преимуществ:

а) последующий текст является обоснованным, он аргументирован изображением, т.е. дан объективно;

б) даже если графика лишь иллюстрирует текст, изображение несет большое количество информации, которую рекламодатель может в три секунды (именно столько, по подсчетам ученых, взгляд читателя задерживается на изображении) «вложить» в адресата (крайне экономное и эффективное средство воздействия и коммуникации);

в) текст сокращается, избавляется от ненужных подробностей, уже сообщенных изображением, что немаловажно, так как цены на рекламу высоки;

г) изображение быстрее вызывает эмоциональную реакцию, чем текст, что в случае правильно выбранного изображения способствует положительному настрою адресата на последующее сообщение, вызывает его доверие и расположение;

д) положительные эмоции, вызванные первым впечатлением от изображения, способствуют запоминанию рекламного сообщения в целом [3].

В целом в рекламном буклете ощутима диалогичность всех составляющих компонентов, функционирующих как единое целое и подчиненных главной цели: вызвать положительную реакцию туристов и стимулировать их выбору рекламируемого тура/ экскурсий или к посещению рекламируемых достопримечательностей или мест развлечения.

Анализ материала показал, что при разном объеме содержания и целевой установке

базовая часть рекламных буклетов для туристов одинакова. Она включает историческую справку (the History of...), описание достопримечательностей (What to See; Sights to See), карту (General Map; Location Map), информацию о месторасположении (How to Get to...), времени и стоимости посещения (Opening Hours; Admission Charge), экскурсионных программах (Tours and Programs), близлежащих кафе и сувенирных лавках (Cafes and Souvenir Shops), информацию для людей с ограниченными возможностями (Services for Disabled Visitors) и необходимые телефоны справочно-информационной службы (Useful Telephone Numbers).

В семи рекламных буклетах (20%) содержалась также информация о правилах поведения, обусловленных либо требованиями безопасности (в рекламных буклетах парков развлечений), либо правилами поведения в общественных местах (запрет курения (с указанием мест для курения), запрет на распитие любых напитков и устраивание пикников (с указанием мест для пикника), дресскод, запрет на видео- и фотосъемку.) В 14 буклетах содержалась информация об условиях посещения рекламируемого места неограниченное количество раз (Unlimited Access). Таким образом, мы можем утверждать, что рекламные буклеты для туристов обладают четко выраженной структурой и композицией.

В британских рекламных буклетах находят отражение ценности английской культуры, прослеживается прочная связь с прошлым. Например, в буклете, приглашающем посетить National Maritime Museum, Queen's House, Royal Observatory, Greenwich, упоминают Britain's seafaring past, completed around 1638, once a richly furnished summer villa for Queen Henrietta Maria, how the Astronomers Royal used to live and work. Помимо исторических моментов предоставляется также информация о коллекциях (наиболее ценных экспонатах) и дополнительная информация Nelson's bullet-pierced coat from his final, fatal battle, continuing effects of the oceans today; elegant setting for fine art and entertainment, the history of Greenwich in painting and changing displays from the Museum's world-class art collection; built for the purpose of finding longitude at sea, Greenwich Mean Time, Prime Meridian of the

World, Sir Christopher Wren's Observatory, museum of time and astronomy.

В американских рекламных буклетах связь с прошлым тесно переплетается с понятиями свободы, независимости и демократии. Так, в буклете, посвященном достопримечательностям Вирджинии, туристы приглашаются в Colonial Williamsburg's Revolutionary City, visit the shops and taverns where Thomas Jefferson, Patrick Henry, and others conceived the ideals of liberty, independence, and personal freedom that influenced the founding of this nation; final major clash of the American Revolution, British surrender; newly written Declaration of Independence.

В то же время в этом же буклете упоминаются экспонаты: the original 17th century church tower, costumed glassblowers at the Glasshouse; expansive gallery exhibits that chronicle the nation's 17th century beginnings; All American Road; и предоставляется дополнительная информация о современных формах развлечений: tour the Visitor Center with exhibits and multimedia presentations, hands-on activities.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что и в британских, и американских рекламных буклетах прослеживаются три тематические линии: историческая, описание коллекций, экспонатов или живописных мест и дополнительная информация.

В 90% исследованных рекламных буклетах присутствует информация для людей с ограниченными возможностями, которая входит в базовую часть буклетов под рубрикой «Services for Disabled People». Установка на активную социализацию таких людей находит отражение и в туристической рекламной продукции.

Основным критерием выделения рекламы в самостоятельный функциональный стиль, по мнению А. Ю. Морозова, является ее целевая установка – побуждение к приобретению товара или услуги, которая определяет место рекламы в системе маркетинга, вида человеческой деятельности, направленного на удовлетворение нужд и потребностей посредством обмена [4, с. 232]. Рекламные буклеты для туристов создаются с теми же целями – проинформировать потенциальных посетителей о разного рода достопримечательностях, создать его положи-

тельный имидж и заставить их посетить эти места. Для создания положительного имиджа в креолизованном тексте используются как невербальные средства (фотографии), так и вербальные средства.

Анализ лингвистического компонента буклетов показал, что в них чаще всего встречаются эпитеты *delightful, magnificent, fascinating, exquisite, most exclusive, nostalgic, beautiful, famous, attractive, most important, special, unique, wonderful, great, much-loved, memorable, romantic, splendid, superb, lovely, lively, fantastic*. Данные эпитеты передают положительную оценку рекламируемых объектов, а частотность их повторяемости из буклета в буклет создает эффект особой функциональной клишированности. С целью положительной оценки в тексте рекламных буклетов также используются метафоры, образные сравнения, гиперболы и другие стилистические приемы.

Images jump out into the seats off a screen that's big enough to show a life-sized whale (Virginia Aquarium) (метафора + гипербола).

New York is like a pumping heart of the USA (образное сравнение).

And our state of the art sound system is so realistic you'll be crouching in your seat for cover (Virginia Aquarium) (гипербола).

Все образы, создаваемые стилистическими приемами, положительно маркированы. Их эффективность на эмоциональном уровне обусловлена самой структурой образа: «обязательными компонентами образа являются экспрессивность, эмотивность, эмоциогенность и эмоциональная оценка» [8, с. 21].

Достаточно широкий выбор средств речевого воздействия представлен в англоязычном рекламном буклете для туристов и средствами экспрессивного синтаксиса. Наиболее частотными из них являются эллиптические конструкции, восклицательные предложения, повтор на уровне синтаксической организации предложения, параллельные конструкции, а также риторический вопрос.

Так, например, риторический вопрос в тексте рекламного буклета для туристов создает видимость свободного диалога между читателем-туристом и рекламодателем, причем последний предугадывает вопрос и дает на него ответ, тем самым, задавая и развивая тему беседы и имплицуруя мысль

о целесообразности посещения достопримечательности: *Why not listen to a 10 minute talk in the galleries in front of a painting?*

Восклицательные предложения эмоционально ярко окрашены и звучат как призыв к немедленному действию: *America's Historical Triangle Revolutionize Your Next Vacation!* Использование риторических вопросов и повелительных предложений сближает стиль рекламных буклетов с публицистическим. Для привлечения внимания в тексте используются написание с заглавной буквы и использование полужирного шрифта или курсива.

Лексический компонент рекламного буклета составляют два основных пласта: общеупотребительные слова и общенаучные слова. Базу лексики здесь составляют слова общелитературного языка, нейтральные по своей стилистической окраске, такие как, например: *historical, architecture, cultural, admit, compare, attract, attraction, sight, dwell*. К общенаучной лексике можно отнести такие слова, как: *phenomenon, encapsulate, detract, circular, evolution, utilize, erect, sublime, derive, terminate, relic* и т. д. Такого рода лексический состав позволяет говорить о присутствии в рекламных буклетах черт научного стиля, или точнее, научно-популярного жанра. Употребление общенаучных слов, с одной стороны, обещает повышение образовательного уровня у посетителей, а с другой стороны, не отпугивает их так, как это могло произойти вследствие употребления сложных для понимания научных терминов.

Интересной особенностью рекламных буклетов для туристов является широкое употребление локативной лексики – слов и выражений, обозначающих местоположение в пространстве: *above you..., on the left, next is, immediate ahead, to the left, behind, back in, to the right, at the extreme last end, below*.

К наиболее частотным клише в англоязычном рекламном буклете для туристов относятся следующие: *according to, in spite of the fact, the explanation lies in, generally, to be considered a national shrine, to be worth mentioning (remembering), to be the source of, to serve as, to be famous for, to be of interest for tourists, to be found, to be (form) an important part of, to be dedicated to, to be popular with, to enjoy a reputation, to be devoted to*.

Таким образом, анализ функционально-стилистических характеристик рекламного буклета для туристов продемонстрировал, что целевая установка этого типа текстов

реализуется при помощи вербальных элементов, характерным для публицистического и научно-популярного стилей.

Литература

1. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов / Е. Е. Анисимова. – М.: Academia, 2003. – 128 с.
2. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина – М.: Логос, 2003. – 173 с.
3. Елина, Е. А. Семиотика рекламы / Е. А. Елина. – Режим доступа: <http://litrus.net/book/read/62044?p=27>.
4. Морозов, А. Ю. Функциональная специфика рекламного текста / А. Ю. Морозов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 11. – № 4. – 2009. – С. 232–237. – Режим доступа: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2009/2009_4_232_237.pdf.
5. Протченко, А. В. Типологические и функционально-стилистические характеристики англоязычного путеводителя: автореф. дис... канд. филолог. наук. (10.02.04 – германские языки) / А. В. Протченко; рук. работы М. А. Кулинич. – Самара, 2006. – 19 с.
6. Сорокин, Ю. А., Тарасов, Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 178–187.
7. <http://www.1csoft.ru/publications/8144/10288401/>.
8. Степанова, А. В. Интертекстуальная природа образа и образности: на материале образных сравнительных конструкций английской и американской литературы 19 и 20 вв.: дисс... канд. филол. наук (10.02.04 – германские языки) / А. В. Степанова; рук. работы Н. А. Шехтман. – Самара, 2006. – 212 с.

References

1. Anisimova, E. E. (2003) Text Linguistics and Intercultural Communication (on the Material of Creolized Texts) [Lingvistika teksta i mezhhkul'turnaia kommunikatsiia (na materialekreolizovannykh tekstov)]. M.: Academia. – 128 p.
2. Valgina, N. S. (2003) Text Theory [Teoriya Teksta]. M.: Logos. – 173 p.
3. Elina, E. A. Semiotics of Advertising [Semiotika Reklamy] (in Russian) URL: <http://litrus.net/book/read/62044?p=27>.
4. Morozov, A. Yu. Proceedings of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences [Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk]. v. 11. № 4. 2009. – P. 232–237. (in Russian) URL: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2009/2009_4_232_237.pdf.
5. Protchenko, A. V. Typological, Functional and Stylistic Characteristics of Guidebooks [Tipologicheskie i funkcional'no-stilisticheskie harakteristiki anglojazychnogo putevoditelja.]: abstract from diss. ... cand. philol. science (10.02.04 – Germanic Languages). Samara, 2006. 19 p.
6. Sorokin Yu. A., Tarasov, E. F. (1990) Creolized texts and their communicative function. Optimization of speech influence [Optimizatsiia rechevogo vozdeistviia]. Moscow, Nauka. – P. 180–186 (in Russian).
7. <http://www.1csoft.ru/publications/8144/10288401/>.
8. Stepanova, A. V. Intertextual Nature of Image and Imagery: based on similes from English and American literature of the 19th and 20th centuries [Intertekstual'naya priroda obraza i obraznosti]: diss. ... cand. philol. science (10.02.04 – Germanic Languages) Samara, 2006. – 212 p.

М. И. Вахрушева

кандидат филологических наук, доцент кафедры
романо-германской филологии, ФГБОУ «Оренбургский
государственный педагогический университет»
e-mail: souva@mail.ru

А. С. Мушинская

кандидат педагогических наук, исполнительный директор,
преподаватель немецкого, английского языков,
НОУ СПО «Оренбургский юридический колледж» (техникум)
e-mail: annaorenburg@rambler.ru

ТРАНСФОРМАЦИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ В ЗАГОЛОВКАХ МЕДИАТЕКСТОВ

В статье речь идет об использовании интертекстуальных включений в заголовках медиатекстов как средств воздействия на реципиента. Наиболее часто встречающимися средствами интертекстуальности в создании заголовка являются конституенты микрополя ссылки аллюзия и реминисценция. Рассматриваются виды трансформаций интертекстуальных включений. Анализу подвергаются следующие виды трансформаций: нулевая, субституция, распространение / усечение исходного высказывания, грамматическая трансформация, разделение исходного слова на два, совмещение различных форм трансформаций, семантические и формальные модификации высказываний субъектов. Степень проникновения в интертекстуальное включение зависит от личностных характеристик реципиента. Поэтому один и тот же интекст может восприниматься как интертекстуальный и неинтертекстуальный. Кроме того, возможно двойственное толкование интертекстуального включения в заголовок газетной или журнальной статьи.

Ключевые слова: заголовок, интертекстуальность, аллюзия, реминисценция, интекст, трансформация.

Интертекстуальность как явление межтекстового взаимодействия с конца 60-х годов XX века и по сей день находится в центре внимания отечественных и зарубежных лингвистов. Обращение к проблеме интертекстуальных включений в тексте прессы связано с активно ведущимися исследованиями различных аспектов теории интертекстуальности в современной лингвистике, с одной стороны, и с возрастающей ролью массмедиа в жизни мирового сообщества,

с другой стороны. В связи с этим анализ приемов представления информации и способ воздействия на адресата, применяемых в современной журналистике, а также роли интертекстуальных включений в текстах прессы является актуальным направлением в современной филологической науке [3].

По мнению Е. А. Гончаровой [2], трехсторонняя модель интертекстуальной ситуации представляет собой взаимодействие автора, включающего в создаваемый им текст заим-

ствованный элемент, самого текста и адресата, воспринимающего и декодирующего отправленное ему послание.

Первое, с чем сталкивается читатель, пробегая глазами страницы средств массовой информации, – это заголовки. От удачно подобранного заголовка зависит успех всей статьи. Поэтому для отправителя информации становится особенно важным овладение приемами воздействия на реципиента в рамках сверхкраткого текста, каким и является заголовок.

Чтобы сделать заголовок легко узнаваемым, чтобы дать читателю надежду (часто иллюзорную) на быстрое распознавание темы статьи, авторы используют такие средства интертекстуальности, как аллюзия и реминисценция, конститuentы микрополя ссылки [1].

Интертекстуальные включения в заголовках могут быть трансформированными и нетрансформированными. Чаще всего они трансформируются, т.к. «чужое высказывание» в новом окружении, даже если оно близко по содержанию к исходному, звучит по-новому, т.к. изменилось его место и функция в целом высказывании, и формальные трансформации дают возможность семантически приспособить исходное выражение к новому контексту [5].

Материалом для исследования послужили заголовки немецкоязычных газетных и журнальных статей, а также их электронные версии. Анализ фактологического материала показал, что существуют следующие виды трансформаций:

1. Нулевая трансформация:

Schneewittchen (Süddeutsche Zeitung, 5/6.08.2000)

В заголовке использована дословная аллюзия на сказку братьев Гримм „Schneewittchen“.

Der Prozess (Die Zeit, 07.02.2013) – аллюзия на название романа Ф. Кафки „Der Prozess“.

Avanti popolo! (Die Zeit, 28.02.2013) – аллюзия на песню, популярную в Италии в 30-е годы XX века и часто исполняемую по сей день. Название позволяет предполагать, что в статье речь пойдет о событиях, происходящих в Италии.

Das blaue Wunder (Die Zeit, 28.08.2010)

В заголовке данной статьи использу-

ется интермедиаальная аллюзия. Название «Голубое чудо» носит известный мост в Дрездене. Однако ничего общего текст с указанным названием не имеет: в статье речь идет об экспериментах по использованию метиленового синего для лечения болезни Альцгеймера.

2. Субституция.

Eine DDR mit menschlichen Antlitz (Basler Zeitung, 28.01.2012).

В заголовке используется аллюзия на слова А. Дубчека, чехословацкого политика-реформатора *социализм с человеческим лицом*. Замене подвергается первый компонент заглавия: социализм заменен на *eine DDR*.

Иногда при субституции используется антонимическая замена:

Vorwärts in die Vergangenheit (Die Zeit, 35/2008)

Аллюзия на фильм „Zurück in die Vergangenheit“ подвергается в заголовке двойной антонимической трансформации: наречие *zurück* заменяется антонимом *vorwärts*, а существительное *Zukunft* – на *Vergangenheit*. Следует отметить, что трансформированное высказывание довольно часто используется в немецкоязычных медиа. Как правило, в дальнейшем тексте идет речь о влиянии событий прошлого на события наших дней или о памятных датах, посвященных неким историческим событиям.

Unter acht Augen (Die Zeit, 35/2008)

В заголовке статьи трансформации подвергается фразеологизм *unter vier Augen*, в котором числительное *vier* заменяется числительным *acht*.

Merkels kleine Machtmusik (Die Zeit, 02/2010)

Название произведения В. А. Моцарта „Eine kleine Nachtmusik“, которое часто звучит как *Mozarts Kleine Nachtmusik*, трансформируется в заголовке статьи: *Mozarts* заменяется на *Merkels*, в слове *Nachtmusik* меняется всего одна буква, в результате чего *Nacht* превращается в *Macht*. Возникший окказионализм характеризует политику Ангелы Меркель на определенном этапе ее руководства, о чем и говорится в статье.

3. Распространение исходного выражения:

Herr der Gezeiten gesucht (Süddeutsche Zeitung, 12/13. 01.2002)

В заголовке используется аллюзия на американский фильм „Herr der Gezeiten“, исходное сочетание распространено введением причастия *gesucht*.

Frühlingserwachen – vielleicht zu früh? (Süddeutsche Zeitung, 09.03.2002)

В заголовке статьи представлена аллюзия на название произведения Ф. Ведекинда „Frühlingserwachen“, исходное название распространено при помощи вопроса *vielleicht zu früh?*

Märchenhaft schräges Dornröschen (Reutlinger General-Anzeiger, 05.12.2013)

Название сказки братьев Grimm „Dornröschen“ распространено эпитетом *märchenhaft schräges*.

Prinz Wowereit und Dornröschen Berlin (Berlin Valley, 18.10.2013)

То же самое название сказки расширяется за счет того, что автор дает имена принцу и спящей красавице, тем самым намечая тему статьи: что сделает бургомистр Берлина, чтобы сделать столицу ведущей метрополией Европы?

4. Усечение исходного выражения.

Alles fließt (Der Spiegel, 5.26.2010)

В заголовке – аллюзия на высказывание Гераклита *Alles fließt, alles ändert sich*. В аллюзии усечению подвергается его вторая часть.

5. Грамматическая трансформация (изменение рода, числа, падежа).

Leicht angegraute Steppenwölfin (Die Zeit, 28.02.2002)

В приведенном заголовке имеет место аллюзия „Steppenwölfin“ на заглавие произведения Г. Гессе „Der Steppenwolf“. При трансформации меняется род существительного. К грамматической трансформации добавляется распространение эпитетом *leicht angegraute*.

6. Разделение одного слова на два.

Rumpel und Stilzchen (Süddeutsche Zeitung, 16.02.2002)

Здесь имя героя сказки Rumpelstilzchen разделяется на два самостоятельных имени. Такая трансформация придает интексту совершенно новый смысл: две части имени гнома становятся именами детей [4, с. 130].

7. Совмещение различных форм трансформаций.

Keine Friede den Zynikern (Der Tagesspiegel, 19.10.2001)

В данном примере в аллюзии на крылатое выражение *Friede den Hütten, Krieg den Palästen* осуществлена, с одной стороны, лексическая замена *den Hütten – den Zynikern*, и, с другой стороны, выражение распространяется за счет введения отрицательного местоимения *kein*. Кроме того, происходит усечение второй части высказывания.

Gurlitt-Talk bei Jauch: Ali Baba und die tausend Bilder (Der Spiegel, 24.11.2013)

В приведенном примере автор использует аллюзию на рассказ «Али Баба и сорок разбойников» из сборника «Тысяча и одна ночь». Исходный текст трансформируется за счет замены словосочетания *vierzig Räuber* на *tausend Bilder*, а также путем расширения конкретизирующим тему статьи введением *Gurlitt-Talk bei Jauch*.

Семантические и формальные модификации высказываний субъектов.

Spieglein, Spieglein an der Wand, wer ist am sozialsten im ganzen Land? (Die Welt, 08.11.2006)

Интертекстуальное включение – аллюзия на слова *Wer ist die Schönste im ganzen Land?* из сказки „Schneewittchen“ – приобретает новое значение благодаря формальной трансформации интекста (замена компонента *die Schönste* на *am sozialsten*) и вследствие его помещения в контекст, отличный от исходного: если в исходном контексте слова произносит королева, спрашивающая зеркало о том, «кто на свете всех милее», то в комментарии его автор иронизирует по поводу того, что различные политики позиционируют себя как неутомимых борцов за социальную справедливость в стране.

Слова королевы из сказки „Schneewittchen“ достаточно часто появляются в заголовках немецкоязычных массмедиа, подвергаясь различным видам трансформации:

Spieglein, Spieglein auf dem Auto (Die Welt, 26.07.2013) – заголовок статьи об автомобилях и деталях к нему.

Googlein, Googlein ... (Die Welt, 16.11.2013) – в статье речь идет о роли *Google* в жизни людей.

Аллюзии, в которых представлены значительные формальные трансформации исходных текстов, представляют собой особую трудность при распознавании интертекстуальных включений. В зависимости от личностных качеств реципиента, от его

начитанности, жизненного опыта, даже от свойств памяти один и тот же текст может быть воспринят либо как интертекстуальный, либо как лишенный свойства интертекстуальности.

Die drei Koalitionäre: Bube, Dame, König, Spaß (Der Spiegel, 28.11.2013)

В статье речь идет о коалиции Ангелы Меркель, Хорста Зеехофера и Зигмара Габриэля (черно-красной коалиции). Аллюзия подвергается частичной лексической трансформации: вместо *Ass* автор употребляет *Spaß*. С одной стороны, аллюзию можно толковать как отнесение к песне группы „Letzte Instanz“ „Das Spiel. Bube, Dame, König“. С другой стороны, можно предположить, что автор отсылает читателя к фильму „Bube, Dame, König, grAss“, с успехом прошедшему в Германии.

Merkel und ihre Männer (Der Spiegel, 28. November 2013)

Речь идет об уже упомянутой коалиции А. Меркель, Х. Зеехофера и З. Габриэля.

Заголовок можно трактовать как интертекстуальное включение, относящее читателя к произведению А. Иконникова „Liska und ihre Männer“. Однако он может быть воспринят и как лишенный свойства интертекстуальности, побуждающий читателя к предположению о возможной теме статьи.

Таким образом, в заголовках газетных статей часто используются трансформированные и нетрансформированные аллюзии, реминисценции и другие виды прецедентных текстов. Трансформированные заголовки, к которым относятся субституция, распространение / усечение исходного высказывания, грамматическая трансформация, разделение исходного слова на два, совмещение различных форм трансформаций, семантические и формальные модификации высказываний субъектов преобладают над нетрансформированными, свидетельствуя о креативном подходе автора к написанию статьи.

Литература

1. Вахрушева М. И., Епифанцева А. С. Поле интертекстуальности. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. Оренбург, 2006. № 2. – С. 40–46.
2. Гончарова Е. А. К вопросу об изучении категории «автор» через проблемы интертекстуальности // Интертекстуальные связи в художественном тексте (межвузовский сборник научных трудов). СПб.: Образование, 1993. – С. 20–28.
3. Казаева С. А. Особенности реализации категории интертекстуальности в современных английских газетных текстах: дисс. ... канд. филол. наук: СПб., 2003. – 169 с.
4. Костыгина К. А. Интертекстуальность в прессе: На материале немецкого языка: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. – 308 с.
5. Fraas C. Bedeutungskonstitution im Diskurs – Intertextualität über variierende Wiederaufnahme diskursiv zentraler Konzepte // J. Klein, U. Fix (Hrg.). Textbeziehungen: linguistische und literaturwissenschaftliche Beiträge zur Intertextualität. Tübingen: Stauffenburg, Joseph Klein, Ulla Fix (Hrg.), 1997. – S. 57–68.

References:

1. Vakhrusheva M. I., Yepifantseva A. S. (2006) Intertextual field [Polye intertekstual`nosti], Bulletin of Orenburg State Pedagogical University, Internet scientific journal, № 2. – P. 40–46.
2. Goncharova Ye. A. (1993) On studying the notion “author” through intertextuality [K voprosu ob izuchenii kategorii “avtor” tcherez problem intertekstual`nosti], Intertextual Links in Literary Texts (collection of scientific articles), St. Petersburg.
3. Kazaeva S. A. (2003) Features of Intertextuality in Modern English Publicistic Texts [Osobennosti realizatsii kategorii intertekstualnosti v sovremennykh aglijskikh gazetakh]: diss. ... cand. philol. science, St. Petersburg. – 169 p.
4. Kostygina K. A. (2003) Intertextuality in Print Media [Inertekstualnost` v presse]: diss. ... cand. philol. science, St. Petersburg. – 304 p.
5. Fraas C. Bedeutungskonstitution im Diskurs – Intertextualität über variierende Wiederaufnahme diskursiv zentraler Konzepte // J. Klein, U. Fix (Hrg.). Textbeziehungen: linguistische und literaturwissenschaftliche Beiträge zur Intertextualität. Tübingen: Stauffenburg, Joseph Klein, Ulla Fix (Hrg.), 1997. – P. 57–68.

Э. Ю. Гусева

кандидат филологических наук, доцент кафедры
иностранных языков, ФГБОУ ВПО «Оренбургский
государственный институт менеджмента»
e-mail: ella.guseva@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ЧАСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ

В статье рассматривается семантическое пространство как элемент концептосферы, которое позволяет определить особенности определенной культуры и выявить объем использования базовых культурноспецифических концептов. Индивидуальная концептосфера формируется под влиянием традиций и реальности, характеризующих коммуникацию данного народа. Концепт представляется в языке в виде семантических систем, а в процессе коммуникации как последовательность вербальных и невербальных актов. Концепт как идеальная сущность формируется в сознании человека. Каждая языковая единица «обрастает» определенной совокупностью ассоциативных связей с другими единицами, образуя вокруг себя семантическую сферу. Эти связи и организуют реальное речевое общение определенных носителей языка.

Ключевые слова: семантическое пространство, концептосфера, концепт, семиосфера, ядро, периферия, семантическая система, коммуникативное пространство, ассоциативные связи.

Одним из предметов изучения когнитивной лингвистики на современном этапе является такая мыслительная сущность как *семантическое пространство*. Вся совокупность знаний, передаваемых языковыми знаками данного языка образует его семантическое пространство. Семантическое пространство языка и концептосфера однородны по своей природе и являются сущностями мыслительными. Разница между языковым значением и концептом состоит лишь в том, что языковое значение – квант концептосферы – прикреплено к языковому знаку, а концепт как элемент концептосферы с конкретным языковым знаком не связан. Он может выражаться многими языковыми знаками, их совокупностью, а может и не иметь представленности в системе языка, а существовать на основе альтернативных знаковых систем, также как жесты, мимика, музыка.

О нетождественности концепта и значе-

ния утверждает В. М. Бухаров, в частности, что процесс формирования концепта в сознании индивида происходит в ходе дальнейшей познавательной и коммуникативной деятельности. Объем концепта расширяется в результате вовлечения в его сферу нового опыта и новых знаний. Концепт может реализовываться в коммуникативной деятельности не только вербальными, но и невербальными единицами. Таким образом, концепт может иметь иную структуру, чем значения. В ней можно выделить лишь область первичного входа и с меньшей степенью объективности сопряженные с ним фрагменты концептосферы, например, с помощью ассоциативного анализа. По мнению ученого, концепты, сопряженные с первичными концептами, объединяются в *концептополе*, а совокупность концептополей образуют концептосферу группы или целого народа. Процесс формирования концептов

и их реализации в коммуникативной деятельности, как отдельного человека, так и социогрупп детерминируется в рамках культуры конкретного социума традициями или реальностью. На уровне реализации концептосфер (лингвистический уровень концепта) это представляется следствием формирования двух разновидностей языковой нормы – прескриптивной (традиционной) и дескриптивной (реальной). Невозможно овладеть новым языком без вхождения в его концептосферу. Поскольку концепт – единица сознания, это означает, что концептосферы близких по происхождению и культуре народов могут в определенных сегментах совпадать, но в конечной биосфере неизбежно могут быть разрывы и несовпадения [1].

В лингвистических исследованиях термины «сфера» и «пространство» широко используются. Такой интерес подкреплен авторитетом Ю. М. Лотмана, который до концептосферы ввел в научный обиход термин «семиосфера». По мнению ученого, любой язык способен функционировать, только если он взаимодействует с *семиотическим пространством*. Единицей семиозиса считается не отдельный язык, а все семиотическое пространство, присущее определенной культуре. Такое пространство определяется как *семиосфера* [3]. Все пространство семиосферы пересечено границами отдельных языков, разных уровней. Создается многоуровневая система, где определенные участки семиосферы могут образовывать семиотическое единство (пространство). Ю. М. Лотман подчеркивает, что понятие границы является одним из фундаментальных понятий. Поскольку пространство семиосферы имеет абстрактный характер, то и границу представить себе средствами конкретного воображения невозможно. Понятие границы ученый соотносит понятию семиотической индивидуальности, которое зависит, как и границы личности, от способа кодирования и фильтрации внешнего во внутреннее, отделение «своего» от «чужого», фильтрация внешних сообщений, т. е. семиотизация поступающего из вне и превращение его в информации [3]. Семиотическое пространство является ассиметричной структурой, что осложняет внутреннюю организацию семиосферы и характеризуется наличием ядерных структур и периферии. Ядерные струк-

туры занимают доминирующее положение, выделяют систему метаязыков, с помощью которых она описывает не только самое себя, но и периферийное пространство данной семиосферы. Активное взаимодействие между этими уровнями становится одним из источников динамических процессов внутри семиосферы [3].

Исследуя вопрос существования семиосферы, Ю. В. Прохоров пришел к заключению, что поскольку сфера имеет ядро и периферию, она соответственно имеет и границы, «отделяющие ее как некоторый штучный экземпляр, хотя и построенный по образцу и подобию любого другого аналогичного штучного экземпляра, от других сфер» [4]. С другой стороны, есть некоторая незамкнутая, безграничная совокупность этих замкнутых единиц, которые и составляют наши знания. Как следствие, ученый предлагает построить следующую модель для того, чтобы разобраться с терминами:

Некоторая совокупность языковых единиц позволяет определенной совокупности человеческих групп общаться. Это совокупность имеет ядро (постоянную структуру) и периферию (вариативную структуру). Ю. М. Лотман также особо подчеркивает, что «в периферийных участках, менее всего организованных и обладающих гибкими, «скользящими» конструкциями, динамические процессы развиваются быстрее» [3].

Каждая языковая единица «обрастает» определенной совокупностью ассоциативных связей с другими единицами, образуя вокруг себя семантическую сферу. Эти связи и организуют реальное речевое общение определенных носителей языка.

Совокупность семантических сфер образует семантическое пространство. Поскольку отдельные элементы в системе ассоциативных связей могут принадлежать нескольким семантическим сферам, это пространство дискретно и является совокупностью значений и смыслов, которыми оперирует определенный этнос.

Совокупность семиотических сфер в семиотическом пространстве располагается в определенном взаимном соответствии на уровне ядерных элементов. Периферийные элементы контактируют на ассоциативном уровне в процессе реального общения в зависимости от реальной ситуации.

Совокупность семантических сфер и семиосфер создает условия для возникновения концептосфер (более высокого порядка сфер). Концептосфера связана с языком посредством семантических сфер, а через семиосферы имеет устойчивые связи с моделями восприятия и постижения мира. В концептосфере также прослеживается ядро и периферия, а отдельные элементы соприкасаются со множеством других концептосфер [5].

Таким образом, без семиосферы язык не только не работает, но и не существует. Изучение семантического пространства языка позволяет определить особенности определенной культуры и выявить объем использования базовых понятий. Исследователей интересует вопрос, чем наполняются «концепты – контейнеры» [2], чтобы установить, какие лексические понятия, смыслы содержит в себе концепт, необходимо проведение глубинного семантического анализа лексических данных. Результаты многих семантических исследований культуры и сознания подтверждают значительное различие между культурными группами в отношении способов лексикализации ключевых слов и ключевых понятий, а также наличие фундаментальных понятий, подлежащих лексикализации во всех языках мира. Очевидно, по мнению, А. Вежбицкой, что «культурные различия между группами людей основываются на том, как эти понятия используются» [2]. Национальная специфика концептосферы находит свое отражение в национальной специфике семантических пространств языков. Сопоставление таких пространств, способствует установлению универсальных характеристик, присущих всем культурам.

Обращает на себя внимание заключение Лейбница, приведенное в работе А. Вежбицкой: «За всем разнообразием культур стоит универсальный, единый и постоянный набор базовых понятий, на котором основывается человеческий язык, мышление и культура» [2]. Анализируя отношения между значениями в семантическом пространстве языка, можно выстроить цепочки отношений концептов в концептосфере нации, увидеть культурноспецифические особенности в целом и проникнуть в глубинные слои национальной концептосферы.

Общность языка поддерживается и сохраняется благодаря общности концептосфер социума. Она является при этом абстракцией от концептосфер малых групп и индивидов-коммуникантов. Индивидуальная концептосфера формируется под влиянием традиций и реальности, характеризующих коммуникацию данного народа и различных его групп. Концепт представляется в языке в виде семантических систем, а в процессе коммуникации как последовательность вербальных и невербальных актов – своего рода лингвистических артефактов. Концепт как идеальная сущность, обладающая определенной независимостью от значения лексических единиц, формируется в сознании человека вне жесткой связи с тем, на каком языке говорит и говорит ли вообще на каком-то языке. Это означает возможность установления общечеловеческих концептов системы, реализации которых обнаруживают национальную, этническую, культурную специфику.

Итак, значительная часть концептосферы нации представлена в семантическом пространстве языка, хотя мир мыслей редко находит полное отражение в языковой системе.

Литература

1. Болдырев, Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики под ред. Н. Н. Болдырева. – Тамбов: 2004. – № 1 (001). – С. 18–37.
2. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и «примитивное мышление» Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: 1996. – С. 291–325.
3. Лотман, Ю.М. Семиотическое пространство. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб.: «Искусство», 1999. – 704 с.
4. Прохоров, Ю. Е. К проблеме «концепта» и «концептосферы» / Ю. Е. Прохоров. – М.: Вестник МГЛУ, 2005. – С. 74–93.
5. Рахилина, Е. В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты / Е. В. Рахилина // Семиотика и информатика. – М.: 1998. – Вып. 36. – С. 274–323.

References

1. Boldyrev, N. (2004), Conceptual sphere of cognitive linguistics [Konseptualnoye prostranstvo kognitivnoi lingvistiki], The questions of the cognitive linguistics, Tambov, № 1 (001). – P. 18–37.
2. Vezhbiskaya, A. (1996), Semantic universals and “primitive” thinking. Language. [Semanticheskie universalii i “primitivnoye myshlenie”], Culture. Cognition, Moscow. – P. 291–325.
3. Lotman, Y. (1999), Semiotic space. Semiosphere [Semioticheskoye prostranstvo. Semiosfera], St.Petesburg, Iskusstvo. – 704 p.
4. Prochorov, Y. (2005), On problem of concept and conceptual sphere [k probleme “konsepta” I “konseptosfery”] Moscow, Vestnik MSLU. – P. 74–93.
5. Rachilina, E. (1998), Cognitive semantics: history, personalia, ideas, results [Kognitivnaya semantika: istoriya, personalii, idei, resultaty] Semiotics and Informatics. – Moscow, Vol. 36. – P. 274–323.

И. Е. Денисенко

кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и МПИЯ, ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный педагогический университет»
e-mail: denisenko_90@mail.ru

РОЛЬ СЕМАНТИКИ В ДВИЖЕНИИ ЯЗЫКА ОТ АНАЛИТИЗМА К СИНТЕТИЗМУ

В данной статье рассматриваются вопросы языковой эволюции в связи с возникновением в рамках коммуникативного подхода новых представлений о функционировании языка, тенденциях языкового развития, присущих современному французскому языку. Представлены структурно-семантические и функциональные особенности предложных конструкций и их синтетических аналогов и их роль в формировании тенденции к синтетизму во французском языке.

Данное исследование посвящено одной из актуальных проблем структурно-типологического изучения романских языков: а именно, рассмотрению конкуренции аналитических и синтетических конструкций во французском языке в свете новых подходов к традиционным представлениям о языковых тенденциях.

*Для анализа тенденций к синтетизму исследованы именные сочетания, вводимые предлогами *sans, avec, de, en, à*, и показано взаимодействие аналитических конструкций с синтетическими, что рассматривается как фактор языковой эволюции. Предлог рассмотрен как маркер определенных отношений в синтаксической конструкции и как специфический элемент языковой системы, так как грамматическое значение выдвинуто в предлоге на первый план в силу самой функции предлога.*

В статье описаны разные способы выражения одного и того же смысла, обусловленного их контекстуальным употреблением, как варианты структурных значимостей. При этом показаны различия, которые придают структурно-морфологические варианты семантической и стилистической номинации в плане выражения.

Исследуемый языковой материал предопределил необходимость обращения к комплексу методов исследования, а именно: к семантическому анализу, некоторым процедурам компонентного анализа, контекстуальному анализу.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, онтология, гносеология, семантические номинации, структурно-морфологические варианты.

Факт сосуществования аналитических и синтетических тенденций в романских языках неизменно привлекал лингвистов XX века. На материале французского языка эти тенденции описывались в трудах Ш. Балли, Э. Пишона, Л. Теньера, а также многими отечественными романистами: Л. Н. Левит, В. Г. Гак [1, 2, 3, 9].

Изучая язык как систему, лингвисты

учитывают два аспекта: онтологический и гносеологический.

Онтологической проблемой языка является проблема законов развития языка. Онтология ставит вопрос не о «наличных формах бытия», а о глубинных его законах и принципах. Онтологическое рассуждение состоит в том, что во всякой вещи есть определения, которые не зависят от другой вещи или

друг от друга и составляют ее сущность. Те определения, которые следуют из сущности вещи, образуют ее свойства.

«В онтологии составные элементы, их место в системе и связывающие их отношения от исследователя не зависят, так как являются характеристиками объекта, благодаря которым он остается самим собой и ограничивается от сходных с ним объектов» [10].

«В теории познания (гносеологии) важен не только сам полученный результат, то есть ответ на вопрос, где искать предельные основания, знания, но и ведущий к нему путь, способ самого формулирования проблемы. Именно потому, что те предельные знания, поисками которых занимается гносеология, не являются чем-то общепризнанным и непосредственно очевидным, существует возможность их различного понимания и трактовки» [10].

Конструкты, относящиеся к онтологическим свойствам описываемой системы, всегда объективны. Движение к синтетизму во французском языке объективно, то есть онтологично.

В гносеологическом плане изучения языка мы видим неразрывную связь понятий синхронии, то есть исследования состояния языка в данный момент как готовой системы взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов: лексических, грамматических и фонетических, которые обладают ценностью или значимостью, независимо от их происхождения, а только в силу соотношений между собой внутри целого – системы, а также связь с диахронией – то есть пути во времени, который прodelывает каждый элемент языка в отдельности, видоизменяясь в истории.

Французский язык рассматривается как аналитический на синхроническом отрезке, на диахроническом – как обнаруживающий тенденцию к синтетизму.

Язык, понимаемый как структура, может быть в научном описании представлен как состоящий из планов или уровней, определяемых свойствами образующих его единиц.

По функции Е. Киров выделяет три типа языковых уровней: 1) уровни основных единиц: фонемный, лексемный, синтаксический и текстовый: иерархия этих уровней составляет стержень языкового механизма; 2) уровни составляющих единиц: меризма-

тический, морфемно-словообразовательный, уровень словосочетаний, подуровень простых предложений, уровень свехфразовых единств; 3) уровни соединительных языковых средств: морфонологический, синтаксический, стилистический уровни. Все три типа уровней составляют три иерархии уровней, которые в целом образуют механизм языка.

Гносеологическая значимость полученной модели состоит в том, что она позволяет объяснить, как действует языковой механизм при производстве текстов, то есть как мысленное содержание облекается в языковую форму [5].

С онтологической точки зрения исследуемый материал, взятый вне контекста, имеет фиксированное содержание. Существуют различные способы выражения заданного содержания, смысла. С гносеологической точки зрения можно описать разные способы выражения одного и того же смысла, то есть рассмотреть значения форм, обусловленные контекстом, как варианты структурных значимостей.

Pex. les mots, prononcés sans suite = les mots sans suite = incohérents = les mots prononcés d'une façon incohérente [15].

Модель $N + \text{sans} + N = N + \text{adj.} = N + \text{p. passé} + N + \text{adj.}$

Категория отрицания в современном французском языке может быть выражена и аналитическим и синтетическим путем.

Il ne s'attachait qu'à des objets ou à des perspectives sans intérêt [11]. Il ne s'attachait qu'à des objets ou à des perspectives inintéressantes.

Именная группа *sans + N* может быть заменена синтетической формой *sans intérêt/inintéressant*, образованной при помощи суффикса *ant* и приставки (*in = не, без*) со значением отрицания. Из примеров видно, что замена происходит путем однокоренных слов.

1. a) *Autrement, c'eût été trop facile, de l'idéaliser en faisant de lui l'homme qui combattit le Seigneur, un Prométhée, la noble victime d'un combat sans espoir [7].* б) *Allors il lui vint une résolution désespérée (sans espoir/désespérée – вокалическое изменение основы)[13].*

2. Именная группа $N + \text{sans} + N$ может быть заменена неоднокоренным словом:

Il a entendu ces mots, prononcés sans suite [14]. Ces mots *incohérents* de Gringoire lui rappelaient l'agonie de son mari... [11].

В словаре Le Petit Robert [15] фиксируются и аналитические и синтетические формы. Фиксацию форм в словаре мы используем в качестве инструмента, доказывающего наличие тенденций к синтетизму и аналитизму в современном французском языке.

Именные сочетания с антонимичными предлогами *sans* и *avec* представляют интерес в ходе исследования их на стиле-текстолингвистическом уровне, при рассмотрении их функционирования с существительными в определенных контекстах.

Так, употребление конструкций *sans* + N часто встречается при описании и придает ему большую эмоциональность. 1. Il met une pièce d'argent dans la main de la gardienne, effleura cette peau sèche, sans chaleur, sans frémissement [11]. (Семантическая редупликация, где словарные единицы находятся в отношениях градации. Цель повтора – стремление автора к коммуникативно-смысловой определенности и ясности высказывания). 2. Il était *orphelin* et *sans parents proches* [13]. (Семантическая экспликация, которая дает дополнительную характеристику основного значения. Цель повтора – желание усилить эмоциональное воздействие на читателя). 3. Конструкция *sans* + N при существительном, выполняя определительную функцию, употребляется в ряду однородных членов предложения: Il avait la voix *sèche*, *sans chaleur*, son visage *triangulaire*, *brun* et *sans grâce* [14]. (Семантическая редупликация. Цель повтора – усилить эмоциональное воздействие на читателя).

Статистическая обработка данных дает следующие результаты:

Синтетические формы – 54%, р. ex. неверующий – *irréligieux*.

Аналитические формы – 17%, р. ex. бессюжетный – *sans sujet*.

Аналитические/синтетические формы – 29%, р. ex. неподвижный – *immobile*, *sans mouvement*.

В предложении предлоги указывают на различные отношения между словами. Различают три типа отношений:

1) объектные – действие + его объект (*rappports objectifs*): р. ex. parler des vacances, s'adresser au professeur;

2) определительные – предмет + его характеристика (*rappports attributifs*): р. ex. une boîte en métal, une langue à flexion [16];

3) обстоятельственные – действие + обстоятельства его совершения (*rappports circonstanciels*): р. ex. se lever à l'aube [12]. Предлоги *à* и *de* являются наиболее абстрактными по значению (направление к точке, направление от точки) и поэтому самыми многозначными и наиболее широко распространенными в языке [2].

Эти предлоги могут вводить определение к другому существительному, которое переходит в разряд прилагательного, так как употреблено без артикля: une vache à lait [15] – молочная корова, une peau de tigre [15] – тигровая шкура.

С предлогом *de*, который является наиболее частотным по своему употреблению, «конкурируют» другие предлоги, вводящие существительное-определение. Второе место среди них принадлежит предлогу *à*, после которого также в именных словосочетаниях может следовать существительное без артикля. Р. ex. une voiture à compartiments – купированный вагон, un homme à barbe – бородатый мужчина [4].

Предлоги *en* и *de* относятся к подклассу предлогов со значением «сделано из», которые в контексте, обозначающем материал, изменяют свое значение, то есть включают в него новые дифференциальные элементы, имеющие смысл только для этой позиции [8].

Поэтому, например, предлог *avec* не попадает в этот подкласс, так как он сохраняет при обозначении материала свое структурное значение: р. ex. fait avec du lait – материал – то же, что и в fait avec de l'argent du père, а в сочетании fait avec tendresse – не материал [4].

Этот подкласс состоит из двух предлогов: *en* и *de*. Р. ex. un sac en daim, un encrier en or, une robe en soie; une veste de daim – замшевая куртка, une montre d'or – золотые часы, une robe de soie – шелковое платье [7].

Предлог *en* указывает просто материал, предлог *de* указывает материал и одновременно качество предмета, так как часто материал и качество находятся в соответствии.

Например, замшевая куртка – дорогая куртка особого покроя; шелковое платье – обычно (для Франции) нарядное, выходное;

золотые часы – обычно дорогие, хорошие [7].

Предлоги описываются на абстрактном уровне и на конкретном уровне, в особых контекстах. Описывая предлог на абстрактном уровне, учитывают его основное значение, то есть первичную семантическую функцию. Так, исследуемые нами предлоги *à, de, en*, являются локальными на абстрактном уровне. На конкретном уровне описание означает, что мы описываем только те случаи, где значение зависит от позиции.

Локальные предлоги *à, de, en*, употребленные в различных контекстах, выступают во вторичной семантической функции, а именно указывают на предмет и его характеристику, материал, из которого сделан предмет.

Существительное, введенное перечисленными предлогами, имеет более конкретное значение в аналитических конструкциях (р. ех. *une peau de tigre* – тигровая шкура). Данная семантическая номинация – тигровая шкура, – может быть представлена другим структурно-морфологическим вариантом. Так, в синтаксических конструкциях сочетание *une peau tigrée* обозначает не только тигровую шкуру, но и полосатую шкуру, то есть прилагательное *tigrée* употреблено в переносном значении.

Таким образом, синтетическая форма передает признаки предмета, оттенки значения.

Взаимодействие аналитических и синтетических конструкций, в которых определительные отношения передаются или при помощи предлогов *à, de, en* (в аналитических конструкциях) (р. ех. *une vache à lait* – мо-

лочная корова; *une peau de satin* – атласная кожа; *un peigne en écaille* – черепаховый гребень); или при помощи однокоренных прилагательных (в синтетических конструкциях) (р. ех. *une vache laitière* – молочная корова (порода животного, не мясная); *une peau satinée* – блестящая кожа; *un peigne écaille* – чешуйчатый гребень) рассматривается нами как фактор языковой эволюции.

Основанием для данного положения является действие закона экономии языковых усилий, который ведет к экономии языковых средств. Таким образом, наблюдается сжатие линейной структуры слова при ее смысловой уплотненности [6].

Итак, тенденции к синтетизму и аналитизму во французском языке рассмотрены с учетом философского, диахронического и синхронического аспектов. Механизмы саморегуляции и саморазвития языковой системы выявляются путем наблюдения за ее динамикой. Наряду с тенденцией к аналитизму во французском языке весьма ощутима контртенденция синтетического порядка. Рассматривая диахронический аспект проявления тенденции к синтетизму, во французском языке отмечены случаи образования новых синтетических слов путем «сжатия» слов аналитических. В процессе конкуренции особую значимость и неоднозначную роль приобретает предлог, так как будучи по своей лингвистической природе признаком аналитического строя, он в то же время, десемантизируясь, способствует возникновению различных форм языковой асимметрии, что является показателем синтетизма.

Литература

1. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955. – 416 с.
2. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. – М.: Высшая школа, 1986. – 312 с.
3. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка: Учеб. для студентов вузов/ В. Г. Гак. М.: Добросвет, 2000. – 832 с.
4. Денисенко, И. Е. Синтетические и аналитические формы выражения как признак типа дискурса в учебном анализе французского текста / И. Е. Денисенко // Межвуз. Научн. сб. – Москва, 2001. – С. 20–25
5. Киров, Е. Ф. Языковые уровни / Е. Киров // Межвуз. Научн. сб. – Уфа, 2011. – С. 12–15
6. Мартине, А. Принцип экономии в фонетических изменениях. (Проблемы диахронической филологии) / Пер. с фр. А. А. Зализняка. – М.: Изд-во ин. лит-ры, 1960. – 261 с.
7. Рощупкина, Е. А. Краткий справочник по грамматике / Е. А. Рощупкина. – М.: Высшая школа, 1990. – 185 с.

8. Степанов, Ю. С. Структура французского языка / Ю. С. Степанов. – М.: Высшая школа, 1965. – 182 с.
9. Теньер, Ж. Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988. – 653 с.
10. Шехтман, Н. А. Системность лексики и семантика слова / Н. А. Шехтман. – Куйбышев, 1988. – 84 с.
11. Dhôtel A. Un soir. – P: Le livre de poche, 1989. – 142 p.
12. Dictionnaire de l'Académie française informatisé. P: l'Académie française. 9 Edition, 2001.
13. Druon M. Alexandre le Grand. – P: Le livre de poche, 1974. – 509 p.
14. Green G. La puissance et la gloire. – P: Robert Laffont, 1948. – 250 p.
15. Robert P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – P: Dictionnaires le Robert, 1992.
16. Trésor de la langue française. Dictionnaire de la langue du XIX et du XX siècle (1789–1960). P: Editions du centre nationale de la recherché scientifique, 1983. T. 5. – P. 1199–1206.

References

1. Balli, S. (1955), “General linguistics and issues of the French language” [Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuskovo yazyka]. Moscow. – P. 416.
2. Gak, V. G. (1986), “Theoretical grammar of the French language.” Morphology [Teoreticheskaya grammatika frantsuskovo yazyka. Morfologiya] Moscow, Vysshaya shkola. – P. 312.
3. Gak, V. G. (2000), “Theoretical grammar of the French language. University textbook” [Teoreticheskaya grammatika frantsuskovo yazyka. Uchebnik dlya studentov vuzov] Moscow, Dobrosvet. – P. 832.
4. Denisenko, I. E. (2001), “Synthetical and analytical forms of expression as discourse type characteristic in analysis of French text” [Sinteticheskie I analiticheskie formy vyrazheniya kak priznak tipa diskursa v uchebnom analize frantsuskovo yazyka] Moscow, Interacademic scientific community. – P. 20–25.
5. Kirov, E. F. (2011), “Language levels” [Yazykovye urovni], Ufa, Interacademic scientific community. – P. 12–15.
6. Martine, A. (1960), “The principle of economy in phonetic changes. (Problems of diachronic philology)” [Printsip ekonomii v foneticheskikh izmeneniyakh. Problemy diahronicheskoy filologii] translated by A. A. Zaliznyak. Moscow, Foreign literature publisher. – P. 261.
7. Roshchupkina, E. A. (1990), “Brief grammar guide” [Kratkiy spravochnik po grammatike]. Moscow, Vysshaya shkola. – P. 185.
8. Stepanov, Y. S. (1965), “Structure of French language” [Srukтура frantsuskovo yazyka]. Moscow, Vysshaya shkola. – P. 182.
9. Tenier, L. (1988), “Basic notions of structural syntax” [Osnovy strukturnovo sintaksisa] Moscow, Progress. – P. 653.
10. Shehtman, N. A. (1988), “Lexical consistency and word semantics” [Sistemnost' leksiki I semantika slova]. Kuybyshev. – P. 84.
11. Dhotel, A. (1989), “An evening” [Vecher] P: Le livre de poche. – P. 142.
12. Dictionary of French Academy of Computer Science [Slovar' frantsuskoi akademii imformatiki] P: French academy. 9 Edition, 2001.
13. Druon, M. (1974), “Alexander The Great” [Aleksandr Velikiy].: Le livre de poche. – P. 509.
14. Green, G. (1948), “The Power and the Glory” [Sila I slava] P: Robert Laffont. – P. 250.
15. Robert, P. (1992), “The alphabetic and analogue dictionary of the French language” [Alfavithyi I analogovyi slovar' frantsuskovo yazyka] P: Robert Dictionaries.
16. The treasury of the French language. Dictionary of the language of XIX and XX centuries (1789–1960). Edited by the national research center [Sokrovishchnitsa frantsuskovo yazyka. Slovar' frantsuskovo yazyka 19 I 20 vekov. Pod redaktsiei natsional'no issledovatel'skovo tsentra] 1983. T. 5. – P. 1199–1206.

О. В. Евстафиади

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка, ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный университет»
e-mail: evstafiadi.olga@rambler.ru

Л. А. Ласица

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка, ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный университет»
e-mail: lasitsa-la@mail.ru

**ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННЫЕ УСЛОВНЫЕ СИТУАЦИИ
В АНГЛИЙСКОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ**

Условные отношения, представляющие собой взаимосвязь событий, выражаются би- и полипредикативными конструкциями, объединенными понятием продолженной синтаксической формой с семантикой условия. Авторы обращаются к актуальной проблеме функционирования разностатусных речевых единиц, объединенных условной семантикой, в английском научном дискурсе.

Основной задачей данной работы является изучение условных ситуаций, в которых модально-прагматическая суперструктура продолженной синтаксической формой с семантикой условия носит персонализирующий характер, а также выявление комплекса средств, способствующих персонализации. Решение поставленной задачи осуществлялось при помощи следующих лингвистических методов и приемов: метода структурно-функционального анализа, метода семантико-контекстуального анализа, а также приема трансформаций.

Исследование показало, что научная речь, представляющая собой коммуникацию в определенных рамках, не является исключительно объективной. Были выявлены три типа персонализированных условных ситуаций в английском научном дискурсе. Автор научного текста прибегает к употреблению персонально окрашенных вариантов продолженной синтаксической формы с семантикой условия в случае, когда он не располагает достоверной информацией об описываемом явлении, когда он представляет оценку положению вещей альтернативному наличному, а также в ситуации прогнозирования.

*Функцию персонализирующих маркеров модально-прагматической суперструктуры продолженной синтаксической формы с семантикой условия в английской научной речи выполняют сослагательное наклонение, глагол предположения *suppose*, модальные глаголы с семантикой вероятности (*may, might*), модальное наречие *likely*, а также противительное союзное наречие *otherwise*.*

Ключевые слова: условие, продолженная синтаксическая форма, научный дискурс, английский язык, персонализирующая модальность.

Как известно, условная ситуация представляет собой такого рода взаимосвязь событий, когда одно из них может стать причиной совершения другого события [8, с. 15]. Тра-

диционно считается, что условные отношения содержатся в сложноподчиненных предложениях с придаточными условными [12, с. 283]. Однако, проведенный нами анализ условных ситуаций показал, что подобные отношения могут выражаться как би- так и полипредикативными единицами, которые мы вслед за О. А. Костровой [6] объединяем понятием продолженной синтаксической формой (ПСФ) с семантикой условия.

Под продолженной синтаксической формой с семантикой условия мы понимаем «метаязыковой конструкт, позволяющий описать разностатусные (би- и полипредикативные) синтаксические конструкции в разных языках, объединенные условной семантикой и наличием более одного предикатного узла и образующие единую семантико-синтаксическую суперструктуру» [5, с. 4]. ПСФ с семантикой условия в английском языке реализуется в следующих вариантах:

1) элементарном предложении (ЭП) с усложненной структурой:

By adding small concentrations of propylene, it is possible to obtain the product distribution found under high-conversion conditions [13, с. 497].

2) сложноподчиненном предложении, объединяющем два или более элементарных предложения, с однофункциональными придаточными:

If the values of the above strains are known at a point, the increase in size and the change of shape of an element at that point are completely determined [14, с. 42].

3) двух или более элементарных предложений в составе сложносочиненного предложения, связанных сочинительной или бессоюзной связью:

Were it not for this ozone layer, most forms of surface life on earth would be damaged or even destroyed by the rays of the sun [10, с. 24].

4) цепочках семантически связанных элементарных предложений, следующих друг за другом через точку, восклицательный или вопросительный знак, а также сепарированных элементарных предложений с союзами и союзными словами:

“Take my advice. Don’t argue. You’ll be a happier man” [11].

5) контекстах, объединяющих часть сложного предложения и последующее самостоятельное предложение:

Suppose that a K electron has been ejected by the incident electron (or x-ray) beam. A more outward-lying electron may now drop into this vacancy [9, с. 306].

ПСФ с семантикой условия мы также рассматриваем как модально-прагматическую единицу, обладающую модально-прагматической суперструктурой, которая образуется в результате взаимодействия разноуровневых языковых средств. Модально-прагматическая суперструктура ПСФ с семантикой условия, с одной стороны, способствует созданию модальности речи. С другой стороны, вид речи, а также тип дискурса служит своеобразным фильтром для отбора структурных вариантов ПСФ с семантикой условия. Вслед за О. А. Костровой мы выделяем объективирующий и персонализирующий виды суперструктуры [7].

Считается, что научный дискурс, как вид институционального дискурса, представляющий собой коммуникацию в определенных рамках, характеризуется логичностью, точностью сведений, объективностью и беспристрастностью автора, четкостью оформления результатов исследования, строгой последовательностью изложения, а также экспликацией причинно-следственных отношений между явлениями [1, с. 113–122]. С позиций дискурсивно-стилистического подхода к изучению текста [2] научный дискурс мы рассматриваем как общение автора с потенциальным читателем, отдаленным во времени и пространстве. Поскольку между коммуникантами отсутствует непосредственный контакт, адресанту необходимо выбрать такой способ представления результатов своего исследования, чтобы они были понятны адресату. В этой связи автор намеренно не выражает свое отношение к излагаемому, а стремится представить изображаемые факты в виде объективно существующих закономерностей. Реализации этой интенции не в последнюю очередь способствует ПСФ с семантикой условия, модально-прагматическая суперструктура которой носит объективирующий характер. Типичными вариантами ПСФ с семантикой условия в научной речи являются ЭП с усложненной структурой и СППУ с объективирующей модально-прагматической суперструктурой [3].

Персонализирующей модальностью обычно характеризуется вид коммуникации, который возникает в ситуации непосредственного общения, когда собеседники расположены в одной пространственно-временной плоскости. Расположение речевых партнеров в плоскости «Я, Ты, Здесь, Сейчас» позволяет им свободно высказывать собственную точку зрения на события, выражать свои желания, ставить условия для того, чтобы вызвать ответную реакцию собеседника, оценивать ситуацию как желательную или нежелательную. Эмоциональный характер речи складывается за счет персонализирующей модально-прагматической суперструктуры ПСФ с семантикой условия [4].

Проведенный анализ функционирования продолженной синтаксической формы с семантикой условия в научном дискурсе позволяет говорить о доминировании объективирующего типа модально-прагматической суперструктуры. Суммарная доля вариантов ПСФ с семантикой условия, модально-прагматическая суперструктура которых носит объективирующий характер, составляет 93,5% от всех условных ситуаций в этом дискурсе. Однако в научной речи также присутствует доля персонализации. Остальные 6,5% приходятся на условные ситуации, которые персонально окрашены.

Основной задачей данной статьи является изучение условных ситуаций, в которых модально-прагматическая суперструктура ПСФ с семантикой условия носит персонализирующий характер, а также выявление комплекса средств, способствующих персонализации.

Решение поставленной задачи осуществлялось при помощи следующих лингвистических методов и приемов: метода структурно-функционального анализа, семантико-контекстуального анализа, а также приема трансформаций.

В результате проведенного исследования мы выявили три типа персонализированных условных ситуаций в английском научном дискурсе.

1. Персонализирующая модально-прагматическая суперструктура ПСФ с семантикой условия характерна для тех условных высказываний, в которых автор, не располагая достоверной информацией о предметной ситуации, выражает собственное отношение

к их содержанию. Говорящий высказывает свое мнение о существовании связи между явлениями или предметами исходя из личных умозаключений с опорой на перцептивное восприятие ситуации, и в результате степень вероятности наличия этой связи ослабевает.

Функцию персонализирующих маркеров модально-прагматической суперструктуры ПСФ с семантикой условия здесь выполняют:

– модальное наречие со значением вероятности *likely*, выступающее в главной части СППУ в качестве именной части сказуемого:

Adsorption will be likely to occur if the incident atom has a kinetic energy that is smaller than the well depth of the attractive surface potential [13, с. 332];

– а также сослагательное наклонение:

Such a circuit would close if the crystal were perfect, but if a dislocation is present, it will not, as illustrated in the figure. This circuit is known as a Burgers circuit [114]; its failure to close distinguishes a dislocation from a point imperfection [9, с. 276].

2. В некоторых условных высказываниях присутствует субъективная оценка автора ситуации альтернативной существующей, которая обычно выражается в главной части СППУ и ЭП с инфинитивом в функции обуславливающего субъекта, оценочной именной частью сказуемого.

It would be of great value if the energy states of the trapped atoms or molecules could be studied, in addition to monitoring their energy states before and after collision with the surface [13, с. 339].

Воображение ситуации альтернативной наличной приводит к перемене фокуса и модального плана. Как правило, в элементарном предложении, расположенном перед СППУ и ЭП с усложненной структурой, речь идет о реальном положении вещей. В последующем СППУ и ЭП с инфинитивом в функции обуславливающего субъекта модальный план приобретает потенциально-ирреальный характер за счет сказуемых в сослагательном наклонении.

Since the stresses are below the yielding strength of the material, the solution is acceptable. If either of these stresses were above the yield point, the results would not be valid

and a redesign would be required [14, с. 106].

3. Персонально окрашенные условные высказывания также употребляются в ситуации прогнозирования. Здесь речь идет о вариантах ПСФ с семантикой условия, характерных для контактной коммуникации и представленных цепочками семантически связанных ЭП, а также контекстом, объединяющим часть сложного предложения и последующее самостоятельное предложение. Например,

Suppose that a K electron has been ejected by the incident electron (or x-ray) beam. A more outward-lying electron may now drop into this vacancy [9, с. 306].

Let a monochromatic beam of electrons of energy E_p (the primary electron beam) strike a solid surface.[...] Thus one incident electron may cause the emission of several low-energy electrons from the solid [13, с. 382].

The surface temperature in surface-ionization experiments should be high enough so that thermal desorption of the adsorbed species can take place rapidly. Otherwise, accumulation of the adsorbate on the surface would impede the surface-ionization reaction by reducing the concentration of surface

sites on which ionization can take place and by decreasing the work function of the clean surface [13, с. 377].

В ситуации прогнозирования при этом употребляется комплекс лексико-грамматических средств, способствующих смене модального плана с реального на потенциально-ирреальный: глагол предположения (suppose), модальные глаголы с семантикой вероятности (may, might), повелительное и сослагательное наклонения, а также противительное союзное наречие otherwise.

Таким образом, анализ условных высказываний в английском научном дискурсе показал, что научная речь не является исключительно объективной. В персонально окрашенных условных ситуациях автор предлагает собственное видение исследуемой проблемы, дает оценку альтернативным явлениям, а также строит гипотезы. Во всех случаях персонализация создается за счет комплекса средств (лексических и грамматических) персонализирующей модально-прагматической суперструктуры продолженной синтаксической формы с семантикой условия.

Литература

1. Арнольд, И. В. Основы научных исследований в лингвистике: Учеб. пособие / И. В. Арнольд. – М.: Высш. шк., 1991. – 140 с.
2. Евстафиади, О. В. Дискурс, текст, виды речи / О. В. Евстафиади // Филологические чтения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., 29–30 октября 2010 г. – Оренбург: ОГУ, 2010. – С. 78–82.
3. Евстафиади, О. В. Функционирование продолженной синтаксической формы с семантикой условия в английском научном дискурсе / О. В. Евстафиади // Вестник Челябинского государственного педагогического университета, № 1. – Челябинск, 2011. – С. 217–225.
4. Евстафиади, О. В. Функционирование продолженной синтаксической формы с семантикой условия в конситуативном регистре (на материале английского языка) / О. В. Евстафиади // Актуальные вопросы современного языкознания: монография / под. ред. А. В. Павловой. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. – С. 4–44.
5. Евстафиади, О. В. Функционирование продолженной синтаксической формы с семантикой условия в дисситуативном регистре (на материале английского языка) / О. В. Евстафиади // Current issues of philology in the competency-based university education / ed. by M. Asper. – Stuttgart, ORT Publishing, 2013. – P. 4–18.
6. Кострова, О. А. Продолженная синтаксическая форма как промежуточное звено между простым предложением и сверхфразовым единством: автореф. дис. ... докт. филол. наук / О. А. Кострова. – М., 1991. – 32 с.
7. Кострова, О. А. Продолженная синтаксическая форма в контактной коммуникации. На материале современного немецкого языка / О. А. Кострова. – Издательство Саратовского университета, Самарский филиал, 1992. – 144 с.
8. Храковский, В. С. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) / В. С. Храковский // Типология условных конструкций; отв. ред. В. С. Храковский. Рос. акад. наук. Ин-т лингвист. исслед. – Спб.: Наука, 1998. – С. 7–96.

9. Adamson, A. W. Physical chemistry of surfaces / A.W. Adamson and A. P. Gast. – 6th edition. – US: A Wiley-Interscience Publication. – 1997. – P. 784.
10. Carey, F.A. Organic chemistry / F A. Carey. – 5 ed. – MGH, 2004. – P. 1335.
11. Evans, L. Far Edge of Darkness [Электронный ресурс]. – New York: Windhaven Press, 1996. – Режим доступа: <http://www.baen.com>.
12. Quirk, R. University Grammar of English / R. Quirk. – M: Vysshaja Shkola, 1982. – P. 391.
13. Somorjai, G. A. Introduction to Surface Chemistry and Catalysis / G. A. Somorjai. – New York: John Wiley, 1993. – P. 667.
14. Ugural, A. C. Mechanics of Materials / A. C. Ugural. – New York: McGraw-Hill, 1991. – P. 442.

References

1. Adamson, A. (1997), Physical chemistry of surfaces, US: A Wiley-Interscience Publication. – P. 784.
2. Arnold, I. (1991), Basis of scientific researches in linguistics [Osnovy nauchnyh issledovaniy v lingvistike]: tutorial, Vysshaya shkola, Moscow. – P. 140.
3. Carey, F. (2004), Organic chemistry, MGH. – P. 1335.
4. Evans, L. (1996), Far Edge of Darkness, New York: Windhaven Press, available at: <http://www.baen.com>.
5. Evstafiadi, O. (2010), Discourse, text, types of speech [Diskurs, tekst, vidy rechi] // Philological articles: Bulletin of Russian scientific-practical conference, October, 29–30, 2010, Orenburg State University. – P. 78–82.
6. Evstafiadi, O (2011), Functioning of the prolonged syntactical form with the semantics of condition in the English scientific discourse [Funktsionirovanie prodolzhennoy sintalticheskoy formy s semantikoy usloviya v angliyskom nauchnom diskurse] // Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University, No 1. – P. 217–225.
7. Evstafiadi, O. (2011), Functioning of the prolonged syntactical form with the semantics of condition in the contact register (an English-based research) [Funktsionirovanie prodolzhennoy sintalticheskoy formy s semantikoy usloviya v konsituativnom register (na materiale angliyskogo yazyka)] // Urgent researches in modern linguistics: monograph, OGAU, Orenburg. – P. 4–44.
8. Evstafiadi, O. (2013), Functioning of the prolonged syntactical form with the semantics of condition in the distant register (an English-based research) [Funktsionirovanie prodolzhennoy sintalticheskoy formy s semantikoy usloviya v dissituativnom register (na materiale angliyskogo yazyka)] // Current issues of philology in the competency-based university education, ORT Publishing, Stuttgart. – P. 4–18.
9. Kostrova, O. (1991), Prolonged syntactical form as an intermediate element between a simple sentence and a supraphrasal unity [Prodolzhennaya sintalticheskaya forma kak promezhutochnoe zveno mezhdy prostym predlozheniem i sverhfrazovym edinstvom], Moscow. – P. 32.
10. Kostrova, O. (1992), Prolonged syntactical form in the contact communication in the Modern German language [Prodolzhennaya sintalticheskaya forma v kontaktnoy kommunikatsii. Na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka], Saratov university, Samarskiy filial. – P. 144.
11. Khrakovskiy, V. (1998), Theoretical analysis of conditional constructions (semantics, calculation, typology) [Teoreticheskiy analiz uslovykh konstruksiy] // Typology of conditionals, Nauka, St. P-g. – P. 7–96.
12. Quirk, R. (1982), University Grammar of English, Vysshaja Shkola, Moscow, pp. 391.
13. Somorjai, G. (1993), Introduction to Surface Chemistry and Catalysis, John Wiley, New York. – P. 667.
14. Ugural, A. (1991), Mechanics of Materials, McGraw-Hill, New York. – P. 442.

М. В. Евстигнеева

кандидат филологических наук, доцент, факультет
иностранных языков, кафедра английской филологии,
ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный
педагогический университет»
e-mail: Red-Lion2007@yandex.ru

ЦВЕТ И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В НАИМЕНОВАНИЯХ ПТИЦ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Наша жизнь проходит в цветовом окружении. Человеческий глаз способен воспринимать необычайно широкий спектр цветов, а человеческий язык способен давать разнообразные названия этим цветам и их оттенкам. В статье рассматриваются вопросы наименования птиц по цвету в английском и русском языках. Проводится сравнительно-сопоставительный анализ данных наименований.

Цветовое зрение людей не зависит от языка, однако обозначение объективно существующего чувственного мира вещей в каждом языке своеобразно. Разную передачу цветовых впечатлений можно объяснить существованием различных словесных ассоциаций и различных типов грамматических структур языков, а также практической заинтересованностью людей в обозначении тонов цвета и частотой, с которой те или иные тона встречаются в окружающей природе.

Ключевые слова: восприятие, наименование, внутренняя форма слова, цвет, основные имена цвета.

Огромную часть информации о внешнем мире человек получает благодаря зрению, которое можно назвать «дистантным анализатора мира» [2, с. 181].

Зрительные ощущения и восприятия дают богатый арсенал впечатлений. Пройдя сложный процесс преобразований: от ощущения – к восприятию, далее – к понятию и слову, они ложатся в основу наименования предметов. В. Д. Глезер справедливо называет зрительное восприятие «конкретным предметным мышлением» [1, с. 218; 3, с. 224].

Осознавая предмет, его свойства и назначение, человек познаёт его, а познавая, проникает в саму сущность предмета и уже более глубоко и тонко воспринимает его [6, с. 29]. Каждый раз, фиксируя предмет, зрение выхватывает наиболее яркий зрительно воспринимаемый признак: цвет предмета, его форму или какую-то его необычную

деталь. При назывании этот признак часто становится решающим и ложится в основу наименования.

При рассмотрении названий представителей фауны особо ощущаешь важность зрительного восприятия, т.к. многие имена птиц, рыб [4], животных дают яркое, наглядное представление об их внешнем облике: их цвете и форме.

Одно из ведущих мест в наименовании представителей фауны занимает их цвет. Наша жизнь проходит в цветовом окружении. Человеческий глаз способен воспринимать необычайно широкий спектр цветов, а человеческий язык способен давать разнообразные названия этим цветам и их оттенкам.

Б. Берлин и П. Кей основными именами цвета в английском языке называют: white, black, red, green, yellow, blue, brown, purple, pink, orange, gray [10, p. 2]. В. А. Москович,

проведя ряд семантических и статистических исследований, к этой группе наиболее частотных цветообозначений добавляет еще два прилагательных “scarlet” и “violet” [8, с. 17].

Первая группа «основных» имен цвета (по Б. Берлину и П. Кею) или наиболее частотных цветообозначений (по В. А. Московичу) широко использовалась и при наименовании птиц: whitethroat, whitetail, blackhead, blackcap, redbreast, redstart, greenshank, green-finch, yellowbill, yellowlegs, bluebill, bluethroat, grey-back и т. д. и рыб: whitefish, yellowtail, yellowfin tuna, grayling и т. д.

Цвет в названиях птиц в английском языке представлен следующим образом:

Yellow (*gold, golden*) – yellowhammer, yellowlegs, yellow-bill, yellowbird, goldcrest, goldfinch, goldeneye, oriole (‘golden’), serin (‘lemon-coloured’) – 9 раз.

Red – redbreast, redhead, redpoll, redshank, redstart, red-bird, redwing – 7 раз.

Blue – bluebill, bluetit, bluethroat, bluebird, bluecap – 5 раз.

Green – greenshank, greenfinch, greenlinnet, greenpeak, coly (‘green woodpecker’) – 5 раз.

Black – blackbird, blackcap, blackhead, blackcock, black-back – 5 раз.

White (*ivory*) – whitethroat, whitetail, whitear (‘white arse’), ivorybill – 4 раза.

Dun – dunnock, dunling, dunbird – 3 раза.

Grey – grey-back – 1 раз.

Brown – skua (‘brown gull’) – 1 раз.

Dark – eagle (‘dark’) – 1 раз.

Из данных примеров видно, что в названиях птиц представлен большой цветовой спектр: от самых ярких, броских красок и их оттенков до более спокойных, неярких.

Чаще всего встречается жёлтый цвет и его оттенки (9 раз). Например: yellowlegs, yellowbill, yellowhammer, yellowbird, goldcrest, goldfinch, goldeneye, oriole f. L. aureolus ‘golden’, serin [F. VL* citrinus ‘lemon-coloured’]. А.А. Залевская экспериментально доказала, что у англичан только желтый цвет ассоциируется с птицей [7, с. 38]. На наш взгляд этим и объясняется такое частое использование англичанами желтого цвета при назывании птиц.

Красный цвет используется в названии

7 раз: redbreast, red-head, redpoll redshank, redbird, redwing, redstart (red + start < OE steort ‘tail’).

Влияние красного цвета ощущается и в названиях некоторых других птиц, например: firecrest, firebird, flamingo [(Span. – Prov. – L) < L. flamma ‘a flame’, from the flame-like colour of the bird]. Однако такие названия нами рассматриваются отдельно сквозь призму ассоциаций.

Выделяя окраску птицы главным признаком номинации, носители английского языка использовали два варианта при назывании птиц.

Первый вариант – имя по цвету дается всей птице:

a) yellowhammer [(h)ammer answers to AS amore ‘a small bird’+ yellow], yellowbird, goldfinch, redpoll, red-bird, bluetit, bluebird, greenfinch, greenlinnet, blackbird, blackcock, dunnock [dun + -ock], dunlin [dun + ling ‘long’], dunbird;

b) oriole [f. L. aureolus ‘golden’], serin [F. VL* citrinus ‘lemon-coloured’], coly [< NL. colius < Gk. kolios ‘a green woodpecker’], skua [(Scand.) Icel. skufr, skumr, ‘the skua or brown gull’], eagle [F. aigle, L. aquila, orig. black eagle from aquilus ‘dark’]. В таких названиях внутренняя форма либо находится на поверхности, являясь «живой» внутренней формой (a), либо завуалирована и обнаруживается при помощи этимологических исследований (b).

Второй вариант – птица названа по какой-то броской по цвету детали.

Эти детали весьма разнообразны. Это и «голова» в словах redhead, blackhead, и «хвост» – whitetail, redstart, и «клюв» – yellowbill, bluebill, ivorybill, и ноги – yellowlegs, redshank и др.

Однако наряду с выделением крупных и привычных деталей (голова, клюв, хвост, ноги), дифференциации подлежат и более мелкие детали при наименовании птиц: **холок** на голове – gold-crest, птичий **глаз** – goldeneye, **перышки**, похожие на шапочку на голове, – blackcap.

Признак цвета в русском языке также положен в основу наименования многих птиц.

Наиболее часто использованы следующие цветообозначения: **белый** (8 раз) – белоклювый дятел, дрозд-белобровик, лебедь («белый») и др.; **чёрный** (7 раз) – чернозо-

бик, **чёрный** дрозд, галка (гол «**чёрный**») и др.; **красный** (5 раз) и его оттенки – **красноножка**, **красноголовый** королёк, **малиновка** и др. и **жёлтый** (5 раз) и его оттенки – **желтонос**, **желтоголовый** королёк, **золотистый** фазан и др. Реже использованы прилагательные: **зелёный** (2 раза), **серый** (2 раза), **голубой** (2 раза), **синий**, **лазоревый** (по 1 разу), **розовый** (1 раз). Все перечисленные прилагательные относятся к группе «основных» имён цвета в русской традиции [9, с. 117].

При наименовании птиц русские носители языка иногда сочетают название цвета с какой-то частью птицы (голова, бровь, клюв – нос, брюхо, зоб, нога), которая и становится яркой, броской и запоминающейся благодаря этому цвету.

Таким образом, в английском языке при наименовании птиц использованы все названия частей тела птицы (голова, венчик на голове, глаза, клюв, нога, спинка, горло, крыло, хвост, задок), за исключением двух (брюхо, бровь), в русском языке – в 2 раза меньше (голова, клюв, нога, зоб, бровь, брюхо).

Называя птицу, русские носители языка использовали 3 варианта.

Первый вариант – имя по цвету даётся всей птице: малиновка, соловей (соловьи «желтовато-серый»), галка (галки «чёрный»), розовый скворец, зелёный дятел, серая ворона и др. Всего – 20 наименований. Эта группа имён распадается на 3 подгруппы:

а) слово-наименование является простым словом, признак номинации не лежит на поверхности, оно обнаруживается в ходе этимологических исследований (лебедь «белый»; ворон «чёрный» и т. д. ;

б) слово-наименование является простым словом, в корне которого заключён признак цвета, а в суффиксе – указание на носителя данного признака (малиновка, лазоревка);

в) наименование представляет собой словосочетание типа Adj. + N., цвет птицы сочетается с самим названием птицы (чёрный дрозд, зелёная куропатка, зелёный выюрок) и т. д.

Второй вариант – птица названа по какой-то броской по цвету детали. Таких наименований всего 3: красноножка, желтонос, чернозобик.

Третий вариант – наименование представляет собой словосочетание типа Adj. + N.

Например: красноголовый королёк, бело-клювый дятел, белобрюхий рябок, желтоногий улит, черноголовый чекан и др.

Называя птицу «желтоголовым королём», русские, вероятно, действовали по следующей схеме: воспринимая птицу целиком, относили её к виду «корольков» (первичный синтез), затем выделяли в ней наиболее броскую деталь – «жёлтую головку» (анализ), воспринимали птицу в совокупности её признаков (вторичный синтез), давали птице название, учитывая и её принадлежность к определённому виду, и её отличительные характеристики.

Англичане, называя эту же птицу ‘goldcrest’, более тонко дифференцировали место расположения золотистых перышек – на хохолке. Выделение цветовой детали явилось необходимым и достаточным условием для создания номинации.

Лишь в двух парах из исследуемых 74 наименований внутренние формы наиболее близки друг другу: redshank – красноножка, yellowbill – желтонос.

В других 15 парах наблюдается лишь частичное совпадение внутренних форм: redbreast – малиновка, redstart – горихвостка, blackbird – чёрный дрозд, bluetit – лазоревка и др. Неполное совпадение внутренних форм в данных парах объясняется усложнением и разнообразием во внутренних формах признаков эмоционально-стилистического характера. Так, например, в русском языке прилагательное «лазоревый» обозначает не просто синий, интенсивно синий, но яркий, красивый, особенный оттенок синего цвета, это элемент эмоционально-экспрессивной оценки.

В остальных случаях отмечается полное несовпадение внутренних форм анализируемых слов: ‘whitethroat’ (цвет + часть) – «славка» (звучание), ‘skua’ (цвет) – «поморник большой» (место обитания + размер), ‘blackcock’ (цвет + вид) – «тетерев» (звучание), ‘nightingale’ (время появления + звучание) – «соловей» (цвет).

Нами обнаружено как определённое сходство, так и существенные различия в английском и русском языках при наименовании птиц по цвету. Это можно объяснить, по-видимому, тем, что считается установленным, что цветовое зрение людей не зависит от языка, однако обозначение объективно

существующего чувственного мира вещей в каждом языке своеобразно. Разную передачу цветовых впечатлений можно объяснить существованием различных словесных ассоциаций и различных типов грамматических структур языков, а также практической заинтересованностью людей в обозначении тонов цвета и частотой, с которой те или иные тона встречаются в окружающей природе.

Таким образом, цвет является важным признаком, положенным в основу названия многих птиц в английском языке. Названия птиц включают целый спектр цветов, жёлтый и красный из которых употребляются наиболее часто (~ 22% и ~17%) соответственно.

В названиях птиц цвет наиболее часто сочетается с какой-то её частью, в английском языке дифференциация этих признаков весьма тонкая.

В английском и русском языках существует определённое сходство при назывании птиц по цвету:

– количество таких слов довольно велико – 41 слово в английском языке, 33 слова в русском языке;

– используемые при наименовании имена цвета относятся к «основным» (или basic) в обоих языках;

– наиболее употребительными названиями цветов при наименовании птиц явились: yellow (9), red (7), black (5), blue (5), green

(5), white (4) – в английском языке и белый (7), чёрный (7), жёлтый (5), красный (5), голубой, синий, лазоревый (4), зелёный (3) – в русском языке.

Однако в английском и русском языках обнаруживаются существенные различия при наименовании птиц по цвету:

1) выявлено значительное различие в способах номинации. Основной способ номинации в английских словах – словосложение (по схеме Adj. + N) – 33 имени из 41. В русском языке по подобной схеме образовано лишь 3 имени из 33;

2) выделяя деталь и сочетая эту деталь с определённым цветом, носители разных языков идут несколькими различными путями. Представители русского языка при создании новой номинации отдают предпочтение цвету птичьей головы и её клюва. Англичане, называя птицу, наряду с крупными деталями подмечают и самые мелкие (глаз, хохолок);

3) в английском языке дифференциация признаков более тонкая. При назывании птиц по цвету русские носители языка не выделяли и более крупные части птицы: крыло, хвост, спинку;

4) внутренние формы различаются степенью расчленённости содержания при отражении действительности и распределением совокупности содержания мысли между лексическими единицами [5, с. 83].

Литература

1. Глезер, В. Д. Зрение и мышление / В. Д. Глезер. – Л.: Наука, 1985. – 246 с.
2. Грегори, Р. Л. Разумный глаз / Пер. с англ. и предисл. д-ра мед. наук А. И. Когана / Р. Л. Грегори. – М.: Мир, 1972. – 216 с.
3. Демидов, В. Е. Как мы видим то, что видим / В. Е. Демидов. – М.: Знание, 1987. – 240 с.
4. Евстигнеева, М. В. Ведущие признаки номинации (на примере английских наименований рыб). / М. В. Евстигнеева // Вопросы современной филологии в контексте взаимодействия языков и культур. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2013. – С. 88–91
5. Евстигнеева, М. В. Внутренняя форма слова в гносеологическом аспекте (на материале наименований птиц): дис..... канд. филол. наук (10.02.04 – германские языки) / М. В. Евстигнеева; рук. работы Н. А. Шехтман. – Самара, 1998. – 201 с.
6. Евстигнеева, М. В. Картины мира и языковое мировидение / М. В. Евстигнеева // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2012. – № 5–2(22). – С. 27–30.
7. Залевская, А. А. Некоторые проявления специфики языка и культуры испытуемых в материалах ассоциативных экспериментов / Залевская А. А. // Этнопсихоллингвистика. – М.: Наука, 1988. – С. 34–48.
8. Москович, В. А. Статистика и семантика / В. А. Москович. – М.: Наука, 1969. – 304 с.
9. Фрумкина, Р. М. Цвет, смысл, сходство (аспекты психоллингвистического анализа) / Р. М. Фрумкина. – М.: Наука, 1984. – 175 с.
10. Berlin, W. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution / Berlin, W., Kay, P. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1969. – 178 p.

References

1. Gleser, B. D. Zreniye i myshleniye [Vision and Thinking] – L.: Nauka, 1985. – 246 p.
2. Gregory, R. L. Razumny glaz [The Intelligent Eye] – M.: Mir, 1972. – 216 p.
3. Demidov, B. E. Kak my vidim to chto vidim [How We See What We See] – M.: Znaniye, 1987. – 240 p.
4. Yevstigneyeva, M. V. Veduschie priznaki nominatsii (na primere angliiskikh naimenovaniy ryb) [Leading Signs of Nomination (on the example of the English Names of Fish)] // Voprosy sovremennoi filologii v kontekste vzaimodeystviya yazykov i kul'tur. – Orenburg: Izd-vo OGPU, 2013. – P. 88–91.
5. Yevstigneyeva, M. V. Vnutrennyaya forma slova v gnoseologicheskom aspect (na material naimenovaniy ptits) [Inner Form of the Word in Gnoseological Aspect (on the Material of the Names of Birds)]: dis..... kand. filol. nauk (10.02.04 – germanskiye yazyki) – Samara, 1998. – 201 p.
6. Yevstigneyeva, M. V. Kartiny mira i yazykovoye mirovideniye [Worldview and Linguistic World Outlook] // Intellekt. Innovatsii. Investitsii. – 2012. – № 5–2 (22). – P. 27–30.
7. Zalevskaya, A. A. Nekotoryye proyavleniya spetsifiki yazyka i kul'tury ispytuyemykh v materialakh assotsiativnykh eksperimentov [Some Manifestations of Language and Culture Specificity of the Examinees' in the Materials of Associative Experiments] // Etnopsikholingvistika. – M.: Nauka, 1988. – P. 34–48.
8. Moskvich, V. A. Statistika i Semantika [Statistics and Semantics] – M.: Nauka, 1969. – 304 p.
9. Frumkina, R. M. Tsvet, smysl, skhodstvo (aspekty psikholingvisticheskogo analiza) [Colour, Meaning, Similarity (Aspects of Psycholinguistic Analysis)] – M.: Nauka, 1984. – 175 p.
10. Berlin, B. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution / Berlin, B., Kay, P. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1969. – 178 p.

Т. В. Ежова

доктор педагогических наук, профессор, декан факультета иностранных языков, Оренбургский государственный педагогический университет
e-mail: ortatmin@mail.ru

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧЕЙ А. МЕРКЕЛЬ)

В настоящей статье рассматриваются стилевые черты и лингвистические особенности политического дискурса как особого вида институционального дискурса, для которого характерна высокая степень манипулирования, поэтому выявление механизмов политической коммуникации представляется значимым для определения характеристик языка как средства воздействия. В статье анализируются лингвопрагматические факторы, влияющие на убедительность и эффективность политического дискурса, знание которых позволяет политику создать условия для выработки оптимальных стратегий и тактик политической деятельности.

Политические речи канцлера ФРГ Ангелы Меркель относятся к аргументативно-аналитическому типу политического дискурса с элементами информационного типа и представляют интерес для ученых-лингвистов как образец формирования нового синтетического стиля, вобравшего в себя элементы официально-делового, научного и публицистического стилей.

Результаты исследования, представленные в статье, подтверждают тезис автора о том, что политический дискурс характеризуется особым отбором и организацией определенных языковых структур в соответствии с прагматическими установками, целями и условиями общения. Умелое использование политиком языковых средств позволяет ему не только передавать информацию, но и оказывать эмоциональное воздействие на адресата, преобразуя существующую в сознании человека политическую картину мира.

Ключевые слова: политический дискурс, стилевые черты, лексико-семантические особенности, синтаксические особенности, стилистические особенности.

Интенсивное развитие политических технологий, возрастающая роль средств массовой информации, все большая публичность политической деятельности способствуют повышению внимания общества к теории и практике политической коммуникации. Возросший интерес лингвистов к проблемам дискурса активных социальных групп, и прежде всего – политиков, обусловлен тем, что в условиях демократического социального устройства вопросы власти открыто обсуждаются, и решение целого ряда политических

проблем зависит от того, насколько адекватно эти проблемы будут интерпретированы языком. В последние годы отдельные проблемы политического дискурса стали объектом активного обсуждения как в научной, так и в публицистической литературе.

Неизменный интерес ученых-лингвистов вызывают и вопросы теоретического моделирования политического дискурса – выявление механизмов порождения и функционирования политических текстов, анализ политических метафор как способа осмыс-

ления мира политики, характеристика речевого поведения политика, изучение вербальных и риторических стратегий в политической деятельности. Различные аспекты названной проблемы рассматриваются в работах А. Н. Баранова, М. В. Гавриловой, Т. А. ван Дейка, В. З. Демьянкова, В. И. Карасика, О. Л. Михалевой, П. Б. Паршина, Т. Г. Скребцовой, П. Чилтона, А. П. Чудинова, Е. И. Шейгал.

Политический дискурс относится к особому типу общения, для которого характерна высокая степень манипулирования, и поэтому выявление механизмов политической коммуникации представляется значимым для определения характеристик языка как средства воздействия. В этом смысле важность и актуальность изучения политического дискурса продиктована необходимостью поиска для политиков оптимальных путей речевого воздействия на аудиторию, с одной стороны, и необходимостью понимания аудиторией истинных интенций и скрытых приемов языкового манипулирования, с другой стороны.

А. Н. Баранов рассматривает политический дискурс как «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [1, с. 110]. Е. И. Шейгал в своей монографии «Семиотика политического дискурса» приводит довольно широкую трактовку понятия «политический дискурс» и понимает под этим термином «любые речевые образования, субъекта, адресата, содержание которых относится к сфере политики» [4, с. 36].

В контексте нашего исследования политический дискурс трактуется как речевая деятельность, ограниченная сферой политики, сопровождающая политический акт в политической обстановке, реализуемая в форме речевых жанров публичной политики и ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе.

Характерными признаками политического дискурса являются смысловая неопре-

деленность (политики часто предпочитают высказывать свои мнения в максимально обобщенном виде), фантомность (многие знаки политического языка не имеют реального денотата), фидеистичность (иррациональность, опора на подсознание), эзотеричность (подлинный смысл многих политических высказываний понятен только избранным), дистанцированность и театральность (необходимость политиков «работать на публику», привлекая ее своим имиджем).

Главная функция политического дискурса – борьба за политическую власть на основе использования коммуникативной деятельности: политическая коммуникация призвана оказать прямое или косвенное влияние на распределение власти (путем выборов, назначений, создание общественного мнения и др.) и ее использование (принятие законов, издание указов, постановлений и др.). Политический дискурс отражает существующую политическую реальность, изменяется вместе с ней и участвует в ее преобразовании.

В данном исследовании особое внимание уделяется лингвопрагматическим факторам, влияющим на убедительность и эффективность политического дискурса. К ним относятся многообразные взаимоотношения между языком, мышлением, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества. Знание этих особенностей позволяет политику создать условия для выработки оптимальных стратегий и тактик политической деятельности.

Своеобразие речевого поведения политиков заключается не только в использовании профессионализмов, но и в отборе и организации определенных структур выражения в соответствии с прагматическими установками, целями и условиями общения, сложившимися в процессе профессиональной деятельности политиков. Лингвистический и психолингвистический анализ современного политического дискурса в аспекте речевого воздействия связан с изучением всех находящихся в распоряжении говорящего языковых ресурсов, которые определяют достижение им коммуникативной цели [3].

Некоторому виду политических речей свойственны те стилевые черты, которые характеризуют официальный стиль: безличность или слабое проявление личностных

качеств, книжная окраска, функционально-окрашенная лексика, политическая лексика, политические, экономические термины. В других политических речах используются самые разнообразные изобразительные эмоциональные средства для достижения нужного оратору эффекта. Политики осознают необходимость овладения таким стилем речи и нормами литературного языка, которые способны дать наивысший коэффициент полезного действия.

Политический дискурс не только передает информацию, но и оказывает эмоциональное воздействие на адресата, преобразует существующую в сознании человека политическую картину мира. Для организации эффективной политической речи политик использует различные лексические, синтаксические и стилистические средства языка. Проиллюстрируем это на примере политических речей канцлера ФРГ Ангелы Меркель.

Политические речи Ангелы Меркель относятся к аргументативно-аналитическому типу политического дискурса с элементами информационного типа. Различные коммуникативные задачи, стоящие перед политиком, требуют и разнообразных стилевых решений. Анализ политических речей А. Меркель наглядно проиллюстрировал признаки формирования нового синтетического стиля, вобравшего в себя элементы официально-делового, научного и публицистического стилей. Общими качествами этого стиля стали: стремление к детальности – из официально-делового стиля речи; объективность, логичность, точность и сжатость, обобщенность, отвлеченность – из научного стиля; выразительность, доступность – из публицистического. Устойчивое смещение языковых средств, характерных для разновидностей указанных стилей, а также универсализация жанров типичны для политических речей А. Меркель.

В политической речи аргументативно-аналитического рода текстовые построения носят характер рассуждений. К речам этого типа относятся выступления, в которых центр изложения образуют аргументы и доводы, привлекаемые оратором для доказательства тех положений, которые депутат считает бесспорными.

В политических речах аргументативного характера преобладает установка эффектив-

но и настойчиво воздействовать на слушателей, с чем связан выбор специальных средств речи (например, повелительных форм глагола, экспрессивных оценок, гипербол и т. д.). К этому роду относятся острые, разоблачающие и обличительные речи. Такие выступления отличаются категоричностью, остротой суждений и особенно сильным критическим началом. Типичные характеристики подобных речей – прямота и нелюбезность, резкость и эмоциональность выражения, нередко сопряженная с бестактностью по отношению к тем лицам, против которых направлена [1]. Например:

Wir Deutschen vergessen nie, dass die glückliche Entwicklung unseres Landes von der Geschichte der Europäischen Union nicht zu trennen ist. Wir vergessen nie, dass wir dies auch dem mutigen Freiheitsstreben gerade unserer östlichen Nachbarn zu verdanken haben.

Wir Deutschen wissen um unsere Verantwortung für eine gute Zukunft der Union. In diesem Bewusstsein macht die deutsche Bundesregierung Politik für unser Land und auch für Europa.

В проанализированных нами политических речах А. Меркель можно выделить следующие семантические особенности: обращение к историческим реалиям, проблемам экономики, в частности к темам «экономический кризис в Европе» и «конкурентоспособность европейских стран на общемировой экономической арене». Тематические группы в политических речах А. Меркель наиболее четко выражаются через следующие ключевые слова: экономика, образование, Германия и Европейский союз, демографические проблемы. Наиболее часто встречающимися ключевыми словами в речах на экономические темы являются «Wettbewerbsfähigkeit», «Wirtschaftsunion», «Währungsunion», «Krise», «Krisenmaßnahmen», «Krisenbewältigung».

К лексическим особенностям немецкоязычного политического дискурса относятся: тенденция к стандартизации речи; употребление лозунгов, слоганов, лексики с оценочными коннотациями, экспрессивно-окрашенной лексики; употребление «ключевых слов» и терминов. Например:

Europa, das sind wir alle gemeinsam – Europa, das ist Innenpolitik.

Entweder verlieren wir alle – oder wir gewinnen alle.

Unsere gemeinsame Haltung, meine Damen und Herren, kann nur sein: Wir wollen und wir werden gemeinsam gewinnen.

На синтаксическом уровне основными особенностями политических речей А. Меркель являются: использование неопределенно-личных и безличных конструкций; включение в предложение обособленных причастных оборотов, уточнений, вводных и вставных конструкций; повторение слов, обозначающих временные, пространственные и причинно-следственные отношения; употребление вводных слов, указывающих на порядок перечисления информации; использование вводных конструкций, содержащих обращение к слушателям и являющихся своеобразным призывом к концептуальной солидаризации, побудительных предложений, призывающих слушателей к определенным действиям; включение однородных членов и цепочек родительного падежа; синтаксический параллелизм, инверсии.

Использование в политическом дискурсе неопределенно-личных и безличных конструкций дает возможность избежать непосредственного указания на действующее лицо (предложения с неопределенно-личным местоимением *man* и безличным местоимением *es*: *man sagt, man hört, es ist bekannt*). Кто говорит и кому известно, остается неясным. Отсутствие указания на источник информации позволяет адресату речи самому заполнить эту нишу. Также используется выражение „*es gibt Meinung, dass ...*“ и таким образом мнение подается как общеизвестный факт. Очевидность такого утверждения можно проследить на следующих примерах:

Deshalb hat man an dieser Stelle heute einen ganz anderen Blick darauf als vor zehn, fünfzehn oder zwanzig Jahren.

Sie bieten positive Beispiele, über die man noch mehr berichten sollte.

В политических речах широко используется ретроспекция. Выступающий ссылается на информацию, которая имеется помимо его выступлений или которая содержится в предыдущих его выступлениях или изложена в данной речи ранее. Таким образом говорящий связывает свою речь с общим информационным контекстом, с предыдущими речами:

Als ich meinen Bürgerdialog geführt habe, auf den ich gleich noch einmal zurückkommen werde, habe ich die härtesten Auseinandersetzungen über das Thema Bildung geführt.

Ich möchte das hier noch einmal sagen, weil wir manchmal die Dinge gegeneinander ausspielen.

Перспекция дает возможность слушателю яснее представить себе связь и взаимозависимость мыслей и идей, изложенных в речи. Частотны вводные слова, указывающие на порядок перечисления информации: *erstens, zweitens, drittens*.

Erstens. Eine erneuerte Wirtschafts- und Währungsunion braucht mehr gemeinsame Finanzmarktpolitik.

Zweitens. Eine erneuerte Wirtschafts- und Währungsunion braucht mehr gemeinsame Fiskalpolitik.

Drittens. Eine erneuerte Wirtschafts- und Währungsunion braucht mehr gemeinsame Wirtschaftspolitik.

В политической речи используются те же стилистические средства, что и в других сферах коммуникации. Употребление стилистических фигур и тропов в политических речах позволяет политику усилить эмоциональный накал своей речи, сделать ее более яркой, выразительной и привлечь внимание слушателей. К стилистическим особенностям немецкоязычного политического дискурса относят употребление таких стилистических средств, как метафора, метонимия, эпитеты, олицетворение, сравнение, символ. Например:

Ich glaube an die Macht der Wahrheit und des guten Willens als Hauptquellen unseres gegenseitigen Verständnisses.

Zunächst überzog Deutschland unseren Kontinent während des Nationalsozialismus mit unvorstellbarem Leid.

Es war außerdem in einigen Mitgliedstaaten jahrelangmöglich, Schuldenberge anzuhäufen, ohne dass dies durch höhere Zinsen oder die im Stabilitäts- und Wachstumspakt eigentlich dafür vorgesehenen Sanktionen bestraft worden wäre.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что политический дискурс характеризуется особым отбором и организацией определенных языковых структур в соответствии с прагматическими установками, целями

и условиями общения. Умелое использование политиком языковых средств позволяет ему не только передавать информацию, но и оказывать эмоциональное воздействие на

адресата, преобразуя существующую в сознании человека политическую картину мира.

Литература

1. Баранов А. Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом. / А. Н. Баранов // Человек. – 1997. – № 6 – С. 108–118.
2. Демьянков В. З. Политический дискурс: История и современные исследования. / В. З. Демьянков // Политическая наука. – 2009. – № 3 – С. 32–43.
3. Карасик В.И. Лингвистика текста и анализ дискурса: Учеб. пособие. / В. И. Карасик – Архангельск – Волгоград: Перемена, 1994. – 136 с.
4. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дисс. на соискание ученой степени доктора филологических наук. / Е. И. Шейгал. – Волгоград., 2000. – 433 с.
5. Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel beim Jahrestreffen 2013 des World Economic Forum. URL: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Rede/2013/01/2013-01-24-merkel-davos.html>.
6. Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel im Europäischen Parlament. URL: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Rede/2012/11/2012-11-07-merkel-eu.html>.
7. Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel vor dem Deutschen Bundestag. URL: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Rede/2012/11/2012-11-21-merkel-bt.html>.

References

1. Baranov A. N. (1997) Political discourse: farewell to ritual [Politicheskii diskurs: proshchanie s ritualom] / A. N. Baranov // Chelovek, № 6. – P. 108–118.
2. Dem'iankov V. Z. (2009) Political discourse: history and modern research [Politicheskii diskurs: Istorii i sovremennye issledovaniia] / V. Z. Dem'iankov // Politicheskaiia nauka, № 3. – P. 32–43.
3. Karasik V. I. (1994) Text Linguistics and discourse analysis [Lingvistika teksta i analiz diskursa: Ucheb. posobie.] / V.I. Karasik – Arkhangel'sk – Volgograd: Peremena. – 136 p.
4. Sheigal E. I. (2000) Political discourse semiotics [Semiotika politicheskogo diskursa: diss. na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk.] / E. I. Sheigal. – Volgograd. – 433 p.
5. Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel beim Jahrestreffen 2013 des World Economic Forum. URL: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Rede/2013/01/2013-01-24-merkel-davos.html>.
6. Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel im Europäischen Parlament. URL: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Rede/2012/11/2012-11-07-merkel-eu.html>
7. Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel vor dem Deutschen Bundestag. URL: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Rede/2012/11/2012-11-21-merkel-bt.html>.

Е. Э. Жукова

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Оренбургский институт (филиал) Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина
e-mail: kafedra.popov@yandex.ru

Т. А. Кузнецова

преподаватель кафедры иностранных языков, Оренбургский институт (филиал) Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина
e-mail: kafedra.popov@yandex.ru.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЗАГОЛОВКОВ В ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

В данной статье уточняется понятие «газетный дискурс», рассматриваются его особенности с точки зрения организации текста. Газетный дискурс сегодня является общим полем для множества коммуникативных систем. В нем представлена лексика дискурсов различных сфер деятельности людей. Трансформация дискурса сегодня привела и к трансформации заголовков, основные аспекты, тип и цели которых определяются на примере материалов современной прессы. Теоретические аспекты перевода газетного дискурса рассматриваются в статье в связи с обучением бакалавров реферированию и аннотированию статей. Особо подчеркивается вербальный характер, сокращение количества слов в заголовке, своя грамматическая структура, неологизмы, отсутствие пунктуации, эмоциональная подача события в том числе и посредством цитирования участников событий.

Ключевые слова: коммуникативная система, газетный дискурс, реферирование текстов профессиональной направленности, организация текста, работа с заголовком, аббревиатуры, сокращения, неологизмы, отсутствие пунктуации, цитирование, эмоциональная подача, вербальный характер, трансформация заголовков.

Коммуникативно-прагматические аспекты изучения средств и способов речевого выражения связаны с определением дискурса как организующей формы их взаимодействия. Дискурс – (фр. discours) в общем смысле – речь, процесс языковой деятельности. В современной лингвистике проблема изучения языковых параметров газетного дискурса практически не исследована и только начинает разрабатываться [2, стр. 11].

Газетный дискурс определяется как коммуникативное событие, среда, в которой «созревает» и создаётся газетный текст. В состав дискурса входит не только сам текст, но и различные экстралингвистические компоненты (знание мира, мнения, ценностные установки), играющие важную роль для понимания и восприятия информации. Газетный дискурс – это динамическое когнитивно-коммуникативное явление,

процесс и результат речевой коммуникации в печатных СМИ; газетный текст – продукт дискурсивной деятельности в условиях массовой коммуникации, способствующий обмену социально значимой актуальной информацией. Особый тип речевой коммуникации – массовая информация – объединяет в рамках газетного дискурса различные жанровые формы. Динамичная ситуация жанрообразования в современном газетном дискурсе свидетельствует об известной гибкости газетной жанровой системы, включающей ядерные разновидности публицистических текстов (собственно информационные, информационно-аналитические и аналитические) и периферийные (художественно-публицистические) [3, с. 398].

Газетный дискурс, реализуемый средствами массовой информации, в частности прессы, конструирует мир людей и их действий как событие. Представление событий в газетном дискурсе не может осуществляться иначе как посредством языка. Газетный дискурс сегодня является общим полем для множества коммуникативных систем, дискурсов. И поэтому в нем представлена лексика дискурсов различных сфер деятельности людей: экономической, политической, медицинской, спортивной, криминальной [8; стр. 3].

Особенностями газетного дискурса сегодня являются особая «нарушенная» организация текста: от главного к частному, обилие клише, авторских неологизмов, модальности, употреблении повторов, параллельных конструкций, преобладании кратких высказываний, наличие сленговых выражений, политкорректной лексики, обилие аббревиатур и сокращений. Анализ газетного дискурса – сегодня новая и перспективная с точки зрения прагматики тема.

Наряду с трансформацией самого дискурса произошли и значительные трансформации заголовков статей. Причем российские издания повторяют путь западных, то ли по причине глобализации, то ли просто «копирайтят» оригинальные статьи. За несколько лет российский дискурс приобрел все черты англоязычного – нет последовательного развертывания ситуации, лишь дополнение заголовка и выделенного абзаца подробностями ситуации, изменение стиля статьи на практически разговорный, рубрикация, неологизмы, буквальный перевод терминов.

Что же касается самих заголовков, то среди основных их аспектов можно выделить: вербальный характер, сокращение количества слов в заголовке (до 5–6), особую грамматическую структуру (отсутствие глагольных связок, нарушение модальности, отсутствие согласования, прямой порядок слов в вопросительном предложении), наличие аббревиатур, сленга, неологизмов, отсутствие пунктуации, эмоциональная подача события, в том числе и посредством цитирования участников событий. Отсюда по типу коммуникации заголовки можно поделить на констатацию, резюме, интригу, сенсацию, цитату, обращение и вопрос, игровой, ироничный заголовок. Понятно, что при наличии огромного количества источников информации каждое издание борется за аудиторию всеми возможными способами усиливает эффект интригующими, а подчас и шокирующими заголовками.

Таким образом, целями заголовка газетного дискурса сегодня выступают привлечение внимания читателя, информирование его о произошедшем событии, программирование на определенную реакцию, что, несомненно, в большей степени и достигается.

Теоретические аспекты перевода газетного дискурса вызывают внимание сегодня в связи с обучением бакалавров переводу, реферированию и аннотированию статей. Наряду с традиционным переводом на уроках иностранного языка сегодня уделяется внимание новым видам и типам технического перевода. К их числу относятся реферативный перевод и аннотирование, в которых в компрессионном виде содержатся относительно подробные сведения о таких характеристиках первичного текста, как его назначение, тематика, методы исследования [5, с. 5].

Под реферированием понимается процесс мысленной переработки и письменного изложения читаемого текста, результатом которого является составление вторичного документа – реферата. Слово «реферат» латинского происхождения, однако по вопросу его возникновения до сих пор нет единого мнения. Одни считают, что слово «реферат» произошло от латинского «*referere*» – докладывать, сообщать, другие утверждают, что реферат получил распространение в средние века (VII–XV вв.) от латинского тер-

мина «abstractus» со значением «выводить заключение». В России термин «реферат» появился в настольном словаре Ф. Г. Толля, изданном в 1864 году, где определялся как «отношение, докладная записка, изложение дела вкратце» [9, с. 301].

Первые попытки изучения теории и методики реферирования в нашей стране были предприняты в 20–30-е годы XX столетия. Как область практической деятельности, реферирование сформировалось в недрах библиотечно-библиографической и журналистской практики. Наибольший успех достигнут в библиографии технической литературы. В последние годы большой интерес проявляется к реферированию иностранной специальной литературы.

Научиться грамотному реферированию и аннотированию литературных источников профессиональной направленности, написанию рефератов научного плана, дипломных работ, а впоследствии повысить свой профессиональный уровень помогает работа со статьями публицистического характера печатных и интернет-изданий. Обучение чаще всего проводится на примере коротких статей иноязычных информационных порталов, как например www.bbc.co.uk, www.theguardian.com.uk, www.telegraph.co.uk, www.independent.co.uk, americanpress.com, www.ap.org – для изучающих английский язык или www.der.weg.de, www.bild.de, www.dw.de, www.bz-berlin.de, www.berlin.de, www.mopo.de, www.heute.de – для изучающих немецкий. Для современного преподавателя неязыкового вуза больше не составляет труда подобрать хороший аутентичный материал по теме, а обращение к английским или немецким сайтам окажет наиболее продуктивное влияние на процесс обучения иностранному языку в целом и реферированию материала на иностранном языке в частности.

Этапы обучения реферированию можно представить следующим образом:

1) работа с заголовком (перевод; выявление грамматических особенностей, как то отсутствие глагола-связки, согласования времен; акцентирование на вербальность и информативность заголовка);

2) перевод выделенного фрагмента после заголовка статьи (устный перевод; сравнение с заголовком; сравнение на выявление отличий и подробностей);

3) работа с текстом (перевод сленговых выражений и «новояза»; расшифровка аббревиатур и сокращений; записывание имен высокопоставленных представителей власти, известных политических, экономических, культурных деятелей; анализ стилистических особенностей текста на выявление отношения автора статьи к излагаемому материалу);

4) аудирование по видеокomentarиям к данной статье (перевод, обсуждение);

5) письменное изложение материала с анализом позиции автора (работа по плану реферирования с использованием клише);

6) выражение своего мнения по теме статьи [7, с. 120].

Сегодня существует множество источников информации, и поэтому для привлечения внимания, поиска «своего» читателя, воздействия на аудиторию журналисты используют все больше вербальные заголовки с максимальной информационной загруженностью, а в некоторых случаях даже перегруженностью (*Tunisia power transfer deal agreed, Aerial search at Italy sunken boat, China activist Ni Yulan released, Shutdown in the US can effect us all, Lybian gunnan kill 15 soldiers. /Giftpilz vor Kinderkrippe sorgt für Aufregung, «Ich warte Tage auf den besten Shot», Platini will EM 2020 mit Neymar, Messi und Co., Herrenlose Katze lässt sich in S-Bahn verwöhnen, 10 Tote nach Anschlag auf Polizei und Militär?*). Заголовок – это название публицистической статьи или газетной новости, которое является их неотъемлемой частью. Во внетекстовом употреблении заголовки не только теряют свои смысловые упрощения, но и частично семантику [6, с. 302].

И. В. Арнольд также считает, что газетные заголовки построены так, чтобы заставить читателя заинтересоваться заметкой и обеспечить компрессию информации. Такие заголовки должны бросаться в глаза и привлекать к себе внимание даже издали, делением на полосы или распределением одной статьи по разным страницам, особыми заголовками к параграфам [1, с. 182].

Среди основных аспектов можно выделить: вербальный характер, сокращение количества слов в заголовке (до 5–6), особую грамматическую структуру (отсутствие глаголов-связок, нарушение модаль-

ности, отсутствие согласования, прямой порядок слов в вопросительном предложении) (*Obama open to short-term debt rise, US ship detained by Venezuela, Argentina shuns war criminal's body*, наличие аббревиатур (*Libia PM's kidnap was 'coup attempt'*) *How can we reduce food waste? / Autofahrer im eigenen Auto verbrannt? Ping-Pong-Eigentor der Extraklasse, Was, wenn keiner nachgibt, Diskussion über neue AKWs, (AKW-das Atomkraftwerk), Die Juso-Gefahr (Juso-Jungosozialist)*, сленга (*Ein Zuhause für Schulschwänzer (Schulschwänzer – прогульщик), Kurze Verschnaufpause (Verschnaufpause–передышка)*), неологизмов, отсутствием пунктуации, эмоциональная подача события, в том числе и посредством цитирования участников событий (*Sebastian Turner "Die Globalisierung wird uns noch überraschen"*).

Отсюда по типу коммуникации заголовки можно поделить на констатацию, резюме, интригу, сенсацию, цитату, обращение и вопрос, игровой, ироничный заголовок. А современная стилистика выделяет такие функции заголовков, как: номинативную, информативную, экспрессивно-апеллятивную, рекламную, разделительную. Причем в каждой заголовке преобладает какая-то одна функция [4, с. 197].

Первый этап работы со статьей может включать как письменный, так и устный

перевод названия; восстановление полной и правильной грамматической конструкции названия статьи; прогнозирование описываемых в статье событий; работу по составлению своих заголовков по предложенным темам.

После выполнения основной функции – привлечения внимания к своей работе – современный журналист для усиления эффекта выдает в начале статьи в выделенном абзаце чуть более подробную, а иногда и полную информацию описываемого события. И тогда интрига, созданная в названии, либо лопается как мыльный пузырь, либо усиливается весомыми деталями. На этом этапе необходимо объяснять студентам, что структура современной статьи отличается от структуры статьи прошлых лет, так как автор не предлагает нам последовательного изложения событий, а по крупицам выдает детали ситуации и комментарии заинтересованных лиц. Они не встретят там привычного заключения, и повествование может оборваться без логического завершения. Мы живем в век больших скоростей, и деловому человеку предоставляется лишь обработанный журналистом конечный продукт – его субъективный взгляд на данную ситуацию. И если студенты действительно хотят разобраться в данной теме, им необходимо обучиться реферированию и анализу всего изложенного материала.

Литература

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка: Учебник для институтов и факультетов иностранных языков – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1986. – 295 с.
2. Бобровская Г. В. Газетный дискурс в проблемном поле коммуникативно-прагматической лингвистики / Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». – № 4 (14). – Декабрь 2011. – Режим доступа: <http://www.grani.vspu.ru>.
3. Бобровская Г. В. Коммуникативные стратегии и тактики газетного дискурса: взаимодействие публицистики и рекламы // Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов: матер. Международная научная конференция – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. – С. 398–401.
4. Брандес М. П. Стилистика текста. Теретический курс. – Прогресс-Традиция. Инфра М, 2004. – С. 197.
5. Вейзе А.А., Конышева А. В. Практическое пособие по обучению реферативному переводу. Минск: МГЛУ, 1997.– С 86.
6. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка / И. Р. Гальперин. – М.: Высшая школа, 1977. – 332 с.
7. Жукова Е. Э. Аспекты обучения реферированию студентов бакалавриата неязыкового вуза / П-72 Преподавание английского языка в профессиональном контексте: материалы международной научно-практической конференции 15 ноября 2013 г. Тамбов / Под общ.

ред. Н. А. Гуниной, Р. П. Мильруда, Н. Л. Никульшина, И. Н. Темновой. – Тамбов: Изд-во ИП Чеснокова А. В., 2013. – 152 с.

8. Кук Ф. А. Языковые средства газетного дискурса: лексико-семантический и прагматический аспекты / Автореферат. – Краснодар, 2005. Режим доступа: – <http://www.disscat.com>.

9. Леонов В. П. Реферирование научно-технической литературы. Учебное пособие для студентов библиотечных факультетов. Л., 1982. – С. 3–5.

References

1. Arnold I. V. Lexicology of the modern English language: Textbook for institutes and faculties of foreign languages [Leksikologiya sovremennogo anglijskogo yazyka] – 3d edition, reviewed and supplemented – М: Higher School, 1986. – 295 p.

2. Bobrovskaya G. V. Newspaper discourse in problematic field of communicative-pragmatic linguistics [Gazetnyj diskurs v problemnom polye kommunikativno-pragmaticheskoi lingvistike] / Electronic scientific-educational magazine VGPU “Verges of Cognition”. – № 4 (14). December 2011. – Regime of accession: <http://www.grani.vspu.ru>.

3. Bobrovskaya G. V. Communicative strategies and tactics of the newspaper discourse: publications and advertisement interaction [kommunikativnye strategii i takriki gazetnogo diskursa] / Integrational processes in communicative regional space: International scientific conference – Volgograd: Publishing House VolGu, 2010. – 398–401 p.

4. Brandes M. P. Text stylistics. Theoretical course. [Stilistika teksta. Teoreticheskij kurs] – Progress – Tradition. Infra M, 2004. – 197 p.

5. Veize A. A., Konysheva A. B. Practical course of teaching rendering translation. [Prakticheskoye posobiye po obucheniyu referativnomu perevodu] Minsk: MGLU, 1997, 86 p.

6. Galperin I. R. Stylistics of the English language [Stilistika anglijskogo yazyka] / I. R. Galperin. – М.: Higher School, 1977. – 332 p.

7. Zhukova E. E. Aspects of teaching bachelors to render in nonlinguistic higher institutions [Aspyekty obucheniyu referirovaniyu studentov bakalavriata neyazykovykh vuzov] / Teaching English for professional purposes: Proceedings of the international scientific and practical conference November 15 2013 Tambov / Gunina N. A., Millrood R. P., Nikulshina N. L., Temnova I. N. (Eds.) – Tambov: Publishing House IP Chesnokov A. V., 2013. – 152 p.

8. Kuek F. A. Linguistic means of newspaper discourse: lexico-semantic and pragmatic aspects [Yazykovye sredstva gazetnogo diskursa: leksiko-semanticheskiji i pragmaticheskiji aspekty] / Autoreview. – Krasnodar, 2005. Regime of accession: <http://www.disscat.com>.

9. Leonov V. P. Rendering of scientific-technical literature. Textbook for students of library faculties. [Referirovaniye nauchno-technicheskoi literatury. Uchebnoye posobiye dlya studentov biblioteknykh facul'tetov] L., 1982. – P. 3–5.

С. Г. Заболотная

доцент кафедры иностранных языков ГБОУ ВПО
«Оренбургская государственная медицинская академия»
e-mail: zabolotnaya56rus@yandex.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ СИТУАЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ КАК СРЕДСТВО КОНКРЕТИЗАЦИИ ОБРАЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО БУДУЩЕГО

Образовательная среда медицинского вуза представляет собой совокупность условий, в которых разворачивается и развивается образовательный процесс. Медицинское образование, являясь гуманитарным по своей сути, перестает быть только профессиональным, превращаясь в существенную часть культуры современного общества, поскольку оно обращено к проблемам человека, его здоровью и жизни.

В образовательном контексте медицинского вуза именно проблемная ситуация становится элементом развития креативности и профессионального мышления будущего врача средствами предметного содержания дисциплины «иностраный язык». При помощи системы проблемных ситуаций, учебных задач и заданий складывается сюжетная линия освоения и присвоения ведущих аспектов профессиональной деятельности с одновременным развитием межличностной коммуникативной иноязычной компетенции.

В настоящей статье рассматриваются особенности использования проблемных ситуаций на занятиях по иностранному языку в медицинском вузе с целью конкретизации ценностных представлений студентов о своей будущей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: проблемные ситуации, занятия по иностранному языку, речемыслительная деятельность, студенты медицинского вуза

На современном этапе развития медицинского образования особую значимость приобретает проблема становления у будущих врачей профессионального мышления, которое позволяет моделировать целостное предметное и социальное содержание будущей профессиональной деятельности. В образовательном пространстве медицинского вуза именно проблемная ситуация, задачи и задания, выступающие ее элементами, способствуют развитию профессионального мышления. При помощи системы проблемных ситуаций, учебных задач и заданий средствами содержания дисциплины «иностраный язык» происходит присвоение

ценностей будущей профессии, аккумулярование профессионально-ориентированных знаний и совершенствование коммуникативных умений. Основная идея проблемного обучения реализуется посредством завершеного характера педагогического процесса: от цели деятельности, ее мотивов, действий, операций, способов регуляции и коррекции, контроля и анализа ее конечного результата, в котором обеспечивается всестороннее развитие личности через ее внутренние условия с опорой на собственную активность в логике целостного рассмотрения всех основных компонентов деятельности. Весь процесс обучения проходит через личность студента,

его мотивы, цели, ценностные ориентации, интересы, перспективы, жизненные планы и проекты, способствуя уточнению Образа профессионального будущего.

В рамках проблемного обучения происходит смещение акцента с обучающей деятельности преподавателя на познавательную деятельность студента, вызывая становящийся устойчиво доминирующим, познавательный и профессиональный интерес. Проблемная ситуация, содержащая познавательное затруднение, подразумевает выполнение студентом задания, для которого нет готового средства решения и которое, в свою очередь, требует усвоения новых знаний о предмете и способах выполнения данного задания. Условием возникновения проблемной ситуации является необходимость в создании нового способа действия, раскрытии нового отношения или свойства. Результатом возникновения проблемной ситуации является порождение и формулирование в сознании студентов проблемы. Как правило, данная проблема реализуется в форме вопроса, и чем глубже сформулирована проблема, тем живее к ней интерес и успешнее ее разрешение.

А. М. Матюшкин показывает, что проблемную ситуацию порождает не трудность решения какой-либо задачи, а наличие определенного противоречия, разрешение которого требует привлечение средств познания [3].

Таким образом, работа над проблемной ситуацией происходит в условиях такого психического состояния студента, при котором он обнаруживает противоречия, какие-либо несоответствия, осознает их как трудности, преодоление которых требует получения новой информации, и хочет разрешить данное противоречие.

Согласно мнению А. М. Матюшкина, проблемная ситуация состоит из трех основных компонентов:

1. Необходимость выполнения такого действия, при котором возникает познавательная потребность в новом неизвестном отношении, способе или условии действия.
2. Неизвестное, которое необходимо раскрыть в возникшей проблемной ситуации.
3. Возможности студентов в выполнении имеющегося задания, анализе условий и открытии неизвестного [3].

Следовательно, крайне важной становится

необходимость обеспечения личностной значимости моделируемой проблемной ситуации.

Организация проблемной ситуации подразумевает как вербальное, так и невербальное описание противоречий; демонстрацию проблемного опыта, его игровую, предметную или компьютерную имитацию, лабораторный эксперимент, проектное проблемное задание.

Способы представления проблемных ситуаций студенту, отбор их содержания и способы оценки результатов проблемного обучения являются важнейшими вопросами реализации проблемных ситуаций в профессиональном образовании. Образовательная реализация проблемных ситуаций способствует конкретизации Образа профессионального будущего в процессе профессионального становления студента медицинского вуза, в том случае, когда имеет место интеграция проблемных ситуаций в личностно-значимых видах деятельности.

Использование проблемного обучения и его элементов на занятиях по иностранному языку содействует формированию потребностной, мотивационной, эмоционально-волевой готовности к будущей профессиональной деятельности; развитию ценностных ориентаций, личностных и профессионально значимых качеств будущего специалиста медицинского профиля. При подготовке будущего врача крайне важным является активное вовлечение каждого студента в познавательный процесс с условием активного применения полученных знаний и ярко выраженного осознания где, как, каким образом и для чего (с какой целью) могут быть применены эти знания.

В условиях речемыслительной организации обучения иностранному языку в медицинском вузе преподаватель не сообщает готовые знания, а ставит перед студентами профессионально-ориентированную проблему, стимулируя тем самым их интерес, поддерживая поиск путей и способов разрешения данной проблемы, что способствует накоплению и обогащению новых знаний и совершенствованию механизма их применения.

Работа над коммуникативно-активной проблемной ситуацией на занятиях по иностранному языку способствует развитию

практических навыков владения иностранным языком, творческих и коммуникативных способностей, клинического мышления студента, повышая уровень сознательного отношения к приобретению профессиональных знаний, умений и личностных качеств будущего специалиста в области медицины в условиях профессионально-ориентированного иноязычного речевого взаимодействия.

Рассмотрим алгоритм работы над коммуникативно-активной профессионально-ориентированной проблемной ситуацией на занятии по английскому языку в медицинском вузе.

В качестве ситуационной задачи студентам был предложен обучающий фильм «Acute appendicitis» (в качестве краткого анамнеза и симптоматики больного с острым аппендицитом, не называя диагноза заболевания). Студенты, используя различные аутентичные информационные источники, в том числе и интернет-ресурсы, должны последовательно поставить правильный диагноз и обосновать свое решение, учитывая признаки и симптомы, приведенные в обучающем фильме. Роль преподавателя заключается не в объяснении, а в направлении обсуждения по заданному пути. Таким образом, студенты получают возможность не только обсудить конкретный клинический случай, но и разработать алгоритм решения поставленной проблемы. Процесс постановки и решения профессионально-ориентированной коммуникативной задачи обеспечивает применение языковых знаний в репродуктивно-поисковом режиме, стимулируя речемыслительную деятельность студентов в ходе развития иноязычных коммуникативных умений.

Работа проходит группами студентов по 2–3 человека. В конце занятия студенты представляют свое сообщение по полученным результатам, представленное в виде презентации в Power Point. Это позволяет не только активизировать логическое мышление, но и развивает способность ориентироваться в нестандартной ситуации, быстро находить достоверную информацию, что является крайне важным для специалиста в области медицины.

Следовательно, работа по развитию умений аудирования, чтения, говорения и

письма проходит в комплексе, подразумевая не только активное взаимодействие студентов между собой в информационной среде по разрешению проблемной ситуации, но и формирование проектных умений студентов, раскрытие творческого потенциала студентов, осознанию себя в качестве субъекта речевого взаимодействия. Обучение иностранному языку с использованием проблемных ситуаций ориентирует студентов на исследовательскую, поисковую модель подготовки, способствуя развитию творческого профессионального мышления, умению самостоятельно планировать свои действия и находить возможные варианты решения задач, что выражается в способности видеть проблему, искать пути по ее разрешению через восприимчивость к новым идеям, изменять или даже разрушать устоявшиеся стереотипы в целях создания нового для проектирования и получения решения жизненных и профессиональных проблем. Именно иностранный язык, будучи явлением культуры, выполняет не только познавательную, но и практическую, развивающую и воспитывающую функции. Изучая иностранный язык, студент размышляет о языковых особенностях, способах овладения иностранным языком, его употреблении, что и представляет собой рефлексивное самооценивание, составляющее неотъемлемую часть успешного учебного процесса.

Обучение иностранному языку, основанное на решении проблемных ситуаций, дает студентам возможность не только аккумулировать профессионально-ориентированные знания, стимулируя речемыслительную деятельность в ходе развития коммуникативных умений и конкретизации Образа профессионального будущего, но и присвоить ценности иноязычной культуры. Это позволяет будущему врачу выработать собственную позицию, стать более независимыми в суждениях и действиях, более ответственными и открытыми в отношениях с окружающими людьми. Коммуникативно-активные профессионально-ориентированные проблемные задания помогают студентам сконцентрироваться на содержании высказывания, приближаясь, таким образом, к беспереводному иноязычному высказыванию.

Решение аутентичной проблемной клинической задачи в рамках профессионально-

ориентированного иноязычного общения способствует развитию высокой внутренней мотивации и заинтересованности в иноязычной деятельности.

Педагогические технологии проблемного обучения на занятиях по иностранному языку подразумевают личностное включение студента в учебно-профессиональную ино-

язычную деятельность, принятие ее как части собственной культуры, при помощи которой развивается собственно личность студента, что способствует формированию профессионально подготовленной, компетентной, нравственно совершенной и социально активной личности будущего врача посредством активизации ее внутренних резервов.

Литература

1. Бухарина, Т. Л. Психолого-педагогические аспекты медицинского образования / Т. Л. Бухарина, В. А. Аверин. – Екатеринбург: УрО РАН, 2002. – 405 с.
2. Зимняя, И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе / И. А. Зимняя. – М.: Высш. шк., 1991. – 355 с.
3. Матюшкин, А. М. Проблемная ситуация в мышлении и обучении / А. М. Матюшкин. – М.: Педагогика, 1972. – 238 с.
4. Brumfit, C. Communicative Methodology in Language Teaching. The Roles of Fluency and Accuracy. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – 500 p.
5. McLoda, Todd A. Problem-based Learning in Allied Health and Medicine [Электронный ресурс] / Todd A. McLoda // IJAHSP. – 2003. – № 1. – P. 1–7. – Режим доступа: <http://www.ijahsp.nova.edu>.

References

1. Bukharina, T., Averin, V. (2002), "Psychologo-pedagogical aspects of medical education" [Psikhologo-pedagogicheskie aspekty meditsinskogo obrazovaniya], UrO RAN, Ekaterinburg. – P. 405.
2. Zimnyaya, I. (1991), "Psychology of foreign language teaching at school" [Psikhologiya obucheniya inostrannym yazykam v shkole], Vysshaya shkola, Moscow. – P. 355.
3. Matyushkin, A. (1972), "Problem-based situation in thinking and teaching" [Problemnaya situatsiya v myshlenii i obuchenii], Pedagogics, Moscow. – P. 238.
4. Brumfit, C. Communicative Methodology in Language Teaching. The Roles of Fluency and Accuracy. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – 500 p.
5. McLoda, Todd A. Problem-based Learning in Allied Health and Medicine // IJAHSP. – 2003. – № 1. – P. 1–7. – available at: <http://www.ijahsp.nova.edu>.

Е. А. Иванова

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, ГБОУ ВПО «Оренбургская государственная медицинская академия»
e-mail: k_language@orgma.ru

ПРЕПОДАВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В системе высшего медицинского образования произошли изменения. Они были связаны с введением нового ФГОС-03. Новая парадигма образования «обучение на протяжении жизни» заменила старую. В настоящее время термин «компетенция» рассматривается в качестве инновации в преподавании иностранного языка в высшей школе. Иностранный язык как учебная дисциплина занимает особую нишу в высшем образовании.

Цель обучения иностранному языку – изучать любой иностранный язык через профессионально ориентированное обучение. Опыт работы в Оренбургской государственной медицинской академии показал, что студенты первого курса могут достичь успеха, если они активны, самостоятельны и креативны. Было разработано много новых форм, методов учебной и дополнительной, самостоятельной работы для студентов.

Но опять преподаватель занимает центральное место в преподавании иностранных языков. Он планирует, выбирает методы обучения, принимает решения, помогает, даёт советы. Преподаватель преодолевает много трудностей на своём пути к достижению цели – повышению у студентов уровня владения иностранным языком. Короткий курс преподавания вынуждает преподавателей искать новые пути обучения языку и делать их более эффективными и оптимальными.

Ключевые слова: ФГОС-03, обучение иностранным языкам, высшие медицинские школы, формы и методы обучения.

В современном и быстро развивающемся мире невозможно поддерживать высокий профессиональный уровень, в частности, врача, не зная о достижениях мировой медицинской науки. Для получения этих знаний необходима также высокая степень владения иностранным языком. Добиваться этого уровня владения призвана высшая школа. Новая образовательная парадигма ориентирована на непрерывное образование в течение всей жизни, на готовность и способность студента к постоянному саморазвитию и самореализации в образовательной, профессионально направленной, информативной

и социальной среде. Медицинское же сообщество заинтересовано в том, чтобы его члены постоянно повышали свою квалификацию через профессиональное самообразование, владение способами, где и как можно применять приобретённые знания. Новые информационные технологии оказывают своё воздействие на организацию, характер и методы обучения, на роль преподавателя и студента в учебном процессе, а также на самостоятельность (автономность) студента. Понятие автономности личности появилось в зарубежной психологии и стало логическим продолжением педагогических приёмов

в сфере обучения иностранным языкам в высшей школе. Известно, что автономность личности студента содействует активному усвоению и применению полученных в ходе обучения знаний, умений и навыков в будущей профессиональной деятельности студента. Одна из целей обучения – это формирование автономности студента. Но, говоря об автономности студента, следует заметить, что в этом случае он становится целью и объектом обучения. Однако личностное развитие студента немислимо без преподавателя. Процесс обучения иностранному языку в равной степени сфокусирован и на студента, и на преподавателя. Известно, что именно преподавателю принадлежит главенствующая роль – он планирует занятие, выбирает формы и методы введения и закрепления учебного материала, разрабатывает и использует дидактический материал, нацеливая его на более эффективное и оптимальное достижение целей занятия. «Как можно, имея 72 аудиторных часа, достичь цели обучения языку в вузе – знать лексический минимум в объёме 4000 учебных лексических единиц общего и терминологического характера; уметь использовать не менее 900 терминологических единиц и терминологических элементов; владеть иностранным языком в объёме, необходимом для возможности получения информации из зарубежных источников?» (1) Целью профессионально-ориентированного обучения иностранному языку будущих врачей становится формирование основ иноязычной компетенции, необходимой для профессиональной межкультурной коммуникации; овладение письменными формами общения на иностранном языке как средством информационной деятельности и дальнейшего самообразования. Задачи нацелены на формирование языковых и речевых навыков, позволяющих пользоваться иностранным языком для получения профессионально значимой информации, используя разные виды чтения; формирование языковых и речевых навыков, позволяющих участвовать в письменном и устном профессиональном общении на иностранном языке. Изучение языка в медицинском вузе зачастую опережает изучение других дисциплин медико-биологического профиля. Поэтому в центре работы над языком всегда находится текст, который служит основой для чте-

ния, развития умений и навыков перевода, говорения, монологической и диалогической речи. Переход на новый ФГОС-03 (1) потребовал пересмотра содержания всего курса обучения иностранному языку в связи с сокращённой сеткой учебных часов, отводимых на иностранный язык, в частности, в медицинских вузах. Содержание обучения не является постоянным. Минимизация содержания вызвана тем, что превышение минимально допустимого содержания может привести к непоправимым отрицательным результатам: потере интереса у студентов, утрате уверенности в себе и своих способностях. Особую роль играет тематика текстов, минимум речевого и страноведческого материала. Ситуация усугубляется еще и тем, что большая часть студентов-первокурсников не владеет приёмами самостоятельной работы, имеет большие пробелы в знаниях, не справляется с вузовской учебной нагрузкой. С этим сталкиваются все без исключения преподаватели, и в первую очередь те, кто работает со студентами 1-х курсов. Объяснение этому явлению можно найти в школьном образовании, где, по данным некоторых исследований, только 10% учебного времени отводится на автономную работу, а остальные 90% времени уходят на активную работу учителя – опрос и объяснение новой темы урока. Более 86% школьных учителей считает, что их основной функцией является передача знаний, а не обучение учащихся умениям и навыкам автономной учебной деятельности. Следовательно, особой задачей курса обучения иностранному языку в вузе является, как учить студента учиться. Для успешного выполнения аудиторной и внеаудиторной работы студента необходимо формировать умения самостоятельной работы. Преподавателю следует обучать студентов пользоваться словарём, учебником, грамотно использовать методические рекомендации и советы при изучении теоретического материала по грамматике иностранного языка, при работе над иноязычным текстом, устной разговорной темой и т. д, а также формировать соответствующий мотив изучения иностранного языка. Всё это требует целенаправленной, систематической и поэтапной воспитательной работы на протяжении всего курса обучения языку. Рациональным в этом случае будет формирование и разви-

тие мыслительных операций (сравнение, обобщение, выбор, дифференциация, анализ). Необходимо формировать у студентов такие качества, как: общая организованность, трудолюбие, способность преодолевать трудности, умение доводить начатое дело до конца, стремление к максимальному использованию всех доступных учебных возможностей. Курс обучения иностранному языку в Оренбургской государственной медицинской академии разбит на несколько модулей. Первый этап обучения «Специальная лексика и чтение специальной литературы» представляет собой переходную ступень между школьным и вузовским курсом. Он включает проведение установочной вводной лекции, ряда бесед, способствующих формированию мотивации к изучению иностранного языка, разработку практических советов по работе над языком, выделение частотного терминологического словаря с включением общей лексики, а также и вводно-коррективный курс по базовой грамматике иностранного языка. Для определения уровня владения языком и выявления личностных характеристик в начале этого курса проводится тестирование студентов. Следующий базовый курс первого года обучения включает в себя изучение наиболее частотной грамматики иностранного языка и аутентичных текстов медицинского профиля. Монологическое и диалогическое высказывание строится на разговорных темах. Нужно заметить, что у студентов естественно отсутствует опыт межкультурного общения, и они часто думают, что иностранный язык функционирует по тем же законам, что и родной. По их мнению, знание большого количества иностранных слов даст им возможность говорить на иностранном языке свободно, игнорируя знание грамматики иностранного языка. Пытаясь выстроить монологическое высказывание, студенты часто строят предложения по правилам русского языка, искренне считая, что они всё делает правильно. В результате такие высказывания выглядят бессмысленным набором слов и ведут к непониманию. Необходимо осмысленное интеллектуальное усилие, зазубривание недопустимо. Курс обучения носит профессиональную направленность, что и находит своё отражение в подборе учебных материалов, в издании серии учеб-

ных пособий. Учебный материал позволяет повысить мотивацию изучения иностранного языка, приобщить студентов к истории медицины, доступно и увлекательно повторить грамматику, расширить словарный запас. Знакомство с биографиями великих учёных-медиков вводит студентов 1-го курса в мир медицины, боли и страданий, требующий от врача эмпатии, большого терпения, высокого профессионализма и энтузиазма; вдохновляет студентов на изучение дисциплины и служит инструментом воспитания. Базовый курс охватывает в основном 3 вида речевой иноязычной деятельности: чтение аутентичных и профессионально направленных текстов, говорение (6 разговорных тем), письмо. Аудированию, к сожалению, не уделяется достаточного внимания из-за дефицита аудиторных часов. Практика показывает, что при выполнении заданий по текстам, по разговорным темам и контролю лексического фонда хорошие результаты даёт работа в парах и малыми группами. Студенты в определённых ситуациях могут эффективно выступать в роли преподавателя. В течение всего курса обучения студенты формируют и развивают умения и навыки в разных видах речевой деятельности. Учатся самостоятельно работать с литературой под систематическим контролем преподавателя. Но знание только определённого лексического фонда и грамматики иностранного языка, а также способов их употребления явно оказываются недостаточными для пользования языком как средством общения. Для этого необходимо познание культуры, которой пользуется носитель языка для отображения окружающей его действительности. Поэтому данная ситуация продиктовала необходимость включения в содержание обучения ещё одного компонента – культуры как совокупности опыта людей, язык которых стал предметом изучения. Эта работа проходила в разных формах аудиторной и внеаудиторной деятельности (в олимпиадах, конкурсах рефератов, страноведческих микроконференциях и викторинах о стране изучаемого языка, выступлениях с докладами по культурологическим и страноведческим аспектам иностранного языка на монотематических конференциях и конференциях СНО, в лекторских группах). Результатом знакомства с культурой страны изучаемого

языка и овладения способами межкультурной коммуникации является формирование у студентов социокультурной компетенции. Но и тесный контакт кафедры иностранных языков с деканатами, требовательность преподавателей позволяют своевременно решать насущные вопросы, связанные с успеваемостью и дисциплиной. Применение деятельностного и личностно-деятельностного подходов давали возможность создать условия для активной совместной и творческой деятельности студентов в разных ситуациях, значительно увеличить время речевой практики каждого студента, более успешно и эффективно организовать автономную работу студентов, показать успешный результат на экзамене по иностранному языку. Каждый студент должен осознавать мысль о том, что качественный результат его работы над языком определяется в первую очередь его собственными усилиями и стремлениями. Вместе с преподавателем он (студент) несёт равную ответственность за успешность и качество учебного процесса (Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез). Внеаудиторная работа студентов, проводимая в рамках СНО, является перспективной формой работы. Она даёт возможность успешным, активным, креативным студентам найти применение своим способностям, склонностям и испытать свои силы не только в учебной научно-исследовательской работе, а главное, открывает перед преподавателем широкие воз-

можности привлечь студентов к страноведческой работе. Это предполагает подготовку и участие в конкурсах рефератов, в монотематических и страноведческих конференциях, во внутривузовской и межвузовской лингвистической олимпиаде; постановки сценок на иностранном языке; создание различных учебных пособий; подготовку статей для вузовского сборника. Лингвистическая олимпиада проводится ежегодно и выявляет наиболее успешных и служит положительным примером для определённой части студентов, способствует мотивации к дальнейшему изучению. Поощрения студентов за успешно выполненную работу и успехи в учёбе по овладению иностранного языка в медицинском вузе помогают в становлении личности первокурсника, делают обучение более интересным и значимым, а следовательно, более качественным и эффективным.

Таким образом, преподавание иностранных языков в неязыковом вузе претерпело изменения, выраженные в значительном сокращении сетки учебных часов, содержании учебного материала; переориентации большого раздела изучения иностранного языка на работу в автономном режиме. Коммуникативные задачи разных уровней преподаватель решает исходя из своего мастерства и опыта работы, находясь всё время в поиске оптимальных методов преподавания.

Литература

1. Бухарина, Т. Л. Психолого-педагогические аспекты медицинского образования / Т. Л. Бухарина, В. А. Аверин. – Екатеринбург: УрО РАН, 2002. – 405 с.
2. Бухарина, Т. Л. Инновационные технологии в педагогическом процессе медицинского вуза // Инновационные подходы к образовательной деятельности в школе и вузе. Материалы II Межвузовской научно-практической конференции. Пермь, 2009. – С. 3–7.

References

1. Bukharina, T., Averin, V. (2002), "Psychologo-pedagogical aspects of medical education" [Psikhologo-pedagogicheskie aspekty meditsinskogo obrazovaniya], UrO RAN, Ekaterinburg. – P. 405.
2. Bukharina, T. "Innovative technologies in pedagogical process of medical school" [Innovacionnyye tehnologii v pedagogicheskom protsesse meditsinskogo vuza], *Materials of II Interuniversity scientific and practical conference*. – P. 3–7.

Н. В. Иноземцева

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка, ФГБОУ «Оренбургский государственный университет»; доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Оренбургский филиал)
e-mail: neddie23@rambler.ru

Е. В. Турлова

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка ФГБОУ «Оренбургский государственный университет»
e-mail: orenburg05@rambler.ru

**ВЕРБАЛЬНЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ
ЗАГОЛОВКОВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ДЕТСКИХ
ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ**

В статье была предпринята попытка определить вербальные дискурсивные маркеры заголовков англоязычных детских поэтических произведений, а также выделить их отличительные особенности. Поэтическое дискурсивное пространство все чаще становится объектом современных филологических исследований, поскольку в филологической практике исследование своеобразия организации поэтического дискурсивного пространства вызывает повышенный интерес языковедов. Обращение к поэтическому творчеству позволяет расширить и дополнить когнитивную парадигму современного поэтического дискурса.

Заголовочные комплексы выбраны в качестве материала для исследования, поскольку данные единицы относятся к категории малоформатных текстов, методологически наиболее «удобны» для анализа. Прагматика заголовочного комплекса поэтического произведения заключается в реализации двух функций – функции информирования и функции воздействия. В условиях, когда в качестве адресата выступают дети, заглавие произведения приобретает особый интерес для исследователей в связи с целевой установкой автора на привлечение внимания специфической в возрастном отношении аудитории.

Названия поэтических фрагментов, ориентированных на детское восприятие, обладают особым структурным и семантическим статусом, поскольку они предполагают сиюминутный эффект, привлекающий внимание детей, чье психологическое восприятие отличается от мировосприятия взрослых непосредственностью реакции. Таким образом, общеупотребительная лексика представляет наиболее распространенный лексический пласт в заглавиях поэтических произведений для детей. Данный выбор объясняется тем, что стихотворения направлены на детскую публику и для того, чтобы текст произведений не вызывал затруднений в понимании или запоминании, используются простые предложения и общеупотребительная лексика.

Ключевые слова: дискурс, маркер, дискурсивный маркер, вербальный дискурсивный маркер, заголовок, малоформатный текст.

Под дискурсивными маркерами в данной работе понимаются единицы, оформляющие связь в тексте как минимум между двумя самостоятельными фразами, они передают интенцию говорящего и его отношение к содержанию высказывания, то есть сигнализируют присутствие модальности.

Считается, что дискурсивные маркеры не образуют естественный класс единиц, который не имеет четких границ и объединяет единицы, которые могут относиться к различным лексико-грамматическим разрядам в соответствии с исходными классификационными критериями.

Дискурсивные маркеры употребляются для усиления, выделения подчеркивания. Важным свойством дискурсивных маркеров является обеспечение формально-грамматической и смысловой связности частей дискурса [4, с. 119].

Поскольку лингвистические маркеры являются универсальными единицами, они совершенно по-разному функционируют в заголовках англоязычных поэтических произведений для детей. Они могут быть как знаменательными частями речи, так и служебными частями речи, такими как артикли, союзы, предлоги.

Изучая вербальные единицы, входящие в состав заголовков поэтических произведений, следует отметить, что наблюдается значительное варьирование языковых единиц, задействованных в оформлении заголовков, которое обычно зависит от жанрового статуса рассматриваемого стихотворения. Следующими примерами можно проиллюстрировать варианты использования лингвистических составляющих англоязычных заголовков, которые включают языковые единицы различных уровней – лексического, грамматического, сверхфразового, дискурсивного и т.д.

A BIRTHDAY

A Blue Valentine

A dog is A Dog

A Heritage of Trees

Brother Bent-Nose

Casablanca

Goodbye Party for Miss Pushpa T.S.

Grandfather

He leaves The Nest.

Home and Love

How Beautiful is the Rain! [7]

В вышеприведенных примерах очевидно присутствие общеупотребительной лексики, повторов, имен собственных. Таким образом, было установлено, что лингвистическое оформление англоязычных заголовков поэтических произведений отличаются от обычной репрезентации языковых единиц в художественном контексте, что также подтверждается коммуникативными задачами этого вида языковых единиц, которые сводятся к следующим позициям:

– реализация информативной функции осуществляется за счет изложения основного содержания произведения, когда заглавие или является первой строчкой произведения, или упоминается в заглавии имя главного героя, или время или место действия;

– реализация прагматической функции достигается посредством оказания определенного эмоционального и оценочного воздействия на читателя.

Заглавия произведений имеют две отличительные черты – с одной стороны, они являются самостоятельными единицами, и как таковые могут рассматриваться вне контекста. С другой, они представляют интерес только как аннотации самих произведений. И с той, и с другой точки зрения в заглавии соблюдаются основные принципы номинации малоформатного текста.

Следует отметить, что заголовочные комплексы были выбраны в качестве материала для исследования, поскольку данные единицы относятся к категории малоформатных текстов, методологически наиболее «удобны» для анализа. По словам Е. С. Кубряковой, эти тексты «обозримы и наблюдаемы в самых мелких их деталях. Они демонстрируют достаточно важные характеристики текста: отдельность, выделенность, формальную и семантическую самодостаточность, тематическую определенность и завершенность» [3]. Именно в англоязычных поэтических текстовых фрагментах наиболее отчетливо обнаруживаются связи как между отдельными частями текста, так и их составляющими. Наконец, у подобного текста ясны его информативность, его когнитивная подоплека – смысл его создания, общий его замысел и реализованный в особой языковой форме итог создания в виде особого семантического пространства [4, с. 77]. Прагматика заголовочного комплекса поэтического произведения заключается в реализации

двух функций – функции информирования и функции воздействия. Последняя подразумевает не только формирование интереса к тому или иному произведению, но и побуждение к конкретному действию – прочтению стихотворения.

В настоящее время воздействие на человека рассматривается как комплексное влияние на его эмоциональную и рациональную сферу, на сферу знания и поведения. В частности, В. И. Карасик выделяет три типа воздействия – на культурологическом, социальном и психологическом уровне [1, с. 13]. Воздействие на культурологическом уровне осуществляется всем контекстом культуры, в котором находится человек, в том числе системой значений слов в языке. Воздействие на социальном уровне представляет собой влияние на человека как представителя той или иной общности, группы и осуществляется целенаправленным выбором средств воздействия – авторитетом, манипуляциями, аргументацией, силой. Воздействие на психологическом уровне представляет собой личностное, индивидуальное влияние на человека и осуществляется как эмпатия и переход в область личностных смыслов. Типы воздействия не являются рядоположенными, предметом воздействия всегда является личность, речь идет о социальнопсихологическом воздействии, которое актуализируется только в контексте культуры.

Для эффективного воздействия на адресата необходимо помимо коммуникативной установки учитывать условия, которые определяют общий фонд знаний, на основе которого обеспечиваются адекватное кодирование и декодирование информации. Реализация воздействующего потенциала заголовочного комплекса во многом определяется следующими факторами:

1) коммуникативным опытом адресата, его лингвистическим «багажом», обеспечивающим языковую организацию заголовка;

2) возрастной дифференциацией предполагаемой аудитории, что влияет на отбор как содержательно-концептуальной информации при создании заголовочного комплекса, так и языковых средств ее выражения.

В условиях, когда в качестве адресата выступают дети, заглавие произведения приобретает особый интерес для исследователей в связи с целевой установкой ав-

тора на привлечение внимания специфической в возрастном отношении аудитории. Названия поэтических фрагментов, ориентированных на детское восприятие, обладают особым структурным и семантическим статусом, поскольку они предполагают сиюминутный эффект, привлекающий внимание детей, чье психологическое восприятие отличается от мировосприятия взрослых непосредственностью реакции. Заголовочный комплекс, являющийся, по мнению ряда исследователей, важнейшим элементом композиционной структуры поэтического произведения, выполняет целый ряд функций. Важнейшей, онтологически присущей заголовку функцией, традиционно считается функция номинации, так как он называет предмет речи и, следовательно, включает в себя содержательно-концептуальную информацию. Являясь верхней границей текста, заголовок выполняет также текстообразующую роль, выступая в качестве «центра тяжести», удерживающего следующие за ним структурно-семантические звенья.

Лексико-семантический строй названий англоязычных стихотворных произведений для детей представлен пятью составляющими:

1) Общеупотребительная лексика (dad, birthday, world, forest, bright, etc.).

2) Книжная лексика (in accordance with, partaking, fellow, etc.).

3) Имена собственные (Mr.Lear, Henry, Oscar, etc.).

Общеупотребительная лексика является наиболее обширным лексическим слоем в заглавиях стихотворений для детей на базе английского языка. Она присутствует во всех синтаксических конструкциях, функционирующих в качестве заглавий.

Grandfather

Crocodile [8]

Книжная лексика свойственна не только самим стихам, но и их названиям независимо от интенции автора развлечь ли ребенка, либо научить его чему-нибудь, автору необходимо привлечь внимание ребенка к своему произведению.

Harmony

Dispute [8]

Имена собственные свойственны заглавиям поэтических произведений.

Они раскрывают либо имя главного героя, либо место, где происходит действие, либо время, когда действие происходит.

Jim

Casablanca [8]

Вербальная составляющая рекламного сообщения малоформатного текста (МФТ) названий поэтических произведений, языковой знак анализируется реципиентом, позволяет ему усваивать языковую информацию, однако большая часть информации реализуется имплицитно [6, с. 114].

Общепотребительная лексика представляет наиболее распространенный лексический пласт в заглавиях поэтических произведений для детей. Данный выбор объясняется тем, что стихотворения направлены на детскую публику, и для того, чтобы текст произведений не вызывал затруднений в по-

нимании или запоминании, используются простые предложения и общеупотребительная лексика.

Следует заметить, что такие знаменательные части речи, как существительные (собственные и нарицательные), прилагательные, числительные и глагольные формы, играют большую роль в заглавиях поэтических произведений для детей.

Изучив заглавия поэтических произведений для детей, приходим к выводу, что в заглавиях поэтических произведений для детей, представленных в корпусе выборки, отсутствуют служебные части речи, потому как заглавия поэтических произведений для детей кратки и лаконичны, и в большинстве случаев состоят из одного или максимум двух, трех слов.

Литература

1. Карасик В. И. О типах дискурса [Текст] // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
2. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения [Текст] / Е. С. Кубрякова // Текст. Структура и семантика. М., 2001. – Т. 1. – С. 72–81.
3. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса [Текст] / М. Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
4. Таюпова О. И. Коммуникативно-прагматическое варьирование в малоформатных прозаических текстах современного немецкого языка [Текст] / О. И. Таюпова. автореф. дис. д-ра филол. наук. – М.: Ин-т языкознания, 2005. – 54 с.
5. Турлова Е. В. Прагмалингвистические характеристики малоформатных текстов: на материале названий англоязычных учебно-методических пособий: автореф. дис. канд. филол. наук [Текст] / Е. В. Турлова. Самара, 2009. – 21 с.
6. Чернявская В. Е. Интертекстуальность и интердискурсивность / В. Е. Чернявская [Текст] // Текст — Дискурс — Стил. Коммуникация в экономике: сб. науч. ст. СПб, 2003. – С. 23–42.
7. Rossetti, Ch. Poems for children / Ch. Rossetti, J. Kilmer, T. S. Eliot, D. Horsburgh, D. Hemans, N. Ezekiel, O. Shelley [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.angelfire.com/md/byme/pocket/poetry1.html>.
8. Shelley, O. Poems for children / O. Shelley, J. K. Annand, Ch. Rossetti, J. Brough, H. Belloc, F. D. Hemans [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://poemsforchildren.org/Kids-Poetry-Collections/Childrens-poem-database.htm>.

References

1. Karasik V. I. (2000) About the types of Discourse [O tipah diskursa] Yazykovaya lichnost: institutional and personal discourse. Peremena. – P. 5–20.
2. Kubryakova E. S. (2001) About text and its criteria [O texte i kriteriyah ego opredeleniya]. Text. Structure and semantics. Moscow. Volume 1. – P. 72–81.
3. Makarov M. L. (2003) Theory of Discourse [Osnovy teorii diskursa]. M. ITDGGK "Gnozis". – 280 p.
4. Taupova O. I. (2005) Communicative-pragmatic variation in small format prosaic texts of modern German language [Kommunikativno-pragmatichskoe varirovaniye v maloformatnyh

prozaicheskikh tekstah sovremennogo nemetskogo yazyka]. M. Linguistics Institute. – 54 p.

5. Turlova E. V. (2009) Pragmalinguistic characteristics of small format texts: on the material of English language teaching manuals titles [Pregmalingvisticheskiye kharakteristiki maloformatnykh tekstov: na materiale nazvanii angloyazychnykh uchebno-metodicheskikh posobii]. Samara. – 21 p.

6. Chernyavskaya E. V. (2003) Intertextuality and Interdiscourse. Text– Discourse – Style. Communication in Economics. StP. – P. 23–42.

7. Rossetti, Ch. Poems for children / Ch. Rossetti, J. Kilmer, T. S. Eliot, D. Horsburgh, D. Hemans, N. Ezekiel, O. Shelley, available at <http://www.angelfire.com/md/byme/pocket/poetry1.html>.

8. Shelley, O. Poems for children / O. Shelley, J K Annand, Ch. Rossetti, J. Brough, H. Belloc, F. D. Hemans, available at <http://poemsforchildren.org/Kids-Poetry-Collections/Childrens-poem-database.htm>.

И. А. Коровина

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, ГБОУ ВПО «Оренбургская государственная медицинская академия»
e-mail: irinka.korovina@mail.ru

ПОРТФОЛИО КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ СТУДЕНТА МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

В настоящее время в нашей стране поставлена задача модернизации образования. Цель модернизации высшего образования – повышение уровня профессиональной подготовки будущих специалистов. Иностранный и латинский языки являются компонентом образовательной системы медицинского образования. Изучение данных дисциплин способствует формированию профессиональной направленности личности студента-медика.

Повышение эффективности подготовки по иностранным языкам зависит от технологии обучения будущих специалистов. Одной из современных образовательных технологий, актуальных для использования при изучении иностранных языков, позволяющих не только формировать, но и диагностировать результаты развития компетенций и формирования профессиональной направленности студента, является портфолио.

Портфолио поддерживает высокую мотивацию к обучению, формирует самооценку, повышает активность и самостоятельность студентов. В статье рассмотрены возможности применения образовательной технологии «портфолио» как средства формирования профессиональной направленности студента-медика. Представлен опыт работы с портфолио при изучении иностранных языков в ОрГМА.

Ключевые слова: иностранный язык, латинский язык, изучение иностранных языков, профессиональная направленность, портфолио.

Одной из основных тенденций Федерального государственного образовательного стандарта третьего поколения является модернизация образования. Целью модернизации высшего образования выступает повышение уровня профессиональной подготовки будущих специалистов, в частности в области медицины, и не может не затрагивать подготовку по иностранным языкам, являющуюся компонентом образовательной системы медицинского образования. Компетентностный подход в контексте модерниза-

ции является достаточно эффективным, дает возможность студенту овладеть общими компетенциями, которые обеспечивают его готовность к последующему обучению. В настоящее время важным ресурсом социального и профессионального роста специалиста медицинского профиля, средством профессионального общения и самообразования становятся иностранный и латинский языки. При изучении данных дисциплин важно не только достижение качественных результатов в овладении профессиональным обще-

нием, но и выход на иную культуру, которая в различных ее проявлениях способствует формированию личности студента-медика. Профессиональная направленность, пронизывающая весь процесс обучения, дает возможность студенту через фактологию изучаемого предмета освоить общую методологию будущей профессии [1].

Реализация компетентностного подхода ориентирована на модернизацию содержания обучения, а также на использование в учебном процессе по иностранному языку новых технологий обучения. Любая технология должна обладать средствами, которые развивают личность студента, формируют его направленность на профессию, активизируют его субъектную позицию в образовательном процессе. Профессиональную направленность личности студента-медика мы определяем как интегративное качество личности, отражающее систему учебной и профессиональной мотивации, устойчивого интереса к будущей профессиональной деятельности, ориентацию на интеллектуально-эмоциональное усвоение ценностей «Человек», «Здоровье», «Жизнь», ответственность и профессиональный долг [3].

Одной из современных образовательных технологий, актуальных для использования при изучении иностранных языков, позволяющих не только формировать, но и диагностировать результаты развития компетенций и формирования профессиональной направленности студента, является портфолио. Данная технология соответствует основным методологическим требованиям – критериям технологичности:

- концептуальность (опора на определенную научную концепцию, включающую обоснование достижения образовательных целей);
- системность (наличие признаков системы: логика процесса, взаимосвязь частей, целостность);
- управляемость (возможность диагностического целеполагания, планирования, проектирования процесса обучения, поэтапной диагностики, варьирования средств и методов с целью коррекции результатов);
- эффективность (оптимальность по затратам, гарантированность достижения определенного результата);
- воспроизводимость (возможность при-

менения педагогической технологии в разных образовательных учреждениях).

В настоящее время понятие «портфолио» активно разрабатывается в образовании такими авторами, как В. К. Загвоздкин, В. А. Девисилов, Т. Г. Новиковой, Е. С. Полат, А. С. Прутченков и др. Теоретический анализ научных источников позволил выделить особенности трактовки понятия «портфолио»: «форма аутентичного оценивания образовательных результатов по продукту, созданному в ходе учебной, творческой, социальной и других видов деятельности» (А. С. Прутченков) [4]; «технология мотивации и личностно ориентированного обучения» (В. А. Девисилов) [2]; «инструмент самооценки собственного познавательного, творческого труда обучающегося, рефлексии его собственной деятельности» (Е. С. Полат); «условие активации познавательной деятельности» (Д. Н. Исоян).

Технология «Портфолио» служит для оценки уровня компетенций в области иностранных языков, в том числе латинского, может выполнять функции стартовой оценки уровня достижений, промежуточного и итогового контроля. Данная технология позволяет учитывать результаты студентов в различных видах деятельности: учебной, исследовательской, творческой. Портфолио студента является важным элементом личностно-деятельностного, компетентностного подходов к профессиональному образованию. Основными педагогическими задачами создания портфолио при изучении иностранного и латинского языков в медицинском вузе, безусловно, являются:

- 1) поддержание высокой мотивации к обучению;
- 2) формирование умения учиться – ставить цели, планировать и организовывать собственную учебную деятельность;
- 3) вовлечение студентов в осмысление результатов обучения;
- 4) формирование адекватной самооценки, создание ситуации «успеха»;
- 5) развитие профессионально значимых качеств личности студента;
- 6) повышение активности и самостоятельности студентов, расширение возможности самообучения и самообразования.

Структуру портфолио студента медицинского вуза необходимо строить на основе нор-

мативных документов вуза, компетентностной модели выпускника, требований новых ФГОС. Разделы портфолио, отражающие формирование общекультурных и общепрофессиональных компетенций, представляют достижения и результаты по овладению студентом профессиональными знаниями, умениями и навыками по учебным дисциплинам; умение проектировать свой профессиональный рост. В портфолио могут быть включены различные продукты учебно-познавательной деятельности.

Содержание разделов отражает достижения студента в учебной деятельности при изучении иностранного и латинского языков и учебно-исследовательской деятельности в рамках студенческого научного общества за счет участия в творческих конкурсах, викторинах, олимпиадах по предмету; реализации проектов терминологического, лингво-страноведческого, профессионального направлений. Целесообразно выделить следующие разделы:

1 раздел «Самопрезентация» включает информацию студента о себе (фотография, рефлексия своей жизни и планы на будущее); отражение его взглядов на медицинскую профессию;

2 раздел «Мои достижения в изучении иностранного или латинского языка» составляют домашние работы, результаты модулей, тестирования; задания, выполненные самостоятельно сверх учебной программы; творческие работы в виде схем, грамматических таблиц, рефератов по профессионально направленной тематике, кроссвордов для предметных олимпиад, проектных и исследовательских работ, мультимедийных презентаций (включает анализ достигнутых собственных целей и целей, которые были поставлены преподавателем при изучении данной дисциплины);

3 раздел «Мои достижения в учебно-исследовательской деятельности в рамках СНО» включает наглядные пособия, изготовленные по конкретной тематике; фотографии, представленные по направлениям деятельности; аудио и видеоматериалы с выступлениями студентов на конференциях различного уровня; публикации в сборниках различных конференций; работы, имеющие интегративные связи со смежными дисциплинами; дипломы, поощрения, награды,

благодарственные письма за участие в конкурсах, олимпиадах, конференциях.

Предложенная структура портфолио позволяет акцентировать внимание на нем как на продуктивном средстве формирования необходимых компетенций и профессионально значимых качеств личности будущего врача, а в целом профессиональной направленности студента медицинского вуза.

В процессе разработки портфолио мы выделяли несколько этапов. На этапе организации студенты осмысливали цель портфолио и его статус как средства контроля и оценки их собственного развития, при этом преподаватель объяснял как можно организовать и представить результаты собственной деятельности в процессе изучения учебной дисциплины, смысл и назначение портфолио. Следующей ступенью являлось составление портфолио. Студенты собирали значимые материалы, отражающие их образовательный опыт, другие документы (грамоты, свидетельства, характеристики). На третьем этапе происходило осмысливание, размышления представлялись в виде эссе-рассуждений.

Метод портфолио дает возможность студенту проследить свои успехи в учебной деятельности по предмету, при этом развивается его интерес, повышается мотивация к учебе. Анализ собственной работы, умение объективно оценить свои возможности, увидеть способы преодоления трудностей составляют сущность рефлексии, критического мышления, развитие которых крайне необходимо в современном медицинском образовании.

Эффективность данной технологии как средства формирования профессиональной направленности студента-медика в большой степени зависит от продуктивного взаимодействия субъектов образовательного процесса. Говоря о взаимодействии педагога и обучаемого, о единстве преподавания и учения, нужно иметь в виду, что несмотря на то, что ответственность за успех деятельности студент берет на себя, при этом руководящей и управляющей стороной является педагог. Именно он воздействует на обучаемого, развивает его личность. Творческое взаимодействие преподавателя и студента в педагогическом процессе, принимая активный характер, способствует формированию

у студентов опыта совместного решения образовательных задач, развитию личности студента, его способностей, личностных качеств, ценностных ориентаций, а также созданию условий для развития готовности будущего специалиста к дальнейшему самообразованию.

Таким образом, внедрение образовательных технологий позволит студенту медицинского вуза наиболее полно раскрыть

свои личностные качества, успешно овладеть иностранным и латинским языками для комфортного существования в современном мире и в будущей профессии, сформировать способность к непрерывному самообразованию, освоению методологии получения новых знаний и умению реализовать их в последующей профессиональной деятельности, что важно для специалиста медицинского профиля.

Литература

1. Бухарина, Т. Л. Инновационные технологии в педагогическом процессе медицинского вуза // Инновационные подходы к образовательной деятельности в школе и вузе. Материалы II Межвузовской научно-практической конференции. Пермь, 2009. – С. 3–7.
2. Девисилов, В. А. Портфолио и метод проектов как педагогическая технология мотивации и личностно ориентированного обучения в высшей школе // Высшее образование сегодня. – 2009. – № 2. – С. 29–34.
3. Коровина, И. А. Модель формирования профессиональной направленности студента-медика // Вестник ОГУ. – 2012. – № 1. – С. 17–23.
4. Прутченков, А. С. Портфолио как инструмент осознания собственных целей образования / А. С. Прутченков, Т. Г. Новикова // Интернет-журнал «Эйдос». – 2007. – 22 февраля. Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2007/0222#11.htm>.

References

1. Bukharina, T. “Innovative technologies in pedagogical process of medical school” [Innovacionnyye tehnologii v pedagogicheskom protsesse meditsinskogo vuza], Materials of II Interuniversity scientific and practical conference. – P. 3–7.
2. Devisilov, V. “Portfolio and project-based learning as a pedagogical technology of motivation and personality-oriented education in higher school” [Portfolio i metod proektov kak pedagogicheskaya tehnologiya motivacii i lichnostno orientirovannogo obucheniya v vysshej shkole], Higher education today, № 2. – P. 29–34.
3. Korovina, I. “Model of professional orientation formation of a medical student” [Model’ formirovaniya professional’noy napravlennosti studenta-medika], Bulletin OSU, № 1. – P. 17–23.
4. Prutchenkov, A. “Portfolio as realization instrument of own educational goals” [Portfolio kak instrument osoznaniya sobstvennyh celej obrazovaniya], available at: <http://www.eidos.ru/journal/2007/0222#11.htm>.

Е. В. Костомарова

старший преподаватель кафедры иностранных языков,
ГБОУ ВПО «Оренбургская государственная
медицинская академия»
e-mail: elena_kost_oren@mail.ru

СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО И ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКОВ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ

В настоящей статье рассматривается проблема профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам (английскому и латинскому) студентов медицинских специальностей, которая приобретает особую актуальность в связи с возрастающей ролью иноязычного общения в профессиональной деятельности современных специалистов. Основной задачей дисциплин «Латинский язык» и «Иностранный язык» в медицинском вузе является формирование у студентов-медиков умения использовать язык как средство профессионального общения и самообразования.

В процессе изучения данных дисциплин формируется способность и готовность анализировать социально-значимые проблемы, использовать на практике методы гуманитарных, естественно-научных, медико-биологических и клинических наук в различных видах профессиональной и социальной деятельности. Латинский язык, как и иностранный, являются неисчерпаемым источником развития культурного и профессионального кругозора студента-медика.

Ключевые слова: иностранный язык, латинский язык, профессионально-ориентированное обучение, компетентностный подход, инновационные методы обучения.

Стремительное развитие научных и практических направлений современной медицины, внедрение инновационных методов исследования и лечения предъявляют высокие требования к подготовке специалиста-медика, что в свою очередь вызывает необходимость совершенствования образовательного процесса высшей медицинской школы, развитие новых педагогических технологий, усиление инновационных подходов и, как следствие, улучшение качества медицинского образования.

Основной целью современного высшего профессионального образования является подготовка специалиста, компетентного в сфере своей профессиональной деятельности, способного к эффективной работе по специальности на уровне мировых стандар-

тов, непрерывному самосовершенствованию и саморазвитию [1].

Главной задачей дисциплин «Латинский язык и основы медицинской терминологии» и «Иностранный язык» в медицинском вузе является формирование у студентов-медиков умения использовать язык как средство профессионального общения и самообразования. Согласно федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) третьего поколения по медицинским специальностям обе учебные дисциплины («Латинский язык» и «Иностранный язык») нацелены на формирование общекультурных и профессиональных компетенций. Так, в процессе изучения данных дисциплин формируется способность и готовность ана-

лизировать социально-значимые проблемы и процессы, использовать на практике методы гуманитарных, естественно-научных, медико-биологических и клинических наук в различных видах профессиональной и социальной деятельности. Латинский язык, как и иностранный, являются неисчерпаемым источником развития культурного и профессионального кругозора.

В соответствии с ФГОС ВПО вузовский курс иностранного языка носит коммуникативно-ориентированный (*General English*) и профессионально-направленный характер (*English for Specific Purposes*). Иностранный язык для медиков – это возможность работать, учиться, стажироваться за рубежом, участвовать в международных научных проектах и конференциях, использовать зарубежные источники информации по специальности, публиковать результаты своих исследований в зарубежных изданиях, устанавливать деловые и личностные контакты.

Латинский язык является основой профессионального терминологического и понятийного языка врачей. Знание латинского языка и основ медицинской терминологии необходимо для формирования необходимой базы знаний и умений, для овладения огромной и многопрофильной медицинской терминологией, что будет востребовано на последующих курсах в ходе изучения специальных дисциплин. Кроме того, знание медицинских терминов греко-латинского происхождения и основ латинской грамматики существенным образом облегчает студентам чтение и понимание специальной литературы на многих иностранных языках, а также изучение самих этих языков. Таким образом, дисциплина важна и для научной работы, и для профессиональной деятельности выпускника.

В образовательной программе по дисциплине «Иностранный язык» сформулированы цели изучения иностранного языка: «профессионально-ориентированное обучение иностранному языку будущих врачей, формирование основ иноязычной компетенции, необходимой для профессиональной межкультурной коммуникации, овладение, прежде всего, письменными формами общения на иностранном языке как средством информационной деятельности и дальнейшего самообразования».

Цель изучения латинского языка – «заложить основы терминологической подготовки будущих специалистов, научить студентов сознательно и грамотно применять медицинские термины на латинском языке, а также термины греко-латинского происхождения на русском языке».

По мнению Т. В. Ежовой, современное образование требует обновления его содержания, стереотипов мышления, форм и методов обучения во избежание возможного сужения его смыслов и ценностей до социально-прикладного контекста [2]. Традиционно выделяются четыре основных компонента содержания образования: опыт познавательной деятельности, фиксированный в форме её результатов – знаний; опыт осуществления известных способов деятельности в форме умений действовать по образцу; опыт творческой деятельности в форме умений принимать нестандартные решения в проблемных ситуациях; опыт осуществления эмоционально-ценностных отношений в форме личностных ориентаций.

Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку в медицинском вузе требует нового подхода к отбору содержания, речь идёт об интегрировании иностранного языка со специальными предметами естественно-научного и медико-биологического цикла (в медицинском вузе такими предметами являются анатомия человека, биология, нормальная физиология, микробиология и вирусология, фармакология и др.) и использовании иноязычной литературы при их изучении и выработки навыка чтения специальной литературы на иностранном языке. Обучение языкам должно быть ориентировано на последние достижения в области медицины и смежных с ней наук, своевременно отражать научные достижения в сферах, непосредственно затрагивающих профессиональные интересы обучающихся, предоставлять им возможность для профессионального роста.

Иностранный язык способствует развитию коммуникативной, социокультурной, информационной и других компетентностей как ни одна другая учебная дисциплина. Тем не менее, противоречие между стремительно возрастающими требованиями к подготовке современных компетентных специалистов и сложившимися в силу объективных

причин условиями обучения иностранному языку в неязыковом вузе ведет к тому, что коммуникативный компонент в структуре базовых компетенций не получает своего должного развития.

Выявлен ряд факторов, усложняющих решение организационных и методических проблем в системе обучения иностранному языку в неязыковом вузе, к которым относятся: слабая довузовская подготовка студентов, сокращение часов на гуманитарные циклы в вузовских стандартах образования, редукция содержания образования до его модульного представления на уровне отдельных профессиональных знаний, умений, навыков; уменьшение доли человеческого общения по мере компьютеризации процесса обучения; недостаточное использование преподавателями инновационных форм, методов и средств обучения, недостаточная психологическая готовность студента и преподавателя к осуществлению диалогического взаимодействия на основе ценностно-смыслового равенства; несогласованность целей в цепочках «преподаватель – студент», «преподаватель – коллективный субъект», «студент – коллективный субъект» [2].

В целях реализации компетентностного подхода на кафедре иностранных языков Оренбургской государственной медицинской академии (ОрГМА) перед преподавателями стоят задачи по совершенствованию научно-методического обеспечения учебного процесса, а также по формированию профессиональной направленности личности студента.

В учебный процесс кафедры внедрены научные разработки, представленные в виде комплекса учебных пособий «Английский язык для специальных целей»: «A GUIDE IN ENGLISH FOR MEDICAL STUDENTS» (Руководство по английскому языку для студентов-медиков), «A GLIMPSE OF PHARMACY» (Part I, II). Учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности – 060108 – «Фармация». Указанные учебно-методические пособия получили гриф УМО, построены на принципах интегрированного обучения, включают аутентичные тексты по специальности (аутентичные материалы – это материалы, взятые из оригинальных источников, которые характеризуются естественностью лексического наполнения

и грамматических форм, ситуативной адекватностью используемых языковых средств, иллюстрируют случаи аутентичного словоупотребления), а также тексты образовательного и культурологического характера. Комплекс предтекстовых и послетекстовых заданий и упражнений направлен на усвоение медицинской и фармацевтической лексики и терминологии, тренировку отдельных грамматических структур и развитие навыков говорения на иностранном языке. Основной задачей является формирование у студентов умения использовать английский язык как средство профессионального общения и самообразования, что предполагает овладение, прежде всего, навыками извлечения и обработки информации из иноязычных источников (чтение, перевод, аннотирование и реферирование медицинской литературы), а также устными коммуникативными навыками, необходимыми для обсуждения медицинских тем с иностранными коллегами. Вышеперечисленные пособия отмечены премией губернатора Оренбургской области в сфере науки и техники за 2008 и 2011 гг.

Интерес представляет билингвальный подход при работе с иностранными профессионально направленными текстами, разработанный Т. Л. Бухариной и представителями ее научной школы [3]. Принцип интегрированного обучения иностранному и латинскому языкам в медицинском вузе способствует более четкому представлению у студента места и роли данных предметов в образовательном процессе. При изучении иностранного (английского) языка студентам часто приходится прибегать к знаниям латыни, так как 60% лексики английского языка – слова латинского происхождения.

Преподаватели кафедры сочетают в своей работе традиционные (практическое занятие, семинар) и инновационные формы обучения (занятие-дискуссия, занятие-конференция), которые обеспечивают учет индивидуальных особенностей, интересов и способностей, а также используют активные (ролевые и деловые игры) и интерактивные методы обучения (методы «проектов», «мозговой штурм», «погружения», «аналитического интервью», «информационного поиска», «наводящих вопросов», «кейс-стади» и др.) [4].

Таким образом, несмотря на существующие трудности, преподаватели кафедры иностранных языков ОрГМА активно внедряют в практику преподавания инновационные технологии для активизации учебной

деятельности, повышения ее эффективности и качества, развития самостоятельной работы студентов, а также расширения сферы их деятельности в профессиональной области.

Литература:

1. Бондарева, Е. В. Профессиональная компетентность специалиста в условиях становления информационного общества [Текст] // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Университетское образование. – 2003. – № 6. – С. 44–48.
2. Ежова, Т. В. Проектирование педагогического дискурса: методология, теория, практика [Текст] / Т. В. Ежова. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2008. – 320 с.
3. Бухарина, Т. Л. Руководство по формированию профессиональной направленности студента медика в условиях билингвизма / Т. Л. Бухарина, Е. А. Иванова, Т. В. Михина, С. Г. Заболотная, И. А. Коровина. – Екатеринбург: УрО РАН, 2006. – 242 с.
4. Коровина, И. А. Некоторые подходы к формированию профессиональной направленности студента при изучении латинского и иностранных языков в медицинском вузе [Текст] / И. А. Коровина // Международная коммуникация: вопросы теории и практики: материалы междунар. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых. – Курск, 2010. – С. 142–145.

References

1. Dondareva, E. (2003), "Professional competence of a specialist in conditions of formation of information society" [Professional'naia kompetentnost' spetsialista v usloviakh stanovleniia informatsionnogo obshchestva], Bulletin of the Volgograd State University. University education, № 6. – P. 44–48.
2. Ezhova, T. (2008) "Design of a pedagogical discourse: methodology, theory, practice" [Proektirovanie pedagogicheskogo diskursa: metodologiya, teoriya, praktika], Vlados, Moscow. – P. 320.
3. Bukharina, T. (2006) "The guide to formation of a medical student professional orientation in the conditions of a bilingualism" [Rukovodstvo po formirovaniyu professional'noi napravlenosti studenta medika v usloviakh bilingvizma], UrO RAN, Ekaterinburg. – P. 242.
4. Korovina, I. (2010) "Some approaches to professional orientation formation of the student when studying Latin and foreign languages in medical school" [Nekotorye podkhody k formirovaniyu professional'noi napravlenosti studenta pri izuchenii latinskogo i inostrannykh iazykov v meditsinskom vuze], International Scientific conference "International communication: theory and practice questions", Kursk. – P. 142–145.

А. И. Летин

аспирант, Московский государственный университет
им. Шолохова
e-mail: walterdolnezz@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ ЯЗЫКОВОГО ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПРОЦЕССУ ВОСПИТАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ ОСНОВНОГО ЭТАПА ОБУЧЕНИЯ

Москва – полиэтничный мегаполис и современному педагогу нужно принимать во внимание этнокультурный фактор и развивать поликультурную личность учащегося и его социокультурную компетенцию. Важно, чтобы обучение коммуникации между культурами на уроках иностранного языка происходило с помощью соизучения родного и иностранного языков, тем самым подготавливая учащегося к реальному диалогу культур.

Исследование показало, что русские школьники в большинстве своем этнически нетерпимы, так как в образовательных учреждениях мало внимания уделяется этнокультурному компоненту. Исходя из этого были выделены основные компоненты, что составляют лингвоэтнокультурное пространство современного мегаполиса.

Таким образом, в статье выявлены главные задачи поликультурного образования, становление этнической идентификации и формирование национального сознания школьников, с одной стороны, оптимизация развития у них умений и навыков межнационального общения в условиях социокультурной адаптации, с другой.

Ключевые слова: мегаполис, полиэтничность, школа, диалог культур, соизучение культур, социокультурная компетенция, поликультурное воспитание.

Мы живем в одном из самых крупных городов России – мегаполисе Москва. Термин мегаполис происходит от названия древнегреческого города Мегалополь, возникшего в результате слияния приблизительно 36 поселений Аркадии. Москва имеет ярко выраженные черты мегаполиса – линейный характер застройки и общую полицентричную структуру [1]. Оставаясь русским городом, столица РФ всегда была полиэтничным мегаполисом, где всегда проживали представители разных национальностей.

Соответственно современный педагог столичного образовательного учреждения должен принимать во внимание этнокультурный фактор и создавать условия для познания культуры других народов, обращать

свое внимание на языковые особенности, культурные ценности, сложившиеся стереотипы и национальный менталитет. С 2012 года растут миграции населения из бывших стран СНГ. Российский учёный О. Д. Воробьева в своих работах пишет, что миграция населения – это «любое территориальное перемещение населения, связанное с пересечением как внешних, так и внутренних границ административно-территориальных образований с целью смены постоянного места жительства или временного пребывания на территории для осуществления учёбы или трудовой деятельности независимо от того, под преобладающим воздействием каких факторов оно происходит – притягивающих или выталкивающих» [2]. Эти процес-

сы приводят к изменениям половозрастной и социальной структуры населения в городе. Сейчас сильно сократилась доля русских и растут националистические настроения.

Л. С. Миллер считает, что поликультурное образование можно определить как процесс освоения человеком многообразия различных типов культур (расового, этнического, социального, гендерного, религиозного) в целях духовного обогащения, формирования готовности и умения жить в поликультурной среде, представленной системой общечеловеческих и культурных ценностей, где каждый ее участник в диалоговом общении сохраняет и утверждает культурную идентичность и проявляет готовность осуществить «обмен» культурами, ценностями, смыслами, творчеством [3]. Проблема поликультурного воспитания ориентирована на социализацию личности в многонациональной среде. Социально-духовное предназначение поликультурного воспитания состоит в предотвращении неуважительного, нетерпимого отношения к национальным и религиозным чувствам, традициям и обычаям разных народов. Поликультурная личность представляет собой субъект межличностных и общественных отношений, который может вести диалог с представителями различных культур и открывает возможности для сотрудничества и взаимопонимания. Л. Р. Садыкова пишет, что содержание поликультурного воспитания строится вокруг следующих ориентиров [4]:

- социокультурной идентификации личности;
- освоения системы понятий и представлений о поликультурной среде;
- воспитания положительного отношения к культурному окружению;
- развития навыков социального общения.

Принцип диалога культур является основополагающим среди других средств языкового образования, так как подразумевает под собой развитие у учащихся культуры представления родной культуры с помощью иностранного языка и наоборот. При этом, если понимать под культурой «диалог, обмен мнениями и опытом, постижение ценностей и традиций других» [5], то диалог культур в обществе, как отмечают многие мыслители, – это сознательно избираемая позиция, позволяющая противостоять всем формам

неравноправных отношений между культурами. Потенциальный участник такого диалога должен обладать высоким уровнем профессиональной квалификации и культуры, быть психологически готовым к общению с людьми, имеющими другие взгляды, стиль и образ жизни, уметь понять суть конфликта и уладить его, иметь высокий уровень общения, речевой такт [6]. В. В. Сафонова первая обратила внимание на необходимость многоаспектного социокультурного образования (общекультурного, страноведческого, коммуникативно-прагматического, социолингвистического, лингвострановедческого) для взаимопонимания между различными культурами путем их взаимного изучения друг друга. Ю. Н. Караулов, автор теории языковой личности, в своем труде говорит о том, что языковая картина мира осваивается языком и проецирует себя в этот мир, обогащая этим и себя, и общественное сознание [7]. В результате, происходит подлинный диалог культур, и его субъект получает совокупность знаний о своей и чужой культуре. Диалог как тип взаимоотношений между культурами наибольшую известность приобрел после литературной критики М. М. Бахтина и ее анализе российским философом В. С. Библером. Бахтин и Библер считают что культура – сосредоточение «всех иных смыслов человеческого бытия», где под «иными» подразумеваются социальные, эмоциональные, нравственные, эстетические, духовные и логические, а их корень и основание и есть диалог. Можно представить схему, где обучение иностранному языку будет выглядеть наподобие расширяющегося хвоста кометы:

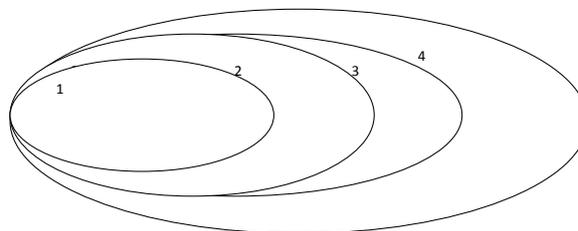

Рис. 1. Принцип расширяющегося круга культур и цивилизаций в иноязычной среде: 1 – региональная культура, 2 – российская культура, 3 – культура страны изучаемого языка, 4 – мировая культура

В схеме ярко отражено, что в современном обществе представители культур стран родного и изучаемого языков находятся в единовременной плоскости.

М. С. Каган в своем философском изучении мира общения выделяет три типа взаимоотношений между культурами:

1) полноценный равноправный диалог – диалог, построенный на взаимоуважении участвующих в контакте культур, в котором имеет место обмен смыслами и равнозначная репрезентативность культур с целью их взаимообогащения, взаиморазвития и взаимообновления.

2) утилитарное отношение одной культуры к другой, когда одна из культур навязывает свою систему ценностей, значений и норм другой. В этом случае не происходит полноценного взаимообмена, взаиморазвития и взаимообновления. Именно так можно представить процесс аккультурации, в результате чего многие культуры теряют свою самобытность, уникальность и добровольно присоединяются к доминирующей культуре.

3) псевдиалог, или полное неприятие одной культуры другой. Это возможно только при сознательной, целенаправленной позиции изоляционизма. В результате такого шовинизма в обществе возникают и существуют обособленные, сконцентрированные на себе, эгоцентрически настроенные (культурные) группы, не желающие контактировать с другими, якобы «неполноценными», «низшими», «некультурными» [8].

Следовательно, лингвоэтнокультурное пространство в условиях мегаполиса – это социальное пространство, представители которого обладают различными культурными ценностями, принадлежат к различным этническим группам и разговаривают на разных языках, таким образом, главная его характеристика – полилингвоэтничность.

Важно понять процесс превращения диалога культур в философию жизни, как одну из целей при обучении иностранному языку, для воспитания школьников бесконфликтных, мирных при разрешении кросскультурных пробелов и столкновений, неизбежных в реальной межкультурной коммуникации. Г. Д. Дмитриев пишет: «У всех и каждого есть культура как стиль жизни, как совокупность менталитета, традиций, аргументов, акцента, диалекта, стиля одежды и прически, кухни,

правил поведения, песен, напевов, сказаний, литературы, символов, физических данных, отношений, нравственных и эстетических ценностей, образования, трудовых навыков, веры, только она, культура, разная» [9]. Коммуникация между культурами может быть квалифицирована как обучение в контексте диалога культур только в том случае, если в результате сравнения и сопоставления школьники смогут:

1) видеть не только различия, но и сходство в соизучаемых культурах;

2) воспринимать различия как норму сосуществования культур в современном поликультурном мире;

3) формировать активную жизненную позицию, направленную против культурного неравенства, культурной дискриминации и культурного вандализма, процветающих в современном поликультурном мире.

Подобная коммуникация между культурами – это процесс гуманистически целенаправленного, осознанного, ориентированного и систематического познания родной культуры и страны изучаемого языка на уроках иностранного языка. Такое «соизучение» обращается к личности субъекта обучения, к его опыту общения с иными культурами в рамках родной культуры.

В. В. Сафонова считает, что подготовка к диалогу культур в основной школе должна включать:

- изучение родной и неродной культур;
- изучение национально-культурной специфики речевой коммуникации и обогащение фоновых знаний о родной и иностранной культурах;
- ориентировку на готовность к общению в инокультурной среде;
- понимание поведения носителей изучаемого языка [6].

На основе подобной подготовки, согласно Федеральным государственным образовательным стандартам второго поколения, школьник должен уметь:

- сравнивать и адекватно оценивать культурно-исторические реалии родной страны и страны изучаемого языка;
- при необходимости объяснять особенности моделей поведения в своей стране представителям страны изучаемого языка;
- давать адекватную информацию о культуре и особенностях своей страны;

- предотвращать появление отрицательных эмоций и избегать возникновения агрессии на почве различия культур, отторжения иностранных культур [10].

С. В. Беляева в своей работе обозревает процесс обучения иностранному языку со стороны языковой картины мира, которая является объединением представлений о человеке и окружающей его реальности. Эта совокупность находит отражение в языке, при овладении которым необходимо:

- предпринять попытку описать ту реальную картину мира, которая опосредует определенные акты человеческого мировосприятия и миропредставления и которая лежит в основе актов миропонимания;
- выявить специфику отражения определенным народом реальной картины мира;
- описать особенности языкового (речевого) выражения той специфики отражения модели мира, которая присуща данному народу [11].

В контексте соизучения культур стран иностранного и родного языков можно выдвинуть еще ряд требований к умениям современного школьника:

- выявлять общие черты отражения народами существующей картины мира, а не только ее специфику;
- показывать сравнительную характеристику картин мира родного и изучаемого языка;
- сопоставлять особенности языкового выражения специфики отражения моделей мира в родном и иностранном языках.

Итак, социокультурная компетенция школьников формируется прежде всего путем соизучения культур стран родного и иностранного языка. С. В. Беляева определяет ее как «знание культурных особенностей носителей языка, их привычек, традиций, норм поведения, в том числе и речевого, и умение понимать и использовать их в процессе общения» [11].

Социокультурная компетенция включает три блока знаний: лингвострановедческие знания, социально-психологические знания, культурологические знания.

Лингвострановедческие знания – знания лексических единиц с национально-культурной семантикой и умениях их применять в ситуациях межкультурного общения. Отражением менталитета народа страны

изучаемого языка являются национальные пословицы и поговорки, предоставляющие учащимся возможность судить о правилах и принципах общения народа, о ценностях, о приоритетах, о верности слову.

Социально-психологические знания – владение социокультурно-обусловленными сценариями, национально-специфическими моделями поведения с использованием коммуникативной лексики, принятой в данной культуре.

Культурологические знания – знания социокультурного, историко-культурного, этнокультурного фона и умения использовать их для достижения взаимопонимания с носителями данной культуры [12].

Немаловажную роль в формировании у обучаемых социокультурной картины страны изучаемого языка играет социокультурный фон родного окружения обучаемых. Следовательно, использование родного языка и культуроведческого материала о родной культуре на уроках по иностранному языку способствует формированию целостных представлений об изучаемых культурах, помогает избежать ложных стереотипов и обобщений [13].

В современной России огромное разнообразие национальных и региональных моделей образования, типов школ и программ в них. При всем их количестве, для русских школьников существует очень малое количество образовательных учреждений с этнокультурным компонентом. По заказу Общественной палаты Российской Федерации «Агентством социальных технологий «Политех» при участии Института этнологии и антропологии РАН было проведено социологическое исследование, целью которого было изучение причин этнической нетерпимости. Ученые пришли к выводу, что этническая образованность подростков основывается на информации, полученной из газет, телевидения, радио и стереотипах. Им никто не предоставляет ресурсы, где описаны положительные качества национальностей из бывшего СНГ и о исторических факторах, повлиявших на мирное сожительство с «чуждыми» народами. Стоит обратить внимание на то, что большое значение имеет не то, что знают учащиеся, а какие умения эффективного межкультурного взаимодействия они сформировали в процессе соизуче-

ния языков и культур, чтобы быть готовым к взаимодействию с полилингвальным и поликультурным миром.

Поликультурное воспитание в основной школе должно состоять из следующих пунктов:

- воспитание человеческого достоинства и высоких нравственных качеств;
- воспитание для сосуществования социальных групп различных рас, религий, этносов;
- воспитание толерантности, готовности к взаимному сотрудничеству.

К функциям поликультурного воспитания можно отнести:

- формирование представлений о многообразии культур и их взаимосвязи;
- осознание важности культурного многообразия для самореализации личности;
- воспитание позитивного отношения к культурным различиям;
- развитие умений и навыков взаимодействия носителей разных культур на основе толерантности и взаимопонимания.

Все эти пункты строятся на прочной основе из развития следующих навыков:

- развития навыков социального общения;
- социокультурной идентификации личности освоения системы понятий и представлений о поликультурной среде;

- воспитания положительного отношения к культурному окружению.

Подводя итоги, хотелось бы выделить основные компоненты, что составляют лингвоэтнокультурное пространство в условиях нашего мегаполиса:

- поликультурный, многонациональный коллектив учащихся;
- кросскультурный характер педагогического процесса;
- социокультурная среда образовательного учреждения.

В условиях интенсивных миграций и взаимодействия культур, современная система образования призвана создавать условия для формирования человека, способного к активной жизнедеятельности в многонациональной поликультурной среде. Итак, поликультурное образование призвано, с одной стороны, способствовать становлению этнической идентификации и формированию национального самосознания школьников, а с другой, оптимизировать развитие у них умений и навыков межнационального общения в условиях социокультурной адаптации, что способствует становлению готовности обучающихся активно сотрудничать с представителями различных культурных сообществ в рамках современного поликультурного пространства мегаполиса.

Литература

1. Райзберг, Лозовский, Стародубцева, 1999/ Современный экономический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/88>.
2. Воробьева О. Д. Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики // Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации [Текст] / Аналитический сборник Совета Федерации ФС РФ – 2003. – № 9 (202). – С. 35.
3. Миллер Л. С. Развитие гуманистического мировоззрения студентов в процессе поликультурного образования [Текст] / Автореферат дисс. ... канд. пед. наук – Владикавказ, 2008. – С. 12.
4. Садыкова Л. Р. Поликультурное воспитание: принципы, функции, содержание, способы / [Текст] / Вестник ТИСБИ, № 2, 2005.
5. Декларация Мехико по политике в области культуры, [Текст] 1984. – С. 78–79.
6. Сафонова В. В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. [Текст] / Воронеж: ИСТОКИ, 1996. – С. 161–169.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. [Текст] / М., 1987. – С. 3.
8. Каган М. С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. [Текст] М.: Политиздат, 1988. – 319 с.
9. Дмитриев Г. Д. Многокультурное образование. [Текст]. М: Нар. Образование, 1999.
10. Федеральный государственный образовательный стандарт второго поколения

ния (ФГОС-II). / 2010 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/документы/543>.

11. Беляева С. В. Система взаимосвязанного обучения иностранному языку и соответствующей культуре студентов 2 курса языкового вуза (на примере французского языка): [Текст]. ...канд. пед. наук. Барнаул, 2007. – С. 16–29, 38.

12. Веденина Л. Г. Теория межкультурной коммуникации и значение слова // Иностранные языки в школе, 2000. – № 5.

13. Сафонова В. В. Социокультурный подход к обучению иностранным языкам. – М.: Высшая школа, Амскорт интернэшнл, 1991.

References

1. Rajzberg, Lozovskij, Starodubceva, 1999 Modern Economic Dictionary [Sovremennyy ekonomicheskij slovar’], available at <http://vocabulary.ru/dictionary/88>.

2. Vorob’eva O. D. Migratsionnye protsessy naseleniya: voprosy teorii i gosudarstvennoy migratsionnoy politiki // Problemy pravovogo regulirovaniya migratsionnykh protsessov na territorii Rossiyskoy Federatsii [Tekst] / Analiticheskiy sbornik Soveta Federatsii FS RF – 2003. – № 9 (202). – S. 35.

3. Miller L. S. Razvitie gumanisticheskogo mirovozzreniya studentov v protsesse polikul’turnogo obrazovaniya [Tekst] / Avtoreferat diss. ... kand. ped. nauk – Vladikavkaz, 2008. – S. 12.

4. Sadykova L. R. Polikul’turnoe vospitanie: printsipy, funktsii, sodержanie, sposoby / [Tekst] / Vestnik TISBI, № 2, 2005.

5. Deklaratsiya Meksiko po politike v oblasti kul’tury, [Tekst] 1984. – S. 78–79.

6. Safonova V. V. Izuchenie yazykov mezhdunarodnogo obshcheniya v kontekste dialoga kul’tur i tsivilizatsiy. [Tekst] / Voronezh: ISTOKI, 1996.S. 161–169.

7. Karaulov Yu.N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost’. [Tekst] / M., 1987. – S. 3.

8. Kagan M. S. K12 Mir obshcheniya: Problema mezhsob’ektnykh otnosheniy. [Tekst] M.: Politizdat, 1988. – 319 s.

9. Dmitriev G. D. Mnogokul’turnoe obrazovanie. [Tekst]. M: Nar. Obrazovanie, 1999.

10. Federal’nyy gosudarstvennyy obrazovatel’nyy standart vtorogo pokoleniya (FGOS-II). / 2010 [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: <http://minobrnauki.rf/dokumenty/543>.

11. Belyaeva S. V. Sistema vzaimosvyazannogo obucheniya inostrannomu yazyku i sootvetstvuyushchey kul’ture studentov 2 kursa yazykovogo vuza (na primere frantsuzskogo yazyka): [Tekst]. ...kand.ped.nauk. Barnaul, 2007. – S. 16–29, 38.

12. Vedenina L. G. Teoriya mezhkul’turnoy kommunikatsii i znachenie slova//Inostrannye yazyki v shkole, 2000. – № 5.

13. Safonova V. V. Sotsiokul’turnyy podkhod k obucheniyu inostrannym yazykam. – M.: Vysshaya shkola, Amskort interneshnl, 1991.

Л. В. Мосиенко

доктор педагогических наук, доцент кафедры романской
филологии и методики преподавания французского языка,
ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный университет»
e-mail: lvmosienko@yandex.ru

КОММУНИКАТИВНО-ЦЕННОСТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ

В статье уточняется понятие «образовательные технологии» с позиции аксиологического подхода. В контексте преподавания иностранных языков по своему содержанию наполнению и способу реализации они являются коммуникативно-ценностными, так как интенсифицируют коммуникацию представлять свои взгляды, присваивать ценности; способствуют ценностному самоопределению студентов. Автором определены признаки коммуникативно-ценностных технологий. В описании опыта использования коммуникативно-ценностных технологий в преподавании французского языка автор делает акцент на таких образовательных технологиях, как игровые технологии, дискуссии, французские мастерские.

Ключевые слова: аксиология образования, коммуникативно-ценностные технологии, обучение иностранным языкам.

Процессы обновления в сфере обучения иностранным языкам определили необходимость решения важной в современной ситуации проблемы интерактивного взаимодействия. Приобретение социальных навыков, усвоение этических принципов и ценностей, формирование опыта коммуникативной деятельности и анализа процессов взаимодействия, развитие способностей к творческому поиску решений, актуализация личного опыта происходят в университетском образовательном пространстве, что неизбежно влечет изменения в выборе целей, методов, средств обучения иностранным языкам, определяет необходимость совершенствования моделей поведения и деятельности участников педагогического процесса [5]. Соответствуют данным постулатам широко используемые в педагогической практике интерактивные технологии, которые по своему содержанию наполнению и способу реализации являются коммуникативно-ценностными, так как интенсифицируют взаимодействие, коммуникацию с другими людьми; откры-

вают новые пространства организации; допускают использование любых методов и приемов, нацеленных на формирование инновационного стиля мышления, овладение новым знанием; позволяют развивать групповое самосознание, а также представлять и распространять свои взгляды; присваивать ценности; способствуют ценностному самоопределению студентов. Данные технологии развиваются в рамках педагогики сотрудничества, которая провозглашает такие принципы, как: человек находится в активно-деятельном отношении к миру и самому себе; активность субъекта выступает в высшем своем творческом проявлении, когда субъект поднимается до становления самого себя; идея деятельного становления призвания человека.

С целью более точного определения коммуникативно-ценностных технологий уточним понятие «образовательные технологии», которые в работах В. Беспалько, Б. Блума, В. Журавлева, М. Кларина, Г. Моревой, В. Монахова, М. Чошанова трактуют-

ся как процессуальная часть системы обучения, связанная с дидактическими процессами, средствами и организационными формами обучения. Именно эта часть системы обучения отвечает на традиционный вопрос «как учить» и более точно «как учить результативно». Предпринимаются также попытки подобного определения «образовательной технологии» как системы или системного метода (В. И. Андреев, М. В. Кларин, И. А. Колесникова, ЮНЕСКО). Например, по определению И. А. Колесниковой, технология в образовании – это осознанная, практически освоенная система целенаправленных операций, объективно дающая в рамках заданных условий проектируемый результат, независимо от индивидуальных особенностей субъектов, которые ее используют. Наиболее полное толкование педагогических технологий встречаем у В. И. Андреева: «Педагогическая технология, в том числе и технология обучения – это система проектирования и практического применения адекватных данной технологии педагогических закономерностей, целей, принципов, содержания, форм, методов и средств обучения и воспитания, гарантирующих достаточно высокий уровень их эффективности, в том числе при последующем воспроизведении и тиражировании» [1, 219]. Отличительной характеристикой образовательных технологий, отраженной в определениях М. И. Махмутова, Л. М. Фридмана, является алгоритм (алгоритмизация) взаимодействия преподавателя и учащихся, гарантирующий достижение поставленной цели на основе проектирования всех учебных ситуаций.

Из всего многообразия технологий, о чем свидетельствуют многочисленные классификации, считаем наиболее адекватными, эффективными коммуникативно-ценностные технологии, так как их применение в практике обучения иностранным языкам позволяет разнообразить занятия, сделать их более интересными и запоминающимися, максимально приблизить ситуацию на занятии к ситуации реального общения, дает новый импульс проблемному обучению.

Коммуникативно-ценностные технологии обладают следующими признаками:

– коммуникативно-ценностные технологии являются технологиями трансляции знаний, ценностей;

– в основе коммуникативно-ценностных технологий – педагогический замысел как методологическая, ценностная, философская позиция автора-организатора;

– коммуникативно-ценностные технологии предусматривают воспроизведение технологической цепочки педагогических действий, коммуникаций в соответствии с целевыми установками, имеющими форму конкретного ожидаемого результата;

– коммуникативно-ценностные технологии могут быть воспроизводимы любыми преподавателями, в любом образовательном пространстве, гарантировать достижение планируемых результатов всеми обучаемыми;

– коммуникативно-ценностные технологии позволяют осуществлять взаимосвязанную деятельность преподавателя и студента с учетом принципов индивидуализации и дифференциации, эффективной реализации человеческих, технических возможностей, диалогического общения;

– коммуникативно-ценностные технологии предусматривают диагностические процедуры, содержащие критерии, показатели измерения результатов.

Целями занятий иностранного языка с использованием коммуникативно-ценностных технологий являются, во-первых, развитие спонтанной творческой речи студентов, характеризующейся различными приемами аргументации, формами изложения мысли, такими как анализ, синтез, сравнение, обобщение на иностранном языке, во-вторых, развитие навыков общения, осуществляющееся в условиях действительно реального общения.

В ходе опытно-экспериментальной работы мы обращались к таким образовательным технологиям как игровые технологии, дискуссии, французские мастерские.

При организации игр в обучении французскому языку мы опирались на определение А. В. Соколова, который трактует их как творческое духовное общение независимых субъектов, осуществляемое в рамках добровольно принятых или условных правил и обладающее этической и эстетической привлекательностью. Нами использовались игры в рамках словесной (вербальной) коммуникации, такие как языковые игры, и игры, сочетающие словесную и несловесную ком-

муникацию, например, драматическое представление.

Игровые занятия были связаны с созданием, хранением, распространением и освоением смыслов, то есть представляли собой творческую, коммуникативную, коллективную деятельность. При организации игр мы придерживались следующих принципов:

– игры выполняют творческо-коммуникативную миссию создания и передачи общественно признанных смыслов в социальном пространстве и времени игры;

– целью игры является выигрыш, который может иметь морально-эмоциональный или материальный характер;

– достижение выигрыша требует новаторских решений от игроков, поэтому игру квалифицируем как творческую продуктивную деятельность. В процессе игры не только передаются, но и создаются новые смыслы;

– демонстративное инобытие игры обусловливается замкнутостью игрового пространства (учебная аудитория, сцена, подиум); регламентированием времени — устанавливаются начало и конец игры; использование костюмов, паролей, масок; обособлением игроков, ограниченностью их круга посвященными в «тайну» игры; незыблемостью добровольно принятых правил;

– так как всякая игра есть свободная деятельность, то благодаря свободе, творческой обстановке, гармонической упорядоченности, отрыву от повседневности, привычности игра создает временное, ограниченное совершенство в хаосе повседневной жизни. Она удовлетворяет эстетическую потребность студентов;

– игра представляет собой непредсказуемое, но справедливое испытание упорства, находчивости, интеллекта, обаяния, эрудиции игроков, и тем самым удовлетворяет этическую потребность;

– игра является двусторонней, если между игроками существуют субъект-субъектные отношения, характеризующиеся непринужденностью, заинтересованностью, готовностью соблюдать правила игры.

Игровые ситуации, на наш взгляд, хорошо коррелируют с формами коммуникативных действий. Этот вывод подтверждают типы игр, которые мы использовали на занятиях:

– игра-маскарад, заключающаяся в том,

чтобы скрыть намерения, состояние играющего субъекта, его личность;

– игра-иллюзия, в основе которой – фольклорное, литературное творчество, компьютерные игры с уходом в виртуальные миры в поисках себя, связи с другими, миром;

– игра-разгадка заключается в познании, раскрытии сущности человека, события, загадочного объекта, требует проявления догадливости, эрудиции, интуиции;

– игра-состязание представляет собой двустороннюю игру, субъект-субъектный диалог, суть которого состоит в борьбе с целью добиться победы, доказать свое превосходство.

Ролевые игры проводились нами как итоговые занятия после прохождения материала. Нам важно было реализовать в ситуациях общения языковые умения и навыки по определенной теме: умение донести не только информацию, но и позицию; умение аргументировать свою точку зрения; умение убеждать и переубеждать; умение реагировать на реплики; грамотно подавать межличностную обратную связь; умение парировать реплики; умение вступать в разговор; умение завершать выступление.

В качестве примера ролевых игр можно привести разработанные нами задания. На начальном этапе мы предлагали «канву» – опору для проведения игры с подробно описанными действиями, которые необходимо было облачить в вербальную форму.

Canevas de jeux de rôles

Deux jeunes gens A et B discutent. A est bien chez ses parents. B n'est pas bien.

B dit qu'il en a marre d'habiter chez ses parents.

A demande ce qui ne va pas.

B donne une raison.

A explique que chez lui c'est différent.

B donne une autre raison.

A dit que c'est la même chose chez lui mais que ça ne le dérange pas.

B n'est pas du même avis. Il dit pourquoi.

A lui demande ce qu'il compte faire pour supporter la situation à l'avenir.

B répond.

A fait un commentaire.

На продвинутых этапах задания формулировались следующим образом: Il y a une famille: le père, la mère et l'enfant qui a 17 ans. Il veut aller dans une boîte de nuit mais

en rapport de la dernière catastrophe les parents ne permettent pas y aller. Il y a un désaccord. De plus les parents croient que la boîte de nuit n'est pas un bon divertissement pour les jeunes.

Votre tâche: apprendre les raisons du désaccord; parler des différenciations entre les générations; trouver une résolution de ce problème.

Разработанные и апробированные нами игры наполнены ценностным содержанием, дают возможность применить свои знания и умения, реализовать себя в коллективе, позволяют развивать активность, инициативность, ответственность за себя и других, самодисциплину.

Дискуссии, организованные в форме «круглого стола», представляли собой беседы, в которых «на равных» участвовали студенты (обычно около 5 человек) с целью высказать свою точку зрения, обменяться мнениями на темы, отражающие ценностную проблематику.

Le sujet: «La place de la musique dans la vie des jeunes».

Les participants: les jeunes hommes; les adultes; un psychologue; un star de la musique.

Les problèmes: le problème de l'influence de la musique sur les jeunes; le problème de la choix de la musique à écouter; le problème de l'identité chez les fans.

Одной из форм круглого стола является «философское кафе», традиционная форма организации дискуссии во Франции. Философское кафе известно как такая форма организации диалога, в которой стерта грань между семинаром и кофе-брейком. На формирование философских кафе повлиял телевизионный жанр ток-шоу, где участники разделены на три категории: ведущий, докладчик и слушатели. В новейшей традиции *safe-filo* современные исследователи начинают с Марка Соте и с его «Кафе маяков» на площади Бастилии в Париже.

Организация *safe-filo* включает этап подготовки (выбор темы, определение целей, отбор и разработка материалов, объявление о предстоящей игре, первое непосредственное взаимодействия с группой). Например, для обсуждения нами были предложены следующие проблемы: *Existe-t-il de vraies valeurs? Qu'est-ce qu'un étranger? Le faux peut-il*

devenir vrai si tout le monde y croit? Sommes-nous responsables de nos échecs? Comment se passer de la violence sans être violent?

Следующим этапом была организация учебного пространства, так как пространственное расположение участников общения является одним из факторов, влияющих на эффективность коммуникации. На наш взгляд, наиболее комфортная обстановка создается, когда модераторы (обычно их 5–6 человек) располагаются за круглым столом в центре зала, далее по кругу – зоны микрогрупп.

Начало дискуссии – во вступительной речи модератора, в котором он представляет всем участникам тему. Сообщение длится 15–20 минут и включает ряд тезисов, логически связанных между собой. Участники имеют возможность по ходу изложения задавать вопросы выступающему. В идеале – это вопросы уточняющего характера, не содержащие скрытых утверждений, полемики. Затем выступают остальные модераторы, продолжая мысли первого выступающего или высказывая свои собственные, а далее высказываются остальные участники дискуссии. Если все студенты высказались, исчерпано содержательное наполнение роли, достигнута содержательная цель философского кафе, истекает время занятий, то модераторы подводят итог в нескольких словах, представив основные мнения участников и обозначив окончание действия.

Не менее важным является последствие, смысл которого заключается в том, что на этом этапе осуществляется развернутая обратная связь между членами учебной группы и преподавателем. Условно данный этап можно разделить на две части: обратная связь от учеников к преподавателю; обратная связь от преподавателя к группе.

Использование технологии французских мастерских в обучении французскому языку позволяет реализовать креативный потенциал студентов, предоставляет свободу выбора, создает атмосферу открытости, доброжелательности, сотворчества в общении, пробуждает в студенте интерес к изучаемому материалу. Как и в любой другой технологии, важным и ответственным является оценивание работы обучаемого; подведение его к самооценке, самокоррекции через социализацию, афиширование работ.

В заключение, следует заметить, что в рамках данной статьи не в полной мере представлены коммуникативно-ценностные технологии: дан краткий анализ определенных образовательных технологий, определены признаки коммуникативно-ценностных технологий, представлен опыт использования отдельных коммуникативно-ценностных технологий в процессе преподавания французского языка автором. Представленные нами технологии способствуют восхождению личности студента, а также личности самого преподавателя к ценностям современного мира, культуры; реализации креативного потенциала участников образовательного

процесса; приобретению таких качеств, как коммуникабельность, контактность, толерантность, умение работать в коллективе, а также предполагают решение целого ряда актуальных задач: развитие способности эстетического постижения действительности как умения вступать в духовное общение с миром человеческих эмоций, чувств, жизненных реалий; направленность на активизацию коммуникативных способностей; моделирование состояния вдохновения, «игры» с элементами творчества, спонтанных ситуаций; воспитание навыков импровизации; создание атмосферы заинтересованности, непринужденности, свободы.

Литература

1. Андреев, В. И. Педагогика высшей школы. Инновационно-прогностический курс / В. И. Андреев. – Казань: Центр инновационных технологий, 2008. – 500 с.
2. Бордовский, Г. А., Извозчиков В. А. Новые технологии обучения: вопросы терминологии / Г. А. Бордовский, В. А. Извозчиков // Педагогика. – № 5 –1993. – С. 12–16.
3. Гузеев, В. В. Планирование результатов образования и образовательная технология / В. В. Гузеев. – М.: Народное образование, 2000. – 240 с.
4. Гузеев, В. В. Образовательная технология: от приема до философии / В. В. Гузеев. – М.: Сентябрь, 1996. – 112 с.
5. Кашлев, С.С. Технология интерактивного обучения / С.С. Кашлев. – Мн.: Белорусский верасень, 2005. – 176 с.
6. Кларин, М. В. Педагогическая технология в учебном процессе. Анализ зарубежного опыта / М. В. Кларин. – М.: Народное образование, 1998. – С. 128.
7. Мосиенко, Л. В. Французская мастерская как аксиологическая технология: учебно-методическое пособие / Л. В. Мосиенко, А. В. Кирьякова, Т. А. Ольховая. – Оренбург: ОГУ, 2011. – 107 с.
8. Мосиенко, Л. В. Ценности молодежи в диалоге культур Россия – Франция / Л. В. Мосиенко, Е. И. Кондалова, В. С. Романова. – Оренбург: ИПК ГОУ, ОГУ, 2011. – 126 с.
9. Селевко, Г. К. Современные образовательные технологии. – М.: Народное образование, 1998. – 256 с.
10. Щуркова, Н. Е. Педагогическая технология / Н. Е. Щуркова. – М.: Педагогическое общество России, 2002. – 224 с.

References

1. Andreyev, V. I. (2008) Higher Education Pedagogy. Predictive innovation course [Pedagogika vysshey shkoly. Innovatsionno-prognosticheskiy kurs] / V. I. Andreyev. – Kazan: Technology Innovation Center. – 500 p.
2. Bordovskiy, G. A., Izvozchikov V. A. (1993) New methods of teaching: Terminology problems [Novyye tekhnologii obucheniya: voprosy terminologii] / G. A. Bordovskiy, V. A. Izvozchikov// Pedagogics. – № 5. – P. 12–16.
3. Guzeyev, V. V. (2000) Learning outcomes planning and educational technology [Planirovaniye rezultatov obrazovaniya i obrazovatel'naya tekhnologiya] / V. V. Guzeyev. – M.: Popular education. – 240 p.
4. Guzeyev, V. V. (1996) Educational technology: from scientific methods to philosophy [Obrazovatel'naya tekhnologiya: ot priyema do filosofii] / V. V. Guzeyev. – M.: September – 112 p.
5. Kashlev, S. S. (2005) Interactive communication technologies [Tekhnologiya interaktivnogo obucheniya] / S. S. Kashlev. – Mn.: Belarussian verase. – 176 p.

6. Klarin, M. V. (1998) Educational technology in schooling. International experience survey [Pedagogicheskaya tekhnologiya v uchebnom protsesse. Analiz zarubezhnogo opyta] / M. V. Klarin. – M.: Popular education. – P. 128.

7. Mosiyenko, L. V. (2011) French workshop as an axiological technology: a study guide [Frantsuzskaya masterskaya kak aksiologicheskaya tekhnologiya: uchebno-metodicheskoye posobiye] / L. V. Mosiyenko, A. V. Kiryakova, T. A. Olkhovaya. – Orenburg: OGU. – 107 p.

8. Mosiyenko, L. V. (2011) Youth values in the dialogue of cultures: Russia – France [Tsennosti molodezhi v dialoge kultur Rossiya – Frantsiya] / L. V. Mosiyenko, Ye.I. Kondalova, V. S. Romanova. – Orenburg: IPK SEI, OSU. – 126 p.

9. Selevko, G. K. (1998) Modern educational technologies [Sovremennyye obrazovatelnyye tekhnologii]. – M.: Popular education – 256 p.

10. Shchurkova, N. E. (2002) Pedagogical technologies [Pedagogicheskaya tekhnologiya] / N. E. Shchurkova. – M.: Pedagogic society of Russia. – 224 p.

Р. Р. Насретдинова

кандидат педагогических наук, доцент кафедры
иностранных языков, Оренбургский институт
(филиала) Московской государственной юридической
академии имени О. Е. Кутафина
e-mail: rimma_nasretdinova@mail.ru

ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ»

В статье рассматриваются вопросы становления межкультурной коммуникации как учебной дисциплины за рубежом и в России, подчеркивается ее актуальность в связи с требованиями времени и изменениями, происходящими в различных сферах жизни общества. В работе обозначены различия дисциплин «Лингвострановедение» и «Межкультурная коммуникация». Основное внимание уделено особенностям преподавания дисциплины «Введение в теорию межкультурной коммуникации»: определена ее цель, перечислены некоторые из изучаемых тем. Представленный опыт описывает проведение лекционных, семинарских занятий и других видов деятельности по данной дисциплине на факультете иностранных языков Оренбургского педагогического университета. Автор предлагает некоторые возможные формы и виды работ по данной дисциплине.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, взаимодействие культур, лекции, семинарские занятия.

В настоящее время наше общество в целом, и образование в частности, охвачены процессами глобализации, информатизации, интеграции. Переход от индустриального к информационному обществу предопределил диалог культур как основу человеческого взаимопонимания.

Значимость культуры общения отмечается в таких документах, как Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (2012) и «Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2025 г.», которые подчеркивают приоритет свободного развития личности и ставят задачу воспитания граждан, способных к социализации и созидательной деятельности, отличающихся высокой нравственностью, проявляющих уважительное отношение к традициям и культуре своего и других народов.

Контакты представителей разных этносов на политическом, экономическом, культурном уровне обусловлены расширением сфер взаимного сотрудничества, развитием бизнеса, торговли, туризма.

В связи со всеми этими изменениями в системе вузовского образования меняются приоритеты, обновляются стратегии подготовки специалистов. В частности, во многих высших учебных заведениях открыты новые направления подготовки специалистов и, соответственно, в учебные программы включены новые дисциплины. Одной из них является «межкультурная коммуникация».

Процесс становления межкультурной коммуникации как учебной дисциплины начался в 1960-е годы, когда этот предмет стал преподаваться в ряде университетов США. В Европе становление межкультурной коммуникации было вызвано рядом причин,

главной из которых является создание Европейского союза.

В России инициаторами изучения межкультурной коммуникации стали преподаватели иностранных языков.

Первоначально, осознав, что для общения недостаточно лишь знания самого иностранного языка, они предложили изучение курса «Лингвострановедение», расширяющего кругозор за счет культурологических представлений о стране изучаемого языка. Впоследствии этих знаний для эффективной коммуникации явно не хватало. Преподавание иностранных языков на современном уровне выходит далеко за собственно филологические рамки, оно не может ограничиваться изучением значений слов и правил грамматики. Мало знать язык, надо уметь им пользоваться. Обучение иностранному языку как реальному средству общения неразрывно связано с соизучением общественной и культурной жизни стран изучаемых языков. В современном мире проблема взаимопонимания между народами становится все более и более острой, поэтому очень важно, чтобы трудности не возникали из-за столкновения разных культур, обусловленных различным историческим, политическим и культурным развитием. В настоящее время становление и развитие международных и межкультурных контактов и связей – одна из насущных социальных проблем во всех сферах жизни мирового сообщества.

В нашей стране эта проблема стоит особенно остро в связи с особенностями современного развития России. Изучение иностранных языков и их использование как средства международного общения невозможно без глубокого и разностороннего знания культуры носителей этих языков, их менталитета, национального характера, образа жизни, видения мира, обычаев, традиций, общественного поведения и т. п. Только сочетание этих двух областей знаний – языка и культуры наших партнеров по мировому сообществу может обеспечить эффективное и плодотворное общение.

Одним из первых отечественных вузов, который ввел эту дисциплину в учебный план, был МГУ им. Ломоносова.

В настоящее время «межкультурная коммуникация» как учебная дисциплина преподается студентам различных специаль-

ностей: филологам, психологам, социологам, юристам, специалистам в сфере гостиничного бизнеса и туризма и т. д.

В Оренбургском государственном педагогическом университете курс «Введение в теорию межкультурной коммуникации» читается для студентов отделения «Лингвистика и межкультурная коммуникация» на протяжении ряда лет. Имеется практика преподавания дисциплины «Межкультурная коммуникация в деловом общении» и в Оренбургском институте (филиале) МГЮУ имени О. Е. Кутафина.

Основной целью курса является формирование у студентов базовых понятий теории межкультурной коммуникации как основы современной концепции лингвистического образования. В задачи курса входит:

- знакомство с основными подходами к проблемам межкультурной коммуникации в рамках российской и зарубежных исследовательских парадигм;
- формирование системы представлений о теории коммуникации, базирующейся на теории деятельности;
- экстраполяция теоретических положений теории межкультурной коммуникации в системную концепцию языка с целью формирования межкультурной компетенции;
- развитие навыков междисциплинарного анализа как методологической основы теории межкультурной коммуникации, (сопоставление данных лингвистики, психологии, психолингвистики, семиотики, социопсихологии, социо- и этнолингвистики, философии языка);
- формирование исследовательских навыков в области познания процессов, формирующих язык и культуру.

Данный курс охватывает самые разные аспекты межкультурной коммуникации с тем, чтобы сформировать общее и систематизированное представление о МКК. Это такие вопросы, как: культурно-антропологические основы МКК (культура и коммуникация, этноцентризм, теоретические и культурологические основы МКК, инкультурация и социализация), основные положения теории коммуникации, особенности межличностной и межкультурной коммуникации, вербальная и невербальная коммуникация, базовые категории культуры, аккультурация, культурный шок, стереотипы и предрассудки и т. д.

На всех лекционных занятиях по данному курсу применяются PowerPoint презентации, которые способствуют повышению интереса студентов к изучаемым вопросам, использованию большего объема информации, лучшему его усвоению.

На семинарских занятиях по «Введению в теорию межкультурной коммуникации» помимо теоретических вопросов студенты изучают практический курс «Business across cultures» об эффективных стратегиях делового общения с учетом культурных и национальных особенностей различных стран и народов, рассматривая такие вопросы, как Stereotypes across cultures, Decision makers across cultures, Negotiations across cultures, Time across cultures. Студенты охотно готовят доклады и презентации по изучаемым темам как на русском, так и на английском языке. Большой интерес и оживление вызывают опросы и анкеты по отдельным изучаемым темам. Так, например, в рамках курса «Межкультурная коммуникация в деловом общении» студентам II курса ОИ (филиала) МГЮА имени О. Е. Кутафина было предложено ответить на вопрос: «Какие у них возникают ассоциации с той или иной европейской страной?» Эти ответы отражают стереотипы культурных представлений различных наций, имеющиеся у современной молодежи, включающие как отдельные предметы, явления жизни, так и черты характера.

Ниже приведены некоторые результаты данного опроса:

Австрия: лыжи, Альпы, Моцарт.

Бельгия: шоколад, пиво.

Болгария: перец, соседи, доброжелательность.

Венгрия: перец.

Великобритания: туман, дождь, привидения, чопорность, своеобразный юмор.

Германия: пиво, машины (Mercedes, Volkswagen, Opel), Гитлер, пунктуальность, точность.

Греция: мифы, Олимп, Олимпийские игры, оливки, демократичность.

Голландия: сыр, тюльпаны, свободолюбие, мельницы.

Дания: Андерсен, сказки, датское печенье.

Испания: оливки, коррида, фиеста, сиеста, фламенко, темперамент.

Норвегия: фьорды, озера, семга, викинги.

Финляндия: Санта-Клаус, олени, медлительность.

Франция: мода, духи, вино, аристократичность, свобода.

Швейцария: банки, часы, шоколад, точность.

Швеция: Карлсон, «АВВА», миролюбивость, шведская семья (2).

В целом, данные стереотипные представления наших студентов совпали с результатами опроса, проведенного у студентов МГУ и представленных в работе С. Г. Тер-Минасовой «Язык и межкультурная коммуникация» (4, с. 43–46).

Эффективными являются психологические игры, упражнения, актуальные тексты, тренинги межкультурных отношений, предложенные в пособии Михаила Кипниса на такие темы, как: «Давай пожмем друг другу руки!», «Культура – это...», «Я и другой», «Национальный характер», «Богатство различий, или Немного об особенностях культур», «Миграция и проблема межкультурных отношений» (1).

Все студенты отделения «Лингвистика и МКК» пишут курсовые работы по данной дисциплине. Среди предлагаемых тем интерес вызывают следующие:

1. Речевой этикет как регулятив коммуникативного взаимодействия.

2. Билингвизм и проблемы межкультурной коммуникации.

3. Когнитивные и коммуникативные аспекты поведения билингвов.

4. Лингвостилистические особенности и социокультурный контекст английского юмористического текста.

5. Неологизмы компьютерной коммуникации как новая социокультурная категория.

6. Политтекст: структура, семантика, социокультурные особенности.

7. Закон о языках как регулятив социокультурного взаимодействия.

Учитывая специфику данной специальности, преподаватели, работающие в группах со студентами отделения «Лингвистика и МКК», активно применяют имеющиеся на факультете технические аудиовизуальные средства, работая в мультимедийных классах, просматривая новостные передачи спутникового телевидения (3).

Несмотря на то, что дисциплина «Введе-

ние в теорию межкультурной коммуникации» относительно молодая, очевидны положительные результаты ее освоения: молодое поколение стало не только проявлять боль-

ше терпимости к представителям других культур, их обычаям, нравам, но и бережнее относиться к своей культуре.

Литература

1. Кипнис М. Тренинг межкультурных отношений. Ч. 1, 2. – М.: Ось-89, 2006.
2. Насретдинова Р. Р. Этнокультурные стереотипы и их отражение в английских пословицах и поговорках // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии – 2012. – № 16. – С. 138–140.
3. Насретдинова Р. Р. Обучение межкультурной коммуникации в рамках подготовки будущих специалистов // Внутренний туризм как фактор развития регионов в условиях рыночной экономики: сб. ст. I международной научно-практической конференции / Поволжский гос. ун-т сервиса. – Тольятти: Изд-во ПВГУС, 2012.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб. пособие) – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

References

1. Kipnis M. (2006) Training of cross-cultural relations. [training mezhkul`turnykh otnoshenij] Parts 1, 2.
2. Nasretdinova R. R. (2012) Etnocultural stereotypes and their reflection in English proverbs and sayings [Etnokul`turnye stereotypy i ikh otrazhenie v anglijskikh polovitsakh I pogovorkakh] // Works of Orenburg Institute of Moscow State Law Academy, № 16. – P. 138–140.
3. Nasretdinova R. R. (2012) Teaching cross-cultural communication while preparing future specialists [Obuchenie mezhkul`turnoj kommunikatsii v ramkakh podgotovki budushchikh spetsialistov]// Inner tourism as a factor of regional development under conditions of market economy: collected articles of 1 International scientific practical conference/Volga State University of Service. – Tolyatty.
4. Ter-Minasova S. G. (2000) Language and Cross-Cultural Communication. [Yazyk i mezhkul`turnaya kommunikatsiya] – M: Slovo. – 624 p.

О. М. Осиянова

доктор педагогических наук, профессор кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка
ФГБОУ «Оренбургский государственный университет»
e-mail: olos7@rambler.ru

Е. В. Турлова

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка
ФГБОУ «Оренбургский государственный университет»
e-mail: orenburg05@rambler.ru

ОПЫТ РАЗРАБОТКИ КРИТЕРИАЛЬНОГО АППАРАТА ДЛЯ ОЦЕНКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТА-ФИЛОЛОГА

В статье представлен опыт разработки критериального аппарата для оценки профессиональных компетенций студента-филолога, а также предпринята попытка составления технологической карты на основе выделенных критериев в рамках модульной компетентностно-ориентированной основной образовательной программы. Введение в действие федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования третьего поколения имеет своей целью формирование способности и готовности выпускников вуза к использованию знаний, умений, навыков, полученного практического опыта. При этом контроль и оценка усвоения учебных дисциплин может осуществляться на основе балльно-рейтинговой системы, которая вводится как гибкое и эффективное средство ранжирования студентов по результатам учебной деятельности, мотивирующее их на достижение высоких результатов.

В ходе эксперимента в 2013–2014 учебном году на факультете филологии Оренбургского государственного университета началась апробация модульного учебного плана, разработанного для студентов направления 032700.62 – Филология, профиль «Зарубежная филология». Методика разработки критериального аппарата включала анализ знаний, умений, опыта деятельности и предполагала выявление критериев и показателей, необходимых для составления технологической карты дисциплин модуля. Основные результаты разработки критериального аппарата модуля «Основной иностранный язык», включающего 3 дисциплины, представлены в статье. Так нами выделены общепрофессиональные и конкретно профессиональные критерии для одного из видов профессиональной деятельности – педагогической.

Полученные результаты использования БРС свидетельствуют о том, что более детальная проработка и уточнение критериального аппарата оценивания позволяет обеспечить большую объективность в оценке учебной работы студента.

Ключевые слова: балльно-рейтинговая система, критериальный аппарат, профессиональные критерии, модуль, технологическая карта.

С введением в действие федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования третьего поколения основополагающей задачей, стоящей перед педагогическим сообществом в контексте реализации идей модульно-компетентностного подхода, стало формирование способности и готовности выпускников вуза к использованию знаний, умений, навыков, полученного практического опыта, а также создание условий для самоактуализации, саморазвития, самосовершенствования будущих специалистов. В условиях жесткой конкуренции на рынке интеллектуального труда сегодняшней выпускник вуза будет успешным в профессиональном плане, если обладает сформированными компетенциями, профессиональной мобильностью, умением адаптироваться к быстро меняющимся условиям.

Закономерным результатом освоения основной образовательной программы выступает приобретение студентом общекультурных и профессиональных компетенций, а средством их формирования – модуль. При этом контроль и оценка усвоения учебных дисциплин, трудоемкость которых определяется зачетными единицами, может осуществляться на основе балльно-рейтинговой системы (БРС) [6]. БРС оценки вводится как гибкое и эффективное средство ранжирования студентов по результатам учебной деятельности, мотивирующее их на достижение высоких результатов (И. В. Александров, А. М. Афанасьева, Н. Г. Баженова, Л. К. Гребенкина, Е. Г. Короткова, Х. Ш. Латыпова, И. К. Максимов, В. А. Солоненко, А. В. Щепилова и др.).

Анализ отечественного и зарубежного опыта применения БРС оценивания достижений студентов выявил ее существенные преимущества перед традиционной системой оценки уровня подготовки студентов. Они заключаются в следующем:

- в активной и ритмичной самостоятельной работе студента в течение семестра;
- в дифференциации студентов, сдавших все контрольные задания в срок, от студентов, сдавших их лишь в зачетную сессию;
- в учете при вынесении оценки на экзамен «предыстории» текущей успеваемости;
- в получении информации о выполнении

каждым студентом графика самостоятельной работы;

- в учете выполненной студентом «произвольной» (сверхобязательной) образовательной программы;

- в более объективной и точной оценке знания студентов за счет использования балльной шкалы оценок;

- в возможности дифференциации студентов по их наклонностям и познавательным способностям при переходе на многоуровневую систему;

- в стимулировании у студента желания повторить учебный материал с целью получения более высокого конечного результата [5].

При этом, как правило, оценка деятельности студентов в БРС осуществляется по следующим показателям: посещаемость занятий, активность на занятиях, рубежный контроль, аттестация самостоятельной работы, штрафные баллы.

При наличии значимых положительных результатов функционирования рейтинговой системы очевидны и ее отдельные недостатки, проявляющиеся в несовершенстве системы критериев оценки знаний и диапазона оценивания, в необеспеченности необходимой степени объективности оценивания, в отсутствии контроля справедливости балльного оценивания, неопределенности соотношения различных видов работ, начислении премиальных и дисциплинарных баллов и т. п.

В 2013–2014 учебном году на факультете филологии Оренбургского государственного университета началась апробация модульного учебного плана, разработанного для студентов направления 032700.62 – Филология, профиль «Зарубежная филология». Возрастающие требования со стороны работодателей к содержанию и качеству подготовки филолога определили актуальность разработки критериального аппарата и уточнения диагностических средств, позволяющих использовать возможности БРС для оценки результатов учебной деятельности, уровня формируемых в рамках модулей компетенций на всех этапах обучения.

Методика разработки критериального аппарата включала анализ знаний, умений, опыта деятельности и предполагала выявление критериев и показателей, необходимых для составления технологической карты

дисциплин модуля. Рассмотрим результаты разработки критериального аппарата модуля «Основной иностранный язык», включающего 3 дисциплины: «Практический курс основного иностранного языка», «Практическая фонетика основного иностранного языка», «Практическая грамматика основного иностранного языка».

Согласно ФГОС для участия во всех видах профессиональной деятельности бакалавры филологии должны владеть четырьмя общепрофессиональными компетенциями (ПК-1 – ПК-4). Это своего рода *метакомпетенции*. Кроме того, каждый вид профессиональной деятельности, его задачи требуют овладения специфическими компетенциями. Анализ соответствия задач по видам профессиональной деятельности (ВПД) и компетенций ФГОС показал, что общепрофессиональные компетенции имеют в стандарте «разный вес» в разных видах профессиональной деятельности. Так, профессиональные компетенции ПК-1, ПК-2 (способность демонстрировать знание основных положений и концепций в области теории и истории основного изучаемого языка (языков) и литературы (литератур), теории коммуникации, филологического анализа и интерпретации текста, представление об истории, современном состоянии и перспективах развития филологии (ПК-1); владение базовыми навыками сбора и анализа языковых и литературных фактов с использованием традиционных методов и современных информационных технологий (ПК-2)) в наибольшей степени отражают результаты овладения научно-исследовательской деятельностью, а компетенции ПК-3, ПК-4 (свободное владение основным изучаемым языком в его литературной форме (ПК-3); владение основными методами и приемами различных типов устной и письменной коммуникации на основном изучаемом языке (ПК-4) 4 – прикладной и педагогической. Определение перечня модулей и входящих в них дисциплин осуществляется на основе методологии компетентностного подхода с учетом взаимосвязей, выявленных в ходе определения видов профессиональной деятельности переводчика-филолога, соответствующих им задач, анализа знаний, умений и опыта деятельности, необходимых для становления профессиональных компетенций. Педагогическая деятельность и поставлен-

ные работодателями задачи в свою очередь делают прозрачным выделение в качестве одного из базовых модулей «Основной иностранный язык» [7].

Таким образом, представляется возможным выделение следующих критериев оценки для дисциплин модуля «Основной иностранный язык»:

«Практический курс основного иностранного языка»:

– понимаю произнесенные высказывания моего собеседника в ситуациях повседневного общения, которые он произносит четко и в нормальном темпе, а также понимаю основное содержание продолжительных диалогов, которые ведутся в моем присутствии и участники которых говорят четко и на литературном языке;

– хорошо понимаю короткие беседы, и объявления и умею прогнозировать дальнейшее развитие событий; понимаю основное содержание сообщений по известной мне проблематике (например, работа, школа, свободное время);

– умею быстро просмотреть короткий текст на интересующую меня тему, найти важную (необходимую) информацию, чтобы в дальнейшем прочесть ее с помощью словаря, а также относительно длинные тексты, связанные с моей учебой или личными интересами, находить в них важные места, чтобы в дальнейшем прочесть их с помощью словаря;

– умею бегло просматривать газетно-публицистические и научно-популярные тексты, ежедневные информационные брошюры и извлекать из них важную для меня информацию, анализировать в рассказе, повести, отрывке из романа поступки персонажей, их отношения и соотносить результаты анализа со своим опытом;

– умею начать, поддержать и закончить простой разговор на знакомую или интересующую меня тему, соблюдая нормы поведения, принятые в стране изучаемого языка;

– могу участвовать в разговоре или дискуссии на знакомые темы, но иногда необходимо, чтобы мой собеседник дополнительно уточнил или пояснил свое высказывание;

– умею выражать свои чувства и эмоции (радость, заинтересованность, равнодушие, печаль) и реагировать на выражение этих чувств и эмоций другими людьми;

– умею обмениваться информацией, мнениями в дискуссиях и излагать личные взгляды друзьям;

– умею рассказывать небольшие истории, связанные с личным опытом и могу подробно рассказать о важном событии; умею в краткой форме обосновать или объяснить свои намерения, планы и поступки;

– умею передать сюжет фильма или книги и высказать свое отношение к ним; умею, пользуясь образцами, писать письмо-запрос об информации, письмо-заявку на какой-либо курс обучения;

– умею писать несложные тексты на различные темы, относящиеся к кругу моих интересов, сообщая в них о своих взглядах и мнениях;

– умею написать короткое сообщение о результатах выполнения какого-либо задания, о досуге, если есть возможность использовать стандартные образцы.

Профессионально ориентированные:

– понимаю отчётливые сообщения, произнесённые с умеренной скоростью в ситуациях, связанных с профессиональной деятельностью;

– понимаю основные положения радио/телевизионных программ, посвящённых темам, связанным с моей профессиональной деятельностью;

– понимаю основные положения лекций по профессиональным вопросам, при условии, что они читаются чётко в умеренном темпе и с нормативным произношением;

– узнаю в учебных аудиозаписях социокультурные элементы, относящиеся к моделям поведения, ритуалам, формулам вежливости;

– понимаю несложные тексты по лингвистике, педагогике, методике преподавания; умею читать словарные статьи в толковых и энциклопедических словарях;

– умею пользоваться выражениями, необходимыми для ведения занятий (высказывать просьбу учащимся, давать разрешение, направлять их внимание, устанавливать время выполнения задания, стимулировать их высказывания и т. д.);

– умею кратко выразить своё мнение: удовлетворённость, одобрение, неодобрение, неудовлетворённость;

– могу задать студенту, коллеге или лектору уточняющий вопрос;

– умею принимать участие в разговоре

или дискуссии по знакомым мне лингвистическим, педагогическим и методическим проблемам.

«Практическая грамматика основного иностранного языка»:

– слышу и могу определить простые грамматические и лексические ошибки;

– могу определять и вычленять из текста предложения и фразы, иллюстрирующие основные грамматические правила, значения слов и особенности их использования.

Профессионально ориентированные:

– умею пользоваться выражениями, необходимыми для ведения занятий (высказывать просьбу учащимся, давать разрешение, направлять их внимание, устанавливать время выполнения задания, стимулировать их высказывания и т. д.);

– умею демонстрировать грамматические формы разных частей речи и модели простых предложений;

– умею на примерах проиллюстрировать использование несложных грамматических форм, правил, слов;

– умею иллюстрировать употребление простейших слов, грамматических форм и простых моделей предложений.

«Практическая фонетика основного иностранного языка»:

– могу различать интонационные модели изучаемого и родного языков;

– могу определять семантические функции отдельного звука и ударения;

– слышу фонетические, простые грамматические и лексические ошибки;

– понимаю отчётливые сообщения, произнесённые с умеренной скоростью в ситуациях, связанных с профессиональной деятельностью;

– понимаю основные положения лекций по профессиональным вопросам, при условии, что они читаются чётко в умеренном темпе и с нормативным произношением.

Профессионально ориентированные:

– умею читать вслух учащимся;

– могу показать правильное произношение;

– могу воспроизвести интонационные модели изучаемого языка.

Каждый из критериев предполагает три ступени владения: владею хорошо; могу выполнить, но с определенными затруднениями; не могу/не владею.

БРС в рамках дисциплин модуля «Основной иностранный язык» представляет собой свод правил, которые позволяют количественно, путем накопления условных единиц (баллов), оценивать все результаты контролируемой учебной деятельности студентов при изучении дисциплины за семестр. К таким контролируемым видам работы относятся:

- *практические занятия – активное участие и выполнение заданий;*
- *коллоквиумы – обсуждения;*
- *контрольные работы;*
- *самостоятельная работа – индивидуальное чтение, упражнения по грамматике и письменной практике;*
- *ролевые игры по пройденным темам;*
- *эссе;*
- *проекты.*

При БРС организации учебного процесса результаты учебной деятельности студентов оцениваются с учетом:

- качества выполнения учебных заданий;
- приобретения глубоких и систематизированных знаний теоретического материала учебной программы и развития способностей к концептуальному анализу;
- владения практическими навыками;
- владения дополнительными материалами, не входящими в учебную программу;
- творческой активности на занятиях.

Важной и неотъемлемой составляющей функционирования БРС является своевременное и исчерпывающее информирование студентов о порядке изучения дисциплины, времени и особенностях организации теку-

щего, рубежного и итогового контроля знаний, умений и навыков.

Фрагмент технологической карты дисциплины «Практический курс основного иностранного языка» (с 1 по 8 учебную неделю) может быть представлен следующим образом:

Контролируемые мероприятия:

- посещение и активное участие в практических занятиях – 6 баллов;
- выполнение домашнего задания в течение семестра – 6 баллов;
- индивидуальное чтение художественной литературы – 4 балла;
- самостоятельная (письменная) работа «Spell It Correctly» Units 1-2 – 3 балла;
- эссе – 3 балла;
- ролевая игра по теме «Family Life» – 6 баллов.

Всего – 28 баллов.

Полученные нами результаты использования БРС для оценки профессиональных компетенций студента-филолога в ходе освоения им модульной образовательной программы свидетельствуют о том, что более детальная проработка и уточнение критериального аппарата оценивания позволяет обеспечить большую объективность в оценке учебной работы студента, организовать деятельность студентов так, чтобы она была постоянной, снижает возможность возникновения субъективных суждений о предвзятости преподавателя, позволяет исключить элемент случайности на экзамене и, в конечном счете, способствует повышению качества обучения.

Литература

1. Александров, И. Балльно-рейтинговая система оценки качества обучения в системе зачетных единиц / И. Александров, А. Афанасьева, Э. Сагитова, В. Стюкина // Высшее образование в России. – 2007. – № 7. – С. 25–28.
2. Гребенкина, Л. К. Балльно-рейтинговая система оценки и контроля знаний и умений студентов в новых условиях / Л. К. Гребенкина, Н. В. Мартишина // Психолого-педагогический поиск. – 2009. – № 9. – С. 106–111.
3. Короткова, Е. Г. Применение балльно-рейтинговой системы оценки деятельности студентов при изучении иностранного языка / Е. Г. Короткова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. – 2009. – № 24 (157). – С. 43–46
4. Латыпова, Х. Ш. Балльно-рейтинговая система как фактор повышения конкурентоспособности образовательных услуг / Х. Ш. Латыпова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2007. – № 43–1. – С. 195–200.

5. Максимов, И. К. Анализ и обобщение отечественного и зарубежного опыта создания рейтинговых систем оценки качества образования: учебно-методическое пособие / И. К. Максимов, Г. П. Савельева. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2007. – 41 с.

6. О проведении эксперимента по введению рейтинговой системы оценки успеваемости студентов вузов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_02/2654.html.

7. Петухова, Т. П. Научно-методические основы модульного проектирования компетентностно-ориентированных образовательных программ на основе ФГОС ВПО / Петухова Т. П., Влацкая И. В., Осиянова О. М., Темкина В. Л. // Опыт внедрения федеральных государственных образовательных стандартов учреждениями профессионального образования: мониторинг вузов и колледжей: материалы семинара-совещания для руководящих работников учреждений профессионального образования Приволжского федерального округа. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2012. – С. 228 – 240.

8. Солоненко, В. А. Балльно-рейтинговая система контроля знаний студентов по иностранному языку / В. А. Солоненко // Вестник Брянского государственного университета. – 2008. – № 1. – С. 74–79.

9. Сон, И. С. Особенности оценивания знаний по иностранному языку (говорение, письмо) по балльно-рейтинговой системе / И. С. Сон // Теория и практика образования в современном мире: материалы II междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2012 г.). – СПб.: Реноме, 2012. – С. 185–188.

10. Щепилова, А. В. Балльно-рейтинговая система оценивания: некоторые итоги эксперимента в педагогическом вузе / А. В. Щепилова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2010. – № 1. – С. 80–87.

References

1. Alexandrov I. Score-rating system in the quality of learning assessment in terms of credits [Ballno-reitingovaya sistema otsenki kachestva obucheniya v sisteme zachetnykh edinit] Vysshee obrazovaniye v Rossii. 2007. № 7. – P. 25–28.

2. Grebenkina L. K. Score-rating assessment and control system of students' knowledge and skills in new educational paradigm [Ballno-reitingovaya sistema otsenki i kontrolya znaniy i umeniy v novykh usloviyah] Psycho-pedagogical Search. 2009. № 9. – P. 106–111.

3. Korotkova E. G. The use of the Score-rating assessment system of student' achievements in the foreign language study [Primenenie Ballno-reitingovaya sistema otsenki deyatelnosti studentov v novykh usloviyah] Vestnik of Uzhno-Uralskii State University. 2009. № 24(157). – P. 43–46.

4. Lytova Kh. Sh. Score-rating assessment system as factor of educational services competitiveness increase [Ballno-reitingovaya sistema kak faktor povysheniya konkurentosposobnosti obrazovatelnykh uslug] Izvestiya of Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsina. 2007. № 34–1. – P. 195–200.

5. Maksimov I. K. The analysis and generalization upon domestic and foreign experience educational quality rating assessment system development [Aliz i obobshenie otechstvennogo i zarubezhnogo opyta sozdaniya reitingovykh system otsenki kachestva obrazovaniya] Moscow: The research centre of the specialist quality training. 2007. – 41 p.

6. About the experiment of rating assessment system in students' education [O provedenii eksperimenta po vnedreniyu reitingovoi sistemy otsenki uspevaemosti studentov vuzov] available at http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_02/2654.html.

7. Petukhova T. P. Scientific and methodic basis of module competence educational programs design in accordance with FGOS VPO [Nauchno-metodicheskie osnovy modulnogo proektirovaniya kompetentnostno-orientirovannykh obrazovatelnykh program na osnove FROS VPO] Materials of the seminar for menegment stuff of higher educational institutes of Privolzhskii Federalnyi Okrug. Saratov. 2012. – P. 228–240.

8. Solonenko V. A. The students' score-rating knowledge control system in the foreign language study [Ballno-reitingovaya sistema kontrolya znaniy studentov po inostrannomu yazyku] Vestnik of Brynsk State university. 2008 № 1. – P. 74–79.

9. Son I. S. The peculiarities of knowledge assessment (speaking, writing) with the help of score-rating system [Osobennosti otsenivanoya znaniy po inostrannomu yazyku (govorenie, pismo) po ballno-reitingovoy sisteme] Theory and Practice of education in contemporary world. Snt Peterburg. Renome. 2012. – P. 185–188.

10. Schepilova A. V. Score-rating assessment system: the results of the experiment in pedagogical institute of higher education [Ballno-reitingovaya sistema otsenivaniya: nekotorye itogi eksperimente v pedagogicheskom vuze] Vestnik of Moscow City pedagogical university. Series: Philology. The Theory of Language. Language Education. 2010. № 1. – P. 80–87.

Е. Б. Попов

доктор педагогических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Оренбургский институт (филиал) Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина, e-mail: kafedra.popov@yandex.ru

ТЕСТИРОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО ОЦЕНИВАНИЯ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ

В статье представлена обобщенная характеристика практики применения тестовой методики в обучении иностранному языку в юридическом вузе. С этой целью автор анализирует опыт работы преподавателей кафедры иностранных языков Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина. Подобный подход к предмету своего исследования позволил автору обозначить роль и специфику теста в оценивании результативности учебного процесса, выделить исходные требования к форме, содержанию и процедуре тестирования (в том числе и соблюдение «Билля о правах испытуемых»), сгруппировать различные виды тестовых заданий, проанализировать основные достоинства и недостатки тестирования в сравнении с другими средствами оценивания эффективности учебной деятельности.

Ключевые слова: оценивание, тестирование, тестовое задание, достоверность тестовой процедуры, английский юридический язык, обучение иностранному языку в юридическом вузе.

Переход современной юридической школы на двухуровневое высшее образование, сокращение аудиторных часов на изучение иностранного языка и введение балльно-рейтинговой системы оценивания учебной деятельности бакалавров приводит к более широкому применению преподавателями тестовых методик. Поэтому закономерными становятся вопросы об основных требованиях к содержанию тестов и процедуре тестирования, о степени достоверности получаемых результатов, об основных достоинствах и недостатках тестирования как средства оценивания результативности обучения иностранному языку в сравнении с другими методиками, такими как наблюдение, анализ результатов деятельности, мнение экспертов, ролевая игра, собеседование и консультация, само- и взаимная оценка.

Тестовая методика, являясь лишь одним из педагогических средств оценивания, представляет собой процедуру/способ измерения индивидуальных умений, знаний или других характеристик деятельности в определенной предметной области. Содержание данного утверждения в развернутом виде сводится к следующему:

Во-первых, тест выступает как измерительное средство (совокупность процедур, техник или заданий), которое предполагает выполнение определенных действий со стороны испытуемого. Непременными характеристиками подобного средства является детальная проработанность, структурированность и недвусмысленность его компонентов, а также стандартизированная процедура по искусственному воспроизведению испытуемым того вида деятельности, который эксперт-оценщик хочет пронаблюдать и оценить.

Во-вторых, тест используется для измерения, при этом объектом измерения могут выступать как общие способности человека, так и его характеристики и показатели в каких-либо узких сферах деятельности.

В-третьих, тест позволяет измерять умения, знания или другие характеристики деятельности человека и при этом предоставляет шкалу интерпретации полученного результата, что, в свою очередь, может служить основанием для оценки выявляемых индивидуальных характеристик в соотношении с эталоном, с результатами других тестируемых или же с результатами этого же человека, полученными ранее.

И, наконец, тест позволяет измерять характеристики деятельности человека в определенной предметной области. При этом и предметная сфера (в нашем случае – это английский юридический как иностранный язык) сама может разделяться в зависимости от основания для классификации на более узкие области, например:

- с точки зрения видов деятельности при обучении иностранному языку (*language arts view*): аудирование, говорение, чтение и письмо;

- с точки зрения формирования коммуникативной компетентности (*communicative competence view*): грамматическая компетенция (фонология, морфология, синтаксис и семантику); прагматическая компетенция (соответствие ситуации общения); дискурсивная компетенция (риторические приемы, логическая стройность и связанность речи); стратегическая компетенция (схема взаимодействия, навыки взаимодействия, невербальные характеристики взаимодействия).

При всем многообразии существующих тестовых методик неизменным является то, что любой тест представляет собой некое количество тестовых заданий (*test items*), где тестовое задание – это минимальная составляющая единица теста, которая включает: (i) описание ситуации и характеристику типа задачи, (ii) инструкцию по выполнению, (iii) текст, или основу, (iv) набор возможных ответов (в задании закрытой формы).

Требования, которые применяются к тестовым заданиям, можно сгруппировать в две основные группы:

1) требования к форме тестового материала:

- каждое задание должно иметь свой порядковый номер, установленный согласно объективной оценке трудности задания, выбранной стратегии тестирования;

- в начале тестового задания должна быть размещена инструкция;

- задания теста должны быть сформулированы четко, кратко и недвусмысленно, чтобы студенты понимали смысл того, что у них спрашивается; вопрос должен содержать одну законченную мысль, а исходные условия задания не должны превышать десяти слов;

- неправильные ответы должны быть разумны, точны, правдоподобны и умело подобраны;

- не должно быть непреднамеренных подсказок в заданиях и образцах ответа; из текста задания необходимо исключить все вербальные ассоциации, способствующие выбору правильного ответа с помощью догадки;

2) требования к содержанию тестовых заданий:

- необходимо соблюдать принцип взаимосвязи содержания и формы тестового материала;

- материал должен отвечать требованиям стандарта дисциплины и отражать содержание обучения иностранному языку;

- тест должен быть снабжен упрощенной и унифицированной процедурой оценивания полученных результатов;

- содержание задания должно соответствовать требованиям аутентичности языкового материала (*authenticity*), очевидной обоснованности (*validity*) для тестируемых; оно должно обеспечивать достоверную оценку измеряемого качества или свойства (*reliability*).

Тестовые задания, которые разрабатываются и используются преподавателями кафедры иностранных языков Оренбургского института, ориентированы, с одной стороны, на адекватное отражение специфики «юридического английского языка», а с другой стороны, на целостное восприятие изучаемого студентами-бакалаврами материала в рамках 12-ти основных правовых тематических блоков, представленных в учебной программе на уровне бакалавров [1, 2].

В зависимости от того, какие действия предполагается выполнить студентам, тестовые задания можно свести к следующим основным видам:

– задание с ограниченным действием (*limited response*); например, студентам предлагается указать, является ли утверждение правдивым или нет (“*True*” – “*False*”);

– задание, в котором из нескольких предложенных ответов выбирается правильный (*multiple-choice*); варианты этого задания: выбор нескольких правильных ответов или же определение одного неправильного ответа;

– перекрестный выбор, предполагающий установление соответствий или «поиск пары» (*matching*);

– задание на группировку лексических единиц (*ranging*);

– редакционное изменение текста (*editing*);

– задание на идентификацию (*labelling, multiple matching*);

– парафраз или передача содержания некоего высказывания своими словами (*paraphrasing*);

– выявление логической последовательности; расположение по порядку, группировка фактов (*ordering*);

– задание на заполнение таблиц и схем (*information transfer*);

– грамматические преобразования (*grammatical transformation*);

– задания на свободный подбор подходящих языковых средств (*open cloze*);

– проверочное считывание текста и исправление имеющихся ошибок (*proof-reading*);

– удаление из предложенного текста лишних элементов в соответствии с заявленным в задании принципом (*crossing-out odd items*);

– определение нужной формы слова (основа дана) в зависимости от предлагаемого контекста (*word formation*);

– «тест с пропусками» или тест на восстановление текста (*cloze test или c-test*).

Используя тесты как средство оценивания успешности учебного процесса, преподаватели кафедры иностранных языков исходят из того, что логика организации и проведения тестового контроля предполагает соблюдение наиболее общих постулатов,

обосновывающих необходимость самой процедуры и правомерности ее использования. Среди прочего изначально решаются следующие вопросы: На каких этапах учебного процесса уместно проводить тестирование, а на каких нет? Что является достаточным показателем оцениваемого качества? Какие изменения возможны в ситуациях, когда цели и интересы разработчиков теста, применяющих его педагогов и тех, кто проходит тестирование, существенно различаются? Какие существуют меры предосторожности, позволяющие снять риск чрезмерного увлечения тестированием или неадекватного, предвзятого оценивания? Отвечают ли методики и процедура тестирования изначально интересам студентов?

Важно помнить, что при прохождении тестирования студенты наделены правами, которые в обобщенном виде представлены в «Билле о правах испытуемых» (*Assessment Bill of Rights*) [3], и среди них такие, как:

– право на целесообразные (занимательные, обучающие, связанные с реальной практикой) интеллектуальные задания;

– право на понятные, объективные, официально озвученные и последовательно применяемые критерии оценки полученных результатов, а также на доступные примеры выполненных работ, оцененных на высшие баллы, которые бы иллюстрировали требуемые стандарты выполнения и оформления тестовых заданий;

– право на максимально возможную открытость информации о процедуре тестирования и оценивания результатов;

– право на создание благоприятных условий для предварительной подготовки к максимально успешному выполнению заданий теста;

– право на обратную связь, обеспечивающую студентам необходимую информацию об их успехах и недостатках, а также достоверную оценку их достижений относительно требований, предъявляемых по окончании полного курса обучения;

– право на понятную систему подсчета баллов и выставления отметок, которая способна повышать мотивацию студентов и позволяет им отслеживать свои достижения в учебе относительно заявленных стандартов;

– право на позитивное отношение со стороны преподавателя и на доступную проце-

дору оспаривания полученных результатов или несогласия с условиями тестирования без опасения подвергнуться наказанию.

Здесь же следует отметить и то, что наряду с явными преимуществами, которыми обладают тестовые методики, следует учитывать и то обстоятельство, что тестирование как таковое имеет ряд недостатков, среди которых:

- данные, получаемые в результате тестирования, хотя и включают в себя информацию о пробелах в знаниях по конкретным разделам, но не позволяют судить о причинах этих пробелов;

- получение испытуемым ключа к тесту до или в ходе его выполнения обесценивает полученный результат;

- в тестировании присутствует элемент случайности (например, студент, не ответивший на простой вопрос, может дать правильный ответ на более сложный; причиной тому может быть как случайная ошибка в первом вопросе, так и угадывание ответа во втором); это искажает результаты теста и приводит к необходимости учета вероятностной составляющей при их анализе;

- тест не позволяет проверять и оценивать высокие, продуктивные уровни знаний, связанные с творчеством, то есть вероятностные, абстрактные и методологические знания;

- чрезмерное увлечение тестированием

в ущерб другим методикам измерения и оценивания никогда не бывает в интересах испытуемых, поскольку тест по своей природе обращен к некоему «другому», и прямой или косвенной задачей тестирования является ранжирование студентов, при этом сама технология тестирования по определению является механистичной и лишена субъективных компонентов.

Подводя итог всему, что изложено в данной статье, можно констатировать, что:

- тестирование как стандартизированная методика измерения индивидуальных характеристик освоения студентами-юристами предметной области иностранного языка является лишь одним из педагогических средств оценивания успешности усвоения учебной дисциплины;

- тест как таковой представляет собой некий набор тестовых заданий, каждое из которых включает в себя: описание ситуации и характеристику типа задачи, инструкцию по выполнению, текст или основу;

- при создании или выборе тестовой методики преподавателю иностранного языка необходимо соблюдать целый ряд исходных требований к форме тестового материала, к содержанию тестовых заданий, к конструированию условий проведения теста, к процедуре обработки и критериям оценки и интерпретации полученных результатов.

Литература

1. Попов Е. Б., Феоктистова Е. М. Грамматика английского языка: Учебное пособие для студентов-юристов. – Саратов: Издательство «Вузовское образование», 2013. [электронное издание] URL: <http://www.iprbookshop.ru/>.

2. Попов Е. Б., Халышева Г. Р. Английский язык для студентов-юристов. – Саратов: Издательство «Вузовское образование», 2013. [электронное издание] URL: <http://www.iprbookshop.ru/>.

3. Wiggins, Grant P. Assessing Student Performance: Exploring the Purpose and Limits of Testing. – San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1993. – P. 28.

References

1. English Grammar [Grammatika anglijskogo yazika: Uchebnoje posobie dlya studentov-juristov] // Popov, E. B., Feoktistova, E. M. – Saratov: Publishing house «Vuzovskoje obrazovanie», 2013. [electronic edition] – available at: <http://www.iprbookshop.ru/>.

2. English for law students [Anglijskij yazik dlya studentov-juristov] // Popov, E. B., Khalyusheva, G. R. – Saratov: Publishing house «Vuzovskoje obrazovanie», 2013. [electronic edition] – available at: <http://www.iprbookshop.ru/>.

3. Wiggins, Grant P. Assessing Student Performance: Exploring the Purpose and Limits of Testing. – San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1993. – P. 28.

М. Ю. Романюк

доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка, кандидат педагогических наук, Оренбургский государственный университет
e-mail: marina.roma@mail.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ НЕГАТИВНОГО МЕДИАОБРАЗА «РУССКИЙ МИР» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Глобализация информационного пространства и развитие информационных потоков привели к тому, что представления и знания людей о мире в значительной мере стали формироваться средствами массовой информации. Они оказывают влияние на многие сферы, включая политику, экономику, культуру. Правильный выбор адресатов и механизмов во многом определяет создание желаемого образа.

Одной из наиболее значимых составляющих любой культуры являются ценности. Для каждой народности, страны, цивилизации эти ценности разные и под нажимом социальных и политических перемен они меняются, а вместе с ними меняется отношение к другим культурам. Мировой интерес к России всегда был высоким. В этой работе автор рассматривает лингвистические средства создания негативного медиаобраза «Русский мир» в англоязычных газетах и журналах. Все вышесказанное доказывает актуальность темы данного исследования.

*Эмпирическую базу исследования составили печатные публикации из известных газет и журналов: *The Financial Times, The Daily Telegraph, The Guardian, The Conservative Voice, The Washington Times, The Washington Post, The New York Times, The Independent, The Wall Street Journal, The Observer, The New York Arts* и др. (Нами использованы как британские, так и американские СМИ-источники). Анализ подверглись печатные издания в период с 2006 по 2013 год.*

При изучении статей использовались следующие методы: анализ научной литературы по интересующей нас проблеме, метод сплошной выборки материала, метод статистической обработки, метод лингвистического описания данных с элементами экстралингвистической интерпретации фактов языка и контекстуально-семантического анализа.

Целью нашего исследования является выявление лингвистических средств, используемых при создании негативного медиаобраза «Русский мир».

Для достижения поставленной цели автором решены следующие задачи: отобран аутентичный материал из англоязычных СМИ, содержащий негативное отношение к понятию «русский мир»; определены лингвистические средства создания данного медиаобраза; проведен описательный анализ.

Автор приходит к выводу, что отрицательный медиаобраз создается вокруг России в сфере политики, ментальности русского общества и взаимоотношений религии и государства, но он не затрагивает такие аспекты медиаобраза «Русский мир», как искусство, наука и спорт.

Ключевые слова: лингвистические средства, создание негативного медиаобраза, медиаобраз «Русский мир».

В данной работе рассматриваются лингвистические средства создания негативного медиаобраза «Русский мир» в англоязычных газетах и журналах.

Актуальность и целесообразность разработки данной темы представляются очевидными, т. к. глобализация информационного пространства и развитие информационных потоков привели к тому, что представления и знания людей о мире в значительной мере стали формироваться средствами массовой информации. Они оказывают влияние на различные сферы, включая политику, экономику, культуру. Правильный выбор адресатов и механизмов во многом определяет создание желаемого образа.

Одной из наиболее значимых составляющих любой культуры являются ценности. Для каждой народности, страны, цивилизации эти ценности разные и под нажимом социальных, экономических и политических перемен они меняются, а вместе с ними меняется отношение к другим культурам. Мировой интерес к России всегда был высоким.

Исследование негативного образа «Русский мир» как информационной модели в зарубежных СМИ проведено на основе анализа электронных версий статей по материалам официальных вебсайтов популярных англоязычных изданий.

Эмпирическую базу исследования составили печатные публикации из известных газет и журналов: *The Financial Times*, *The Daily Telegraph*, *The Guardian*, *The Conservative Voice*, *The Washington Times*, *The Washington Post*, *The New York Times*, *The Independent*, *The Wall Street Journal*, *The Observer*, *The New York Arts* и др. Были использованы как британские, так и американские СМИ-источники. Так как нас интересует современный медиаобраз, анализу подверглись печатные издания в период с 2006 по 2013 год.

Основным критерием при отборе статей явилась обязательная направленность на негативное изображение феномена «Русский мир». Для наиболее детального исследования все рассматриваемые статьи были распределены на 4 группы, которые, по мнению многих социологов, являются основными аспектами описания современных социальных сообществ в госу-

дарствах: политика, религия, менталитет и культура. Базовым критерием предложенной классификации послужила основная тема текстового информационного сообщения.

Согласно проведенному статистическому анализу, количественно-доминантной группой в нашей классификации является политика. Иностранные журналисты с одинаковым интересом рассматривают как внешнюю политику России, так и внутреннюю. В большинстве публикаций о России главная роль отводится Президенту, он во многих случаях отождествляется с Россией (что уже является ярким примером метонимии). Относительно внешней политики мы видим, что довольно часто встречаются указания на непосредственные действия В. В. Путина. Согласно статистике при освещении внешней или внутренней политики Франции, Германии или других государств западные журналисты значительно реже указывают главу государства [3]. На Путина и Медведева в западных СМИ возлагается ответственность за все, что происходит в России, а также за действия Москвы за пределами страны.

В зарубежных печатных изданиях мы нередко сталкиваемся с тотальной критикой России и ее действий. Конфликт с Грузией (2008) явился отдельной значимой темой, способствующей формированию в целом негативного образа России. Кроме этого, для создания общего негативного восприятия России западной общественностью использовалось уголовное преследование Михаила Ходорковского, смерть Александра Литвиненко, масштабы теневой экономики, коррупция, отсутствие заметных успехов в судебной реформе. Россию в иностранной прессе чаще обвиняли в "непомерных амбициях", не соответствующих потенциалу, и "имперском поведении", особенно в отношении стран СНГ и бывшего СССР. Например, статья от 5 декабря 2006 года, опубликованная в *Financial Times*, носит название «Russia tests the limits of realism» [19]. Вот цитата из статьи: «British policemen are heading to Moscow to try to get to the bottom of the Litvinenko case. But one cannot be entirely optimistic about their chances. The *unsolved poisoning* is an old Russian tradition. Historians are still arguing about the role of poison in the death of Ivan the Terrible in

1584 – as well as in those of Rasputin in 1916 and Maxim Gorky in 1936».

В данной статье автор прибегает к приему аллюзии, напоминая читателям о событиях, имевшим место в русской истории. Далее автор пишет: «In the US, outstanding investigative journalists win Pulitzer prizes. In Russia, they get shot».

В данном отрывке явно прослеживается прием антитезы. Послание автора в данном случае завуалировано, и основная мысль заключается в том, что в современной России небезопасно. В заключении автор резюмирует: «But, whoever is behind the recent spate of killings, Vladimir Putin's Russia looks like an increasingly sinister place».

Прибегая к помощи эпитета, журналист на яркой ноте завершает статью, оставляя негативное ощущение того, что в настоящее время Россия – это «гиблое место».

В американском и британском медиапространстве мифы о России и фобии, связанные с ней, были сформированы за долгие годы холодной войны. Стоит вспомнить о том, что Советский Союз олицетворял для американского обывателя «антитезу основных ценностей и привычных политических и религиозных свобод, всего того, что можно назвать “американским образом жизни» [4, с. 34]. Зачастую для описания политической ситуации в России зарубежные журналисты прибегают к реалиям советской эпохи. Рассмотрим следующий пример: «Political show trials, a Soviet relic, seem to be resuming. This week Alexei Navalny, an opposition leader, went on trial on trumped-up charges of embezzling timber from a state company. Demonstrators from last May 6 are being threatened with years in prison or psychiatric confinement, like Soviet-era punishment» [10].

В данной статье при помощи эпитета проводится аналогия с советским прошлым, которое в западном мире отождествляется с тоталитаризмом и носит ярко выраженную негативную характеристику.

«The Russian dictator Vladimir Putin is singing you a siren song, Mr. and Mrs. America, about how you and he are struggling together against global terrorism. Don't you believe it, though – not for one neo-Soviet second? Russia stands with the terrorists, not against them. Russia stands against America, and all

she represents. Let's be clear: Putin is a proud career KGB spy. He spent his entire adult life learning how to despise and destroy America and its values. He believes that democracy is a toxin that undermines national greatness – exactly what he was taught to believe in Soviet schools. This man is not our ally; he's our enemy» [17].

В этой цитате автор описывает Владимира Путина, используя эпитет «the Russian dictator». Для достижения наибольшего психологического воздействия прибегает к метафоре, сравнивая «русского диктатора» с сиреной, которая привлекает своим пением, а в итоге приносит гибель. Но на этих стилистических приемах журналист не останавливается. Он четко обозначает роль «диктатора» с помощью антитезы.

Анализируя статьи, в которых прослеживается параллель с советским прошлым, нельзя обойти стороной политическую метафору «Evil Empire». В 80-е годы XX века Рональд Рейган назвал Советский Союз «империей зла» (как известно, бывший актер, а на тот момент президент США позаимствовал этот термин из фильма «Звёздные войны»). Стоит ли говорить, что образ «империи зла» закрепился не только за СССР, но и унаследован Российской Федерацией. Данную метафору можно найти и в самых последних публикациях: «Last week was the thirtieth anniversary of Ronald Reagan's "Evil Empire" speech before the National Association of Evangelicals in Orlando Florida (on March 8, 1983). Today, Russia is just as evil, and has been governed for an extended period, as the USSR never was by a proud KGB spy. But if you look to the current occupant of the White House for leadership in this continuing battle with evil, you look in vain» [26].

Рассматривая структуры данной статьи, особое внимание привлекает ее заголовок «Putin's Russia: Still an empire, Still Evil». Повтор в данном случае использован для усиления эмоциональности высказывания.

Еще одной распространенной метафорой в зарубежной публицистике является сравнение России с медведем. Идея данного сравнения родилась в Англии. В конце 18 века Российская Империя и Великобритания противостоят за влияние в Европе, и в первых английских газетах появляются политические комиксы с Россией в образе

медведя. В ходе нашего исследования было выявлено 9 употреблений указанного приема. Метафора «Russian Bear» не только формирует представление об описываемом объекте, создает образ России, но и предопределяет способ и стиль мышления о нем. В связи с этим мы можем выделить моделирующую функцию метафоры. Она задает аналогии и ассоциации в мыслительной деятельности читателей между разными системами понятий; в нашем случае между Россией и диким зверем. Основную роль при выборе данной метафоры играют ассоциации, связанные с семантическими признаками значения. Расплывчатые представления о жестоком, огромном, свирепом, лютом, беспощадном существе актуализируют образ.

Регулярность появления в зарубежных СМИ метафоры «Russian Bear» позволяет определить данное лингвистическое средство как языковой штамп, воздействующий на массовое сознание читателей. «Языковой штамп – это клише, потерявшее свою первичную информационную нагрузку, ставшее многофункциональным лингвистическим понятием» [2, с. 149]. Возможно, по этой причине в публикациях зарубежных СМИ при описании России не используется никакая другая метафора, связанная с животным.

Приведем несколько примеров использования метафоры «Russian Bear»: «Unfortunately for the Europeans, a number of their governments are cementing a relationship with Vladimir Putin's Russia which, in effect, will make them hostages of *the Russian Bear*» [22].

«Not since the end of the Cold War in 1991 has *the Russian Bear* asserted itself so forcefully beyond its borders in support of claims on great power status. In essence, Russia is attempting to play the role in Syria that France did in Algeria in the 1990s, of supporting the military government against rebels, many of them linked to political Islam» [9].

В некоторых случаях данная метафора может изменяться и переходить в другие стилистические приемы, например олицетворение. Рассмотрим статью *The Bear is Back on the Prowl*, опубликованную в газете *The Time*: «As last week's fighting drew toward

a close, Tbilisi's Gudushauri hospital filled with about 400 wounded soldiers. Hospital director Zaza Sinauridze, a gynecologist pressed into performing trauma surgeries, was overwhelmed. "How could we imagine this thing in the 21st century?" he asked. *The Bear has come out of hibernation*. Its neighbors may have cause for some uneasy sleeps» [25].

В последней статье была затронута тема грузино-осетинского вооруженного конфликта, развернувшегося в августе 2008 года. Развивая данную тему, проанализируем несколько статей зарубежных СМИ относительно данной ситуации: «Russia's invasion of Georgia shocked its neighbors, so much so that many people in the Baltic republics and in Poland are worried that they could be next. As *Russia flexes its imperial muscles*, there are growing fears that former Soviet republics could face threats to their very existence» [12].

В данной цитате мы находим метафору «flexes its imperial muscles». Понятие, реализуемое в лексеме *muscles*, в данном контексте сильно интенсифицировано таким эксплицитным средством, как прилагательное «imperialist», что значительно усиливает эмоционально-оценочный компонент в структуре значения этой метафоры и повышает степень оценки в сознании реципиентов. Россия предстает не только как мощная, опасная держава, таящая в себе угрозу в мыслительной деятельности адресатов, но и как страна, жаждущая новых завоеваний и нацеленная на экспансию. Данная метафора ярко выражает негативную направленность, так как в Западном мире экспансия противоречит законам демократии и свободы. Метафора «to flex muscles», обозначающая “to show how powerful or strong you are, especially as a warning or threat a person or a country” [18], помогает оживить в сознании читателей образ России, раскрывая его как некое живое существо, чрезвычайно опасное и первобытно дикое.

Приведем еще несколько примеров негативной оценки внешней политики России: «In the wake of Russia's invasion of Georgia, the United States and its trans-Atlantic allies have rightly focused on two urgent and immediate tasks: *getting Russian soldiers out, and humanitarian aid in*. Specifically, the Georgian military should be given the

antiaircraft and antiarmor systems necessary to deter any renewed Russian aggression. These defensive capabilities will help to prevent this conflict from erupting again, and make clear we will not allow the Russians to forcibly redraw the boundaries of sovereign nations».

В данном отрывке мы наблюдаем антитезу, которая на подсознательном уровне влияет на представление ситуации. В конкретном случае США и их союзники выступают в качестве спасателей, главная цель которых помочь мирному населению, а Россия, напротив является инициатором конфликта. Также прослеживается мотив доминирования, в котором США явно превосходят в силе своего соперника. Следующий фрагмент статьи: «The U.S. must also reaffirm its commitment to allies that have been the targets of *Russian bullying* because of their willingness to work with Washington. The recent missile-defense agreement between Poland and the U.S., for instance, is not aimed at Russia. But this has not stopped senior Russian officials from speaking openly about military retaliation against Warsaw» [11].

По нашему мнению, «*Russian bullying*» является олицетворением. Для того чтобы дать наиболее точную оценку данному средству, рассмотрим дефиницию лексемы *bullying* посредством толкового словаря английского языка, “behaviour that frightens or hurts someone smaller or weaker” [18]. Через олицетворение создается ощущение того, что Россия представляет собой хулигана, который задирает маленьких и слабых и никогда не вступает в конфликт с равным по силе противником.

Таким образом, исходя из результатов проведенного нами анализа, можно утверждать, что в зарубежных СМИ Россия предстает как тоталитарное, закрытое государство с очень жесткой (временами даже жестокой) политикой, страной, которая не способна идти на компромиссы и прислушиваться к мнению мирового сообщества.

Довольно интересным явлением негативного отношения представляется использование аллюзии в зарубежных публикациях, но самым любопытным фактом, на наш взгляд, является то, что аллюзия связана с кинематографом. Так, заголовок статьи в британской газете *The Guardian*, носит

следующее название: «Putin prepares the Russian empire to strike back» [24].

Заголовок демонстрирует аллюзию на фильм «Звездные войны», а именно на пятый эпизод под названием «Империя наносит ответный удар». Нетрудно догадаться, что Империей в данном случае выступает Россия. А президент Путин является ее предводителем – Дартом Вейдером, чей облик является олицетворением правления через страх и террор. Еще один пример такой аллюзии можно найти все в той же газете: «Vladimir Putin: there turn of the king» [16].

В данном случае аллюзия связана с экранизацией произведения Дж. Толкиена «Властелин колец: возвращение короля». Как уже было доказано ранее, авторитаризм является негативным аспектом в западных странах. Путин в данном случае изображается в роли монарха, который вернулся к управлению государством.

Как мы заметили ранее, зарубежные средства массовой информации освещают не только внешнюю политику России, но и внутреннюю. Основные темы внутренней политики России в зарубежных СМИ: коррупция, заказные убийства общественных деятелей и бизнесменов, тандем Путин–Медведев, нарушение прав человека и т.д. Для того чтобы понять, какие лингвистические средства используют авторы, присваивая негативную оценку внутривнутриполитическим событиям в России, рассмотрим следующие примеры: «Many more people died in early post – Soviet Russia, murdered in gang wars and battles over state assets. But then Russia verged on chaos. Today Mr Putin claims to have restored order. However, Mr. Putin has reasserted the Kremlin's authority *by riding roughshod over the rights of others*, including businessmen, journalists and regional governors. Ex-KGB agents, led by Mr. Putin, have restored much of their influence» [21].

Формированию негативного отношения к образу способствует метафора *by riding roughshod over the rights of others*. Данная метафора имеет резко отрицательную семантическую коннотацию, “to behave in a way that shows you have no respect for someone or something” [18]. В результате этого в массовом сознании зарубежных читателей

концептуализируется образ России как страны, деятельность которой наносит вред своим гражданам и ущемляет их права.

Тема политических выборов с особым интересом рассматривалась в зарубежных СМИ. Одной из самых хлестких метафор за этот период, на наш взгляд, оказалось сравнение тандема Путин–Медведев с героями американских комиксов: «He made clear he was not amused by a US diplomat's description of him (Putin) as "Batman" and President Dmitry Medvedev as "Robin". Kremlin relies on criminals and rewards them with political patronage, while top officials collect bribes 'like a personal taxation system'» [15].

В комиксах герои сражаются с криминалом, пытаются навести порядок в их собственном городе, но их методы абсолютно отличаются. Главная смысловая параллель Путин–Медведев направлена на то, что Робин признает свою второстепенную роль по отношению к Бэтмену. Само изображение лидеров России в роли героев комиксов носит иронический характер. Кроме этого, в данном фрагменте присутствует эпитет *bribes 'like a personal taxation system'*, который вновь напоминает нам о коррумпированности общества в России.

Затрагивая вопрос религии, следует отметить, что Русская церковь и православие в более широком смысле не очень хорошо известны на Западе. О православной традиции в странах протестантской и католической культуры знают немного. Вследствие этого среди журналистов не всегда есть понимание того, в чем состоит отличие православия от западных религиозных направлений. Многие западные журналисты считают, что Русская церковь слишком сблизилась с государством, что она готова с ним очень тесно сотрудничать. В Западной цивилизации государство и церковь постоянно враждовали, поэтому их слияние в принципе невозможно и вызывает негативное отношение. Как правило, зарубежные публикации не затрагивают вопросы духовности российского общества, развития религии в целом. Они рассматривают отдельно взятые истории и скандалы, связанные с религией.

подавляющее большинство проанализированных статей было связано со скандальной акцией панк-группы в храме Христа Спасителя в феврале 2012 года.

Рассмотрим наиболее яркие примеры употребления языковых средств относительно данного скандала: «The show trial of 2012: three women are locked in a glassbooth like Adolf Eichmann. Prosecution witnesses accuse them of "devilish" dancing. Bearded priests bemoan their "sin against God." Reporters say "pussy" on national TV. Condemnations ring out around the world. There is a torrent of speeches. And support from Madonna and Bjork... but as with the Olympics, the Russian judge shows no pity—for the crime of "hooliganism," Pussy Riot is packed off for *the gulag*» [14].

В данном случае намеренно используется эпитет *"devilish" dancing*, чтобы показать, какую духовную травму нанесла данная акция русскому обществу, но в конце цитаты автор с сочувствием относится к скандальной группе. Для яркого завершения статьи журналист использует безэквивалентный перевод аббревиатуры ГУЛАГ (Главное управление лагерей и мест заключения), системы массового содержания заключенных в СССР, которая в западном сознании ассоциируется с тоталитаризмом, нарушением прав и свобод человека. В данном случае можно говорить об апелляции к эмоциональной сфере личности – еще живы воспоминания об СССР и холодной войне. Читатель напуган, он в смятении. Естественно, посредством подобных образов статья достигает желаемого результата – читатель будет воспринимать Русскую Православную церковь и российское общество как беспощадное создание, которое отправляет молодых девушек, озвучивших свое мнение, на каторгу. Далее следует продолжение: «This ersatz wonderland is overseen by Kirill I, Patriarch of Moscow and all the Rus' and Primate of the Russian Orthodox Church. *Kirill I has a personal wealth in the billions – his church was granted a license to import duty-free cigarettes. For a while, Kirill was the cigarette kingpin. Kirill supports Vladimir Putin and has called him a "miracle of God". He also supports Alexander Lukashenko, president of Belarus and the last dictator of Europe. Rumor has it; Kirill had ties to the KGB and may have been an agent*» [14].

В данной цитате явно преобладает контекстный негативизм, Патриарх Кирилл

изображается миллиардером, а личное богатство для священнослужителя в христианстве не приемлемо. В последнем пассаже автор приводит цитату из Библии: «*For ye have the poor always with you; but me ye have not always – Matthew 26:11*» [14].

В данном случае мы видим факт скрытого речевого воздействия на читателя.

Зачастую авторы прибегают к олицетворению. В следующем примере можно видеть, как крепко связаны правительство и церковь в России: «*Kirill's writing reveals one of Russia's most sinister characteristics. A regime of former KGB officers and plutocrats is robbing the country blind, while the leadership of the national church supports the thieves and denounces their opponents. The marriage of the Kremlin and the church in the Pussy Riot affair shows how sinister matters are in Russia*» [8].

В очень редких случаях зарубежный читатель сталкивается с критикой Русской Православной церкви в целом. Так, в следующей выдержке можно обнаружить контекстный негативизм, связанный с освещением ядерных боеголовок и атомных субмарин: «*The church has mostly played the role of enthusiastic accomplice: Orthodox priests sprinkled holy water on nuclear warheads and blessed military factories, navy vessels and army airplanes while mugging for cameras*» [20].

Понятие “менталитет” сравнительно недавно, но основательно вошло в научный оборот и сегодня широко используется в лингвокультурологии. Этимология слова восходит к латыни: *mens* – ум, мышление, образ мыслей, душевный склад. Менталитет – нечто общее, лежащее в основе сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, глубинный, трудно фиксируемый источник мышления и эмоций. Это понятие объединяет в себе многообразие смыслов и значений, ассоциирующихся с проблемой национального своеобразия, особенностей национальной культуры. В зарубежных публикациях российский народ представлен далеко не лестным образом. Русских изображают как людей некультурных, недостаточно образованных, злоупотребляющих алкоголем. Общество буквально пропитано коррупцией от самых низов до высших эшелонов

власти. При чтении таких статей складывается ощущение, что российскому обществу не знакомо понятие толерантности.

Так, популярная газета *The New York Times*, пишет: «*For those not schooled in New Age prophecy, there are rumors the world will end on Dec. 21, 2012, when a 5,125-year cycle known as the Long Count in the Mayan calendar supposedly comes to a close. Russia, a nation with a penchant for mystical thinking, has taken notice. In Panicky Russia, It's Official: End of World Is Not Near*» [5].

Используя эпитет, автор подчеркивает, что суеверия, связанные с концом света, распространены в России только из-за неграмотности населения.

Еще одной популярной темой является коррумпированность общества в России. Причем взяточничество стало одной из составляющих национального менталитета. Авторы статей прибегают к приему номинации, давая понять, что взяточничество в России – это норма жизни. Рассмотрим следующий пример: «*Most Russians have grown so accustomed to a certain lawless way of life that they have come to view corruption as “Russia's own special way”. They are unsure how their country's economy, government or social sphere might function without it. This photo essay is an attempt to show that corruption is a state of mind. For Russians, Corruption Is Justa Wayof Life*» [13].

Одним из самых культовых представлений о России является любовь к спиртным напиткам. Эта любовь общеизвестна и считается традиционной.

«*Mr. Putin will be remembered as the man who failed to defend the Russians against the most terrible enemy of all: their own love of vodka. He is wasting his chance to battle Russia's love of drink and to reverse a devastating drop in population*» [7].

В данном примере присутствует эпитет. Негативная оценка данной реалии заключается в том, что даже сам В. В. Путин, которого на Западе рассматривают как сильного политика, не может остановить пьянство. Эпитет в данном случае добавляет яркости невозможности решения данной проблемы.

Самой малочисленной группой в нашем исследовании является культура. “Для западного культурного человечества Россия все еще остается совершенно трансцендентной,

каким-то чуждым Востоком, то притягивающим своей тайной, то отталкивающим своим варварством. Даже Толстой и Достоевский привлекают западного культурного человека как экзотическая пища, непривычно для него острая», – писал Н. Бердяев [1, с. 8]. Приведенные слова относятся к 1915 году, но основная мысль актуальна и в настоящее время. В современном мире русское искусство нашло признание, оно стало неотъемлемой частью мировой культуры. Количество статей, в которых выражена негативная оценка относительно культуры и искусства, ничтожно мало. В основном негативная оценка в данной группе зависит от личной позиции автора или исторических событий, повлиявших на оценку. Употребление аналогичных лингвистических средств при этом не носит массового характера.

Мы отобрали несколько примеров, чтобы доказать наши утверждения.

В статье “The Cossacks are back” автор затрагивает тему возрождения казаков в России, сравнивая их с ковбоями и самураями, что определенно является позитивным контекстом, но при этом автор использует эпитет, который придает казакам негативную оценку и связывает их с кровопролитием.

«The Kremlin is dipping into a deep pool of history: Cossacks are revered here for their bravery and pre-modern code of honor, like cowboys in the United States or samurai in Japan. But their legacy is bound up with battle and *vigilante-style violence*, including campaigns against Turks, Jews and Muslim highlanders» [6].

Другой пример связан с архитектурным памятником, который в глазах многих иностранцев является символом России. Речь идет о соборе Василия Блаженного. В данной статье говорится следующее: «It was particularly hilarious during the cold war. There was Khrushchev or Brezhnev gazing on sternly from a Kremlin balcony at the synchronized marching and Soviet military hardware scrolling past below, but the whole deadly solemn communist pomp was undercut by that garish *chunk of Disneyland architecture*

sitting in the corner, screaming "yoohoo!». St Basil's was like a *clown's nose* on the face of the evil empire» [23].

Журналист использует метонимию и метафору и сравнивает собор Василия Блаженного с Диснейлендом, который выглядит как нос клоуна на лице империи зла. В данной цитате ярко прослеживается неуважительное отношение к достоянию культуры, исходя из контекстного анализа можно сказать о негативном отношении к российской исторической и архитектурной реалии.

Таким образом, влияние СМИ на общественное мнение происходит на языковом уровне, при этом используются средства, которые обеспечивают манипуляцию общественным мнением и оказывают определенный эффект на читателя.

В свете вышесказанного, мы пришли к следующим выводам:

1) Создание негативного медиаобраза «Русский мир» осуществляется за счет использования метафор, эпитетов, антитез, аллюзий и языковых штампов. Помимо этого, в зарубежных СМИ часто встречаются статьи, в которых преобладает негативно семантически окрашенная лексика;

2) создание медиаобраза «Русский мир» на страницах зарубежных СМИ во многом зависит от существующих стереотипных представлений о России и русском народе;

3) в зарубежных СМИ не только подвергаются отрицательной оценке конкретные действия российских политиков, но и формируется негативный образ страны в целом как агрессивного государства, использующего имперские методы. Мы видим в этом процессе своеобразную метонимию – перенос свойств политиков на характеристику всей России;

4) отрицательный медиаобраз создается вокруг России в сфере политики, ментальности русского общества и взаимоотношений религии и государства, но он не затрагивает такие аспекты медиаобраза «Русский мир», как искусство, наука и спорт.

Литература

1. Бердяев, Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н. А. Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – 207 с.
2. Желтухина, М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ / Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2003. – Вып. 25. – 200 с.
3. Российские вести. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rosvesty.ru/2119/zarubezhom/8972-vneshnya-politika-v-smi>.
4. Рукавишников, В. О. Отношение американцев к современной России / В. О. Рукавишников // Политическая социология. М.: Академический проект, 2004 г. – 123 с.
5. Barry, E. In Panicky Russia It's Official: End of World Is Not Near / Ellen Barry // The New York Times, 01.12.2012.
6. Barry, E. The Cossacks are back / Ellen Barry // The New York Times, 16.03.2013.
7. Bullough, O. The Russians Are Shrinking / Oliver Bullough // The Wall Street Journal, 3.05.2013.
8. Cohen, N. An evil collusion between a tyrant and a man of God / Nick Cohen // The Observer, 19.08.2012.
9. Cole, J. Revenge of the Bear: Russia Strikes Back in Syria / Juan Cole // The Washington Post, 23.04.2013.
10. Corboy, D. Rising Tensions with Russia / Denis Corboy // The New York Times, 18.04.2013.
11. Elliot, N. Russia's Aggression Is a Challenge to World Order / Nicholas Elliot // The Wall Street Journal, 26.08.2013.
12. Franklin, K. Are Moldova and Ukraine at risk / Karen Franklin // Spiegel, 29.08.2013.
13. Friedman, M. For Russians, Corruption Is Just a Way of Life / Misha Friedman // The New York Times, 18.08.2012.
14. Gage, F. 2012: Repression's Watershed / Frances Gage // The New York Arts, 23.02.2013.
15. Harding, L. Cables condemn Russia as 'mafia state' / Luke Harding // The Guardian, 01.12.2010.
16. Harding, L. Vladimir Putin: the return of the king / Luke Harding // The Guardian, 27.10.2011.
17. Legge, J. Vladimir Putin and the Boston Bombings / James Legge // The Independent, 2.05.2013.
18. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. L., 2002. – P. 612.
19. Nibbe, J. Russia tests the limits of realism / Jay Nibbe // The Financial Times, 5.12.2006.
20. Ozernoy, L. Pussy Riot's jailing is just the latest chapter as Russia's church and state entwine / Llana Ozernoy // The Guardian, 28.08.2012.
21. Rachman, G. The Kremlin is killing Russia's rule of law / Gideon Rachman // The Financial Times, 4.12.2006.
22. Rajter, R. Russian Bear sets a trap / Robin de Rajter // The Washington Times, 12.01.2006.
23. Rosse, S. St Basil's Cathedral: Russia's faulty towers / Steve Rosse // The Guardian, 2.07.2011.
24. Tisdall, S. Putin prepares the Russian empire to strike back / Simon Tisdall // The Guardian, 1.12.2011.
25. Walt, V. The Bear is Back on the Prowl / Vivienne Walt // The Time, 13.09.2008.
26. Zigfeld, K. Putin's Russia: Still an Empire, Still Evil / Kim Zigfeld // The Independent, 11.03.2013.

References

1. Berdyaev, N. (1990) The fate of Russia. Experiments on the psychology of war and ethnic [Sudba Rossii. Opity po psihologii voyni I natsionalnosty], Mysl, Moscow. – P. 207.
2. Zheltuhina, M. (2003) "Tropological suggestiveness of mass-media discourse about the

problem of tropes' speech influence of media language"[Tropologicheskaya suggestivnost' mass-medialnogo diskursa: o problem rehevogovozdeystviyatropov v yazike SMI], Language, consciousness, communication: Collected papers, № 25.

3. Rossiyskiyevesti, available at: <http://rosvesty.ru/2119/za-rubezhom/8972-vneshnyapolitika-v-smi>.

4. Rukavishnikov, V. (2004) "American attitudes toward modern Russia" [Otnosheniye amerikantsev k sovremennoy Rossii], Political sociology, Moscow. – P. 123.

5. Barry, E. In Panicky Russia It's Official: End of World Is Not Near / Ellen Barry // The New York Times, 01.12.2012.

6. Barry, E. The Cossacks are back / Ellen Barry // The New York Times, 16.03.2013.

7. Bullough, O. The Russians Are Shrinking / Oliver Bullough // The Wall Street Journal, 3.05.2013.

8. Cohen, N. An evil collusion between a tyrant and a man of God / Nick Cohen // The Observer, 19.08.2012.

9. Cole, J. Revenge of the Bear: Russia Strikes Back in Syria / Juan Cole // The Washington Post, 23.04.2013.

10. Corboy, D. Rising Tensions with Russia / Denis Corboy // The New York Times, 18.04.2013.

11. Elliot, N. Russia's Aggression Is a Challenge to World Order / Nicholas Elliot // The Wall Street Journal, 26.08.2013.

12. Franklin, K. Are Moldova and Ukraine at risk / Karen Franklin // Spiegel, 29.08.2013.

13. Friedman, M. For Russians, Corruption Is Just a Way of Life / Misha Friedman // The New York Times, 18.08.2012.

14. Gage, F. 2012: Repression's Watershed / Frances Gage // The New York Arts, 23.02.2013.

15. Harding, L. Cables condemn Russia as 'mafia state' / Luke Harding // The Guardian, 01.12.2010.

16. Harding, L. Vladimir Putin: the return of the king / Luke Harding // The Guardian, 27.10.2011.

17. Legge, J. Vladimir Putin and the Boston Bombings / James Legge // The Independent, 2.05.2013.

18. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. L., 2002. – P. 612.

19. Nibbe, J. Russia tests the limits of realism / Jay Nibbe // The Financial Times, 5.12.2006.

20. Ozernoy, L. Pussy Riot's jailing is just the latest chapter as Russia's church and state entwine / LlanaOzernoy // The Guardian, 28.08.2012.

21. Rachman, G. The Kremlin is killing Russia's rule of law / Gideon Rachman // The Financial Times, 4.12.2006.

22. Rajter, R. Russian Bear sets a trap / Robin de Rajter // The Washington Times, 12.01.2006.

23. Rosse, S. St Basil's Cathedral: Russia's faulty towers / Steve Rosse // The Guardian, 2.07.2011.

24. Tisdall, S. Putin prepares the Russian empire to strike back / Simon Tisdall // The Guardian, 1.12.2011.

25. Walt, V. The Bear is Back on the Prowl / Vivienne Walt // The Time, 13.09.2008.

26. Zigfeld, K. Putin's Russia: Still an Empire, Still Evil / Kim Zigfeld // The Independent, 11.03.2013.

Т. В. Сапух

кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка, ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный университет»
e-mail: tatsap@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ОПЫТА ИНТЕРАКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ОСНОВЕ ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

В настоящее время большое значение придается вопросу улучшения качества обучения иностранным языкам, нахождению эффективных путей, которые могли бы совершенствовать интеллектуальное, творческое развитие личности. Приоритет в работе педагога отдается приемам опосредованного педагогического воздействия: на первый план выдвигаются диалогические методы общения, совместный поиск истины, развитие через создание воспитывающих ситуаций, разнообразную творческую деятельность. Опираясь на современные исследования в данной области, автор рассматривает формирование опыта интерактивного взаимодействия на основе технологии развития критического мышления.

По мнению автора, интерактивное взаимодействие наиболее значимо именно для студентов, которые уже имеют опыт отношений с миром, ориентированы на самопознание и самореализацию и потому расположены делиться им с окружающими, прежде всего сверстниками, для самоутверждения и подтверждения собственных оценочных суждений.

Структура педагогической технологии развития критического мышления стройна и логична, так как ее этапы соответствуют закономерным этапам когнитивной деятельности личности.

Опыт практической деятельности автора показал, что в начале занятия (стадия вызова) необходимо таким образом организовать работу, чтобы студенты имели возможность доказать или опровергнуть установленные утверждения. После знакомства с основной информацией следует возвратиться к приведенным утверждениям и оценить их достоверность.

На стадии осмысления осуществляется непосредственная работа с новой информацией. Обучающиеся знакомятся с текстом, используя активные методы чтения (маркировка с использованием специальных значков), они ведут различные записи, ищут ответы на вопросы, сформулированные в начале занятия. На стадии рефлексии студентов просят вернуться к первоначальным записям – предположениям, соотнести «новую» и «старую» информацию. Интерактивное взаимодействие способствует выбору и принятию решения студентами в ситуациях неопределенности или противоречивости исходных данных, личностной коррекции стратегии поведения и общения.

Ключевые слова: интерактивное взаимодействие, критическое мышление, технология развития критического мышления.

В XXI веке, провозглашенном ЮНЕСКО веком полиглотов, весь цивилизованный мир стремится к открытости и взаимопониманию. В связи с этим возрастает роль и значимость изучения иностранных языков. На основе глобальных изменений реформируется и современная российская высшая школа, происходит существенное обновление содержания и методов обучения иностранному языку. Важным делом становится воспитать личность обучаемого, которая хочет и может участвовать в межкультурной коммуникации на иностранном языке. Это позволит развить его индивидуальное, неповторимое мышление, которое будет способствовать формированию своей собственной точки зрения на мир, на общие вопросы бытия.

В настоящее время большое значение придается вопросу улучшения качества обучения иностранным языкам, нахождению более эффективных путей, которые могли бы совершенствовать интеллектуальное, творческое развитие личности. В преподавании иностранных языков это находит выражение в ориентации процесса обучения на развитие личности студентов средствами учебной дисциплины «Иностранный язык» в контексте культурологического и проблемного подходов. Особенностью культурологического подхода является то, что культура вводится как объект обучения иностранному языку и рассматривается, наряду с языком, как основное содержание обучения. Если целью современного образования является овладение студентами картиной мира, то задача обучения иностранному языку – освоение не только привычной картины мира, отраженной в родном языке, но и новой картины мира, отраженной в иностранном языке. Именно в указанном сопоставлении кроется импульс проблемности, что позволяет считать иностранный язык особенной учебной дисциплиной, являющимся и целью, и средством обучения, воспитания, развития через осознание себя в привычном и новом образовательном и жизненном пространствах, имеющих не только интеллектуальные, но и духовные ценности. Именно через диалог культур обучаемым предоставляется возможность взглянуть на свою культуру со стороны, сравнить ее с культурой другой страны, изменить точку зрения на мир, на

перспективы его развития и социального взаимодействия с позиции толерантности [4].

Один из основных факторов развития личности – познание человеком окружающего мира. Как справедливо отмечает И. Харитоновна, познание необходимо человеку для успешного осуществления преобразовательной деятельности, для оказания такого организационного воздействия на объекты внешней среды, которое позволяет чувствовать себя в ней комфортно. Для организационной деятельности как в духовной, так и в материальной сфере человек должен обладать необходимой информацией, которая интериоризуется в памяти индивида и экстериоризуется посредством языка [6].

Интерактивное взаимодействие наиболее значимо для студентов, которые уже имеют опыт отношений с миром, ориентированы на самопознание и самореализацию и потому расположены делиться им с окружающими, прежде всего сверстниками, для самоутверждения и подтверждения собственных оценочных суждений. Интерактивное взаимодействие наиболее интересно как процесс, который в наибольшей степени способствует возникновению личностного опыта студентов. Поскольку центральным признаком интерактивного взаимодействия является личностно и ситуационно обусловленная необходимость самоопределения индивида в возникающих отношениях, постольку актуализируется потребность в выборе позиции, рефлексивной самооценке, согласовании собственных представлений о чем-либо с точками зрения других людей.

Выдающийся мыслитель и ученый, основоположник теоретического языкознания В. фон Гумбольдт считал, что овладение другим языком есть приобретение нового видения мира. «Освоение иностранного языка можно было бы уподобить завоеванию новой позиции в прежнем видении мира; до известной степени фактически так дело и обстоит, поскольку каждый язык содержит всю структуру понятий и весь способ представленной определенной части человечества» [2].

Опыт межкультурного общения и функционирования в ином культурно-языковом пространстве способствует развитию когнитивной гибкости, показателями которой являются следующие факторы: готовность

к восприятию явлений, не знакомых индивиду из предшествующего опыта; отказ от попытки «втиснуть» новый опыт в жесткие рамки собственных представлений; признание права представителей другой культуры на восприятие мира с иных позиций; способность преодолению стереотипов (Е. Чайка). Когнитивная гибкость в рамках межкультурной коммуникации, в свою очередь, способствует формированию и развитию навыков и умений адекватного использования иностранного языка в конкретной ситуации кросскультурного общения.

Как полагает Н. Д. Гальскова, развитие личности учащегося, находящегося в соизмерении по меньшей мере двух лингвокультур, осуществляется на основе собственного мировидения и миропонимания и предполагает восприятие и рефлексию собственных ценностей и общественных взаимосвязей (именно это обстоятельство и позволяет отождествлять обучение иностранным языкам в контексте межкультурной парадигмы не только с коммуникативным и социокультурным, но и когнитивным развитием личности обучающегося). Учащийся, сопоставляя различные концептуальные системы, обогащает свое сознание за счет интернализации мира за пределами своей родной культурной реальности и средств ее структурирования [1].

Таким образом, предмет «Иностранный язык» дает возможность учащимся воспринять красоту языка, испытать радость от способности выражать посредством его свои переживания, вступать в контакт с носителями иной лингвокультуры, иных мнений и воззрений, продумывать свои речевые поступки и отвечать за них. Владение иностранным языком как средством общения требует умения ориентироваться в определенной ситуации, обусловленной сферами общения, находить наиболее эффективные пути и средства решения возникающих задач, прогнозировать результаты своей учебно-коммуникативной деятельности. Когнитивная деятельность в этом случае заключается в актуализации полученных знаний, умений и навыков, использовании приемов, методов и средств овладения предметом «Иностранный язык» [3].

Личностно-развивающий компонент учебно-познавательной деятельности на занятиях по иностранному языку предпола-

ет востребованность и актуализацию следующих личностных функций студентов:

1) рефлексия своего поведения с точки зрения представлений о нормах деятельности и поведения, предусмотренных родной и иноязычной культурами;

2) ответственность за принятие решений и свои поступки во взаимоотношениях с иноязычными партнерами;

3) нравственный выбор, принятие новых ценностей на основе сформированных представлений;

4) ориентация в межкультурных ситуациях общения, построение личностной модели деятельности, определение своего места в ней;

5) мотивирующая, предполагающая принятие и обоснование новой системы ценностей.

Активность студентов в интерактивном взаимодействии возрастает в ситуациях рефлексии самого себя и анализа ситуации. Рефлексия не только способствует осознанию собственного поведения, но и продуцирует процесс самосовершенствования. Интерактивное взаимодействие способствует выбору и принятию решения студентами в ситуациях неопределенности или противоречивости исходных данных, личностной коррекции стратегии поведения и общения. В интерактивном образовании удается, на основе рефлексии, достичь как осознания студентом различных аспектов самореализации, так и путей преодоления неудовлетворенности собой [5].

Сама структура и содержание интерактивного взаимодействия студентов предполагает осуществление ими переговорного процесса, в ходе которого и происходит актуализация их ценностных ориентаций. Одновременно с реализацией ценностного потенциала интерактивного взаимодействия осуществляется обучение студентов изложению своих мыслей, обоснованию выдвинутых предложений, убеждению своих сокурсников в необходимости каких-либо действий, выбору стратегии общения для победы на переговорах, другие личностно значимые ситуации самоопределения.

Последнее утверждение подводит к пониманию того, насколько существенно меняется в современных условиях представление о назначении и ценности интерактивного

взаимодействия в образовании. Эти изменения связаны с тем, что ведущей областью педагогического взаимодействия преподавателя и студента становится не столько само информационное сообщение, понимаемое как текст, сколько интерпретация фактов этого сообщения, т. е. подтекст сообщения.

Правильно понять трудный текст – это значит не просто выделить в словесном источнике смысловые части, а, прежде всего, разрешить содержащиеся в нем трудности. Обучающиеся, как правило, работают с двумя основными типами текстов: информационным (научным – учебник, монография; публицистическим – статья в газете) и художественным (литературное произведение) [7].

В начале занятия (*стадия вызова*) будет рациональным использование приема «Верные и неверные утверждения» или «Верите ли вы?». Например, обучающимся предлагается выбрать «верные утверждения» из какого-либо описания исторического события. Затем необходимо таким образом организовать работу на занятии, чтобы студенты имели возможность доказать или опровергнуть установленные утверждения: предложить тексты исторических документов, статистический материал, параграф учебника и т. п. После знакомства с основной информацией следует возвратиться к приведенным утверждениям и оценить их достоверность.

На *стадии осмысления* осуществляется непосредственная работа с новой информацией, идет продвижение от незнания к знанию. Обучающиеся знакомятся с текстом, используя активные методы чтения (маркировка с использованием специальных значков), они ведут различные записи, ищут ответы на вопросы, сформулированные в начале занятия.

Третья стадия критического мышления – *рефлексия*. Студентов просят вернуться к первоначальным записям – предположениям, соотнести «новую» и «старую» информацию. Например, прием развития критического мышления «Кластеры» позволяет систематизировать информацию, устанавливать причинно-следственные связи. При работе над проектами можно грамотно строить предположения, используя прием «Дерево предсказаний».

Обмен мнениями при работе с нагляд-

ными источниками информации – наиболее эмоциональный и активный вид деятельности обучаемых. Во время работы в группе проявляется индивидуальность каждого человека, вырабатывается опыт совместной деятельности. Прием критического мышления, который позволяет формировать коммуникативную культуру в процессе групповой работы – метод дискуссии. Студенты во время обмена информацией развивают критическое и рефлексивное мышление, расширяют границы восприятия за счет разных подходов к одному и тому же предмету или явлению; они могут сопоставить собственное Я с мнением других участников обсуждения.

Написание эссе – еще один современный прием технологии развития критического мышления, который позволяет раскрыть интересующую тему и подчеркнуть собственное мнение, возникшее после работы с наглядными источниками информации. Эссе – это жанр публицистики, дающий возможность свободно трактовать интересующую тему или проблему.

Стратегия критического мышления «Словарная карта» учит пользоваться фоновыми знаниями, контекстом, словарями, усваивать новые понятия и термины, применять их практически. Когда обучаемым предлагается определить место нового слова в уже имеющейся понятийной системе, усвоение происходит гораздо успешнее. Расширение словарного запаса мы рассматриваем как интерактивный практический процесс. Работа строится следующим образом: в ходе получения любого вида информации обучаемые концентрируют свое внимание на новых понятиях и терминах, являющихся ключевыми в данной теме. Студентам предлагается вспомнить, что они знали раньше об этом понятии, и расширить свои знания, а также, используя контекст и словари, вывести осознанное и усвоенное значение слова. Словарная карта может содержать следующие элементы: новое слово; место его нахождения; словоупотребление, ассоциацию или пример; другую форму слова; дефиницию; синоним; антоним; предложение, найденное в книге; собственное предложение.

Таким образом, при обучении иностранному языку мы можем решать задачу не только формирования опыта интерактивного взаимодействия, но и развивать кри-

тическое мышление студентов средствами иностранного языка. Иностранный язык в данном случае является как целью, так и средством обучения. При чтении текста или прослушивании информации мы должны понять главную мысль, воссоздать логику изложения, выделить проблему, сопоставить с тем, что мы уже знаем в этой области, и определить, какая дополнительная информация нам необходима, чтобы сделать вывод и сформулировать свою точку зрения по конкретному вопросу или проблеме. Как

видим, это требует сформированности определенных интеллектуальных умений. Мы должны уметь проанализировать собранные данные, оценить их значимость, выбрать необходимое, структурировать информацию, затем синтезировать, чтобы использовать при решении проблемы, аргументировать свою точку зрения. Все это умения критического мышления. Формирование и развитие умений критического мышления должно осуществляться на всех этапах обучения иностранному языку.

Литература:

1. Гальскова, Н. Д. Межкультурное обучение: проблема целей и содержания обучения иностранным языкам / Н. Д. Гальскова // Иностр. яз. в shk. 2004. № 1. – С. 5.
2. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М., 1999. – С. 70.
3. Дергач, А. А. Педагогическая эвристика. Искусство овладения иностранным языком / А. А. Дергач, С. Ф. Щербак. – М.: Педагогика, 1991.
4. Леонтович, О. А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию: учеб. пособие / О. А. Леонтович. – Волгоград: Перемена, 2003.
5. Назаров, Н. В. Ценностный потенциал интерактивного взаимодействия студентов / Н. В. Назаров / Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 2 (121). – С. 244
6. Харитонов, И. Информация, язык и развитие личности: философский аспект / И. Харитонов // Развитие личности. 2004. № 3. – С. 47.
7. Шамов, А. Н. Коммуникативно-когнитивный подход в обучении лексической стороне речи в условиях средней школы / А. Н. Шамов // Формирование иноязычных компетенций на занятиях по иностранному языку: межвуз. сб. науч. ст. Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008.

References:

1. Galskova, N. (2004) "Intercultural learning: the problem of aims and content of teaching foreign languages" [Mezhkulturnoie obytcnenye: problema tzeley i sodержanya obytcnenya inostrannym yazykam], Foreign languages at school, № 1. – P. 5.
2. Gymboldt, W. (1999) "Selected works on linguistics" [Izbrannye trydy po yazhykozhnaniy], Moskva. – P. 70.
3. Dergach, A. A., Scherbak, S. F. (1991) "Pedagogical heuristics. Art of mastering a foreign language" [Pedagogyscheskay aevristika. Iskusstvo ovladenya inostrannym yazhykom], Moskva, Pedagogyka.
4. Leontovich, O. A. (2003) "Russia and the United States: An Introduction to Intercultural Communication: text book manual" [Rossiya i SSHA: Vvedenye v mezhkyltyrnyiu kommynikatsiy: ytchebnoie posobie], Volgograd, Peremena.
5. Nazarov, N. V. (2011) "The value potential of students' interaction" [Tzennostnyi potentzial interaktivnogo vzaimodeistviya stydentov], Bulletin of the Orenburg State University, № 2 (121). – P. 244.
6. Kharitonova, I. (2004) "Information, language and personal development: philosophical aspect" [Informatsiya, yazhyk i razvitie lischnosti: filosofskiy aspekt], Development of the Personality, № 3. – P. 47.
7. Shamov, A. N. (2008) "Communicative-cognitive approach in training lexical side of speech in middle school" [Kommynikativno-kognitivnyi podkhod v obytcnenii leksicheskoi storone petchi v ysloviyakh srednei scholy], Formation of Foreign Language Competence in Foreign Language Classes, N. Novgorod, NGLU im. N. A. Dobrolybova T.V.

Л. Г. Чапаева

кандидат педагогических наук, доцент кафедры романской
филологии и методики преподавания французского языка,
ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный университет»
e-mail: chapaevalg@rambler.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ОБУЧЕНИИ ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ

В статье рассматривается место и значение грамматического аспекта в обучении французскому языку студентов-лингвистов с точки зрения традиционного, коммуникативного и функционального подходов. Подчеркивается сложность и многогранность грамматических навыков, среди которых выделяют рецептивные (активные и пассивные), а также языковые и речевые грамматические навыки, обуславливающие необходимость комплексного подхода в формировании грамматической компетенции будущих переводчиков, которая проходит в три этапа. Обосновывается необходимость разработки специальных практикумов, которые позволят преодолеть трудности будущих профессионалов в изучении грамматики и усилить ее коммуникативную направленность, а также примирить две противоположные тенденции, исторически сложившиеся в обучении грамматике: переоценку ее роли в обучении и недостаточное внимание к ней со стороны методистов.

Ключевые слова: грамматическая компетенция, коммуникативный метод, функциональный подход, студенты-лингвисты.

Формирование грамматической компетенции студентов-лингвистов является актуальной проблемой, поскольку только овладение на высоком уровне грамматической составляющей коммуникативной компетенции обеспечит выпускникам возможность успешного решения задач в профессиональной деятельности в условиях возрастающей конкуренции на рынке труда.

Грамматика занимает особое место в системе лингвистических наук. Получив название от греческого слова «грамма» («буква»), что роднит ее со словами «грамотный», «грамотей», грамматика как самостоятельная наука существует более двух тысяч лет.

Анализ определений слова «грамматика», представленных в современных толковых словарях, позволяет выделить его основные значения: 1) грамматический строй языка; 2) раздел языкознания, изучающий такой

строй; 3) совокупность правил изменения слов, их соединений в сочетания, предложения, тексты; 4) учебник, содержащий описание правил.

Вместе с тем, как отмечают французские исследователи (Henri Besse, Rémy Porquier), термин «грамматика» остается неоднозначным. Грамматика включает в себя описание правил функционирования языка в целом; совокупность предписаний, «навязанных» тому, кто уже владеет языком; а также система правил, которая будет усвоена тем, кто приступает к изучению языка [8].

Другие (Claude Germain и Hubert Séguin) различают грамматику лингвистическую, которая «описывает грамматическую компетенцию безотносительно к практике»; грамматику специальную (грамматика конкретного языка); грамматику педагогическую. Последняя предлагает «описание конкрет-

ных проявлений грамматической компетентности пользователя языка, воспринимаемые обучающимся. Она представлена в виде программы изучения грамматики для обучающего или учебника грамматики для изучающего иностранный язык» [6]. J.-J. Richer называет педагогическую грамматику «предписывающей, или нормативной» [7].

Неоднозначность определений подчеркивает сложный и комплексный характер грамматики как науки и трудности в выборе адекватной методики ее преподавания в процессе изучения иностранных языков.

Роль грамматики в методике преподавания французского языка как иностранного менялась под воздействием ряда факторов, среди которых наиболее значимыми оказались развитие теории лингвистики, изменение государственной политики в области образования, результатов обучения.

При определении роли грамматики в преподавании необходимо отметить наличие двух противоположных тенденций: с одной стороны, преувеличение ее роли грамматики и, с другой, сокращение часов, отводимых на ее изучение. Исторический опыт показал, что реализация любой из крайностей отрицательно сказывается на результатах обучения.

Для осознания роли грамматики в преподавании иностранного языка рассмотрим методы ее изучения в рамках различных подходов.

В рамках традиционного подхода грамматика занимала центральное место и являлась целью обучения. Знание грамматики было тождественно знанию языка, который воспринимался как свод грамматических правил. При прямом подходе грамматика теряет свой статус основы знания языка. Обучение носит имплицитный характер. Аудиовизуальный подход рассматривает грамматику как совокупность структур, отобранных для освоения на основе сопоставительного анализа родного и иностранного языков. Грамматический метаязык исключается.

Коммуникативный подход получил распространение во Франции с 1970 года в связи с выдвиганием новой цели обучения – овладение языком как средством общения. Грамматика также изучается в ситуации общения, для ее освоения требуется тщательный отбор речевых тем, интенций, которые

должны отражать практические интересы и потребности обучающихся.

В основе коммуникативной грамматики лежат идеи коммуникативной лингвистики, психологической теории деятельности, концепция развития индивидуальности в диалоге культур. Основным положением коммуникативной лингвистики является выделение в качестве единицы коммуникации речевого акта, регулируемого правилами речевого поведения. Совокупность речевых актов образуют связный текст – дискурс. Основой для формирования дискурса является речевая интенция коммуниканта, что предполагает функциональный подход к отбору материала, владение тактикой коммуникации, освоение социальных ролей участников. Психологическим обоснованием стал личностно-деятельностный подход, при котором личность рассматривается как субъект деятельности, а обучение направлено на формирование речевых умений. Содержанием обучения становится и культура его носителей, при обучении должны учитываться возрастные и индивидуально-психологические особенности личности обучающихся.

В 80-е годы XX века коммуникативный подход к обучению вступил в новый этап. Появились такие категории, как коммуникативная компетенция, языковая личность, языковое сознание. Методологическим базисом для лингвистики становится функционализм. Центральным положением функциональной лингвистики является представление о языке как инструменте, позволяющем человеку познавать и описывать окружающий мир.

Французские ученые в 1976 году создали Международное общество функциональной лингвистики. Вышла книга под редакцией А. Мартине «Функциональная грамматика французского языка» [5].

Традиционно грамматика характеризуется направлением исследования от формы к семантике. Функциональная грамматика предполагает определяющую роль подхода «от семантики к средствам ее выражения».

Функциональная грамматика направлена на изучение и описание системы функций грамматических средств, что предполагает осуществление двух процессов: 1) классификацию грамматических средств, участвующих в реализации изучаемых явлений; 2) анализ и обобщение семантических

функций, реализуемых в грамматических средствах.

Направление от функций к средствам соответствует точке зрения говорящего, а направление от средств к функциям – точке зрения слушающего. Это обуславливает синтез аспектов грамматики для слушающего (пассивной) и для говорящего (активной).

Мы придерживаемся следующей точки зрения: грамматика содержит функциональный и формальный аспекты, они существуют в органическом единстве. Формальный представлен системой грамматических единиц, классов и категорий – т.е. номенклатурой средств, которые находятся в распоряжении говорящих и позволяют им строить высказывания. Второй аспект – это система закономерностей функционирования грамматических единиц, участвующих в выражении смысла высказывания. Без формального описания грамматики невозможно изучать функциональную грамматику.

Преподавание нормативной грамматики французского языка студентам филологического факультета Оренбургского государственного университета выявил целый ряд вопросов, касающихся трудностей усвоения грамматики:

1) студенты не владеют на должном уровне знаниями по грамматике русского языка, что усложняет понимание аналогичных структур изучаемого языка и требует много времени на объяснение элементарных понятий;

2) многие студенты испытывают затруднения при изучении французской грамматики на французском языке;

3) студенты осуществляют механический перенос известных им форм и структур русского языка на изучаемые явления во французском языке;

4) студенты не обладают достаточно развитыми навыками корректного употребления форм грамматических явлений;

5) студенты используют только простые грамматические структуры;

6) студенты испытывают затруднения при самостоятельном анализе грамматических структур, проведении самостоятельной внеаудиторной работы и осуществлении самоконтроля;

7) студенты затрудняются в ситуативном использовании грамматических явлений;

8) в учебниках грамматики не затрагива-

ются нюансы стилового использования грамматических явлений; упражнения направлены на формирование языковых навыков.

Преподавание грамматики студентам должно исходить из данных реалий, необходимо помочь им преодолеть вышеназванные трудности. Актуальной становится модернизация содержания грамматического аспекта иностранного языка и выбора форм и методов его изучения.

Мы разделяем мнение тех методистов, которые считают, что не существует универсального метода формирования грамматической компетенции. Выбор зависит от многих факторов: цели и условия обучения; категории обучающихся, уровня их обученности и обучаемости; этапа обучения; характера изучаемого материала и др.

Грамматическая компетенция представляет собой сложное явление, так как грамматический навык по своей природе неоднороден. В самом общем виде он представляет собой способность извлекать из долговременной памяти грамматические средства речи. Е. И. Пассов определяет его как способность обучающегося выбрать модель, адекватную речевой задаче, и оформить ее согласно нормам изучаемого языка [3].

Среди грамматических навыков выделяют рецептивные (активные и пассивные), а также языковые и речевые грамматические навыки.

Рецептивные навыки позволяют узнавать грамматические явления в устной и письменной речи. Под языковыми навыками понимаются операционные навыки образования отдельных форм и структур. Психологическую основу их составляют интеллектуальные действия, выполняемые на основе знания правил. Речевой грамматический навык – это способность автоматизированного употребления грамматических явлений в речи. Его психофизиологической основой являются речевые связи, формируемые в процессе приобретения индивидуально-речевого опыта: овладения различными видами речи – ситуативной и контекстной, диалогической и монологической, устной и письменной.

Языковые навыки создают основу для владения речевыми грамматическими действиями и формирования речевого грамматического автоматизма.

Характер навыка определяет характер

упражнений: языковые приобретаются в неситуативных упражнениях, а речевые успешно формируются в процессе решения конкретной коммуникативной задачи.

Мы полагаем, что формирование грамматической компетентности студентов, изучающих язык в качестве основной специальности, заключается в развитии умения понимать и выражать мысли в процессе распознавания и производства грамотно сформулированных высказываний. Это умение отличается от заучивания готовых речевых образцов, что является единицей изучения в средней школе. Студенты должны владеть умением изменять и сочетать слова, что является важным условием практического владения языком, которое будет эффективным только в том случае, если оно осуществляется автоматизировано и включает речевые грамматические навыки, составляющие основу речевого грамматического умения.

Таким образом, современное обучение грамматике должно сочетать в себе элементы формального анализа, а также функциональной и коммуникативной практики. Усиливая коммуникативную сторону, не следует игнорировать тот факт, что последовательность формирования грамматических навыков возможна лишь от языковых к речевым навыкам, поскольку выход в речь возможен только на основе усвоения знаний, то есть изучение формальной стороны должно предшествовать функциональной.

Формирование грамматической компетенции осуществляется на основе упражнений языкового и речевого характера: предваряющее слушание, имитация, однотипность и регулярность фраз, действие по аналогии в речевых условиях, безошибочность, регулярное подкрепление, разнообразие «обстоятельств» автоматизации [3]. Затем грамматическая компетенция начинает функционировать в составе сложной системы речевых умений в аудировании, чтении, говорении и письменной речи.

Основными этапами формирования грамматической компетенции являются [4]:

– ознакомительно-подготовительный: знакомство с грамматическим материалом, освоение ориентиров для распознавания форм;

– этап автоматизации: выполнение действий на основе репродуктивных и условно-продуктивных упражнений, при выполне-

нии которых начинается работа по овладению речевых грамматических навыков;

– этап формирования речевых грамматических умений, когда грамматические навыки и умения функционируют в составе речевых умений.

Таким образом, только на третьем этапе речь может идти о решении реальных коммуникативных задач.

Согласно учебному плану бакалавров лингвистики, обучающихся по стандартам третьего поколения, на изучение грамматики отводится 7 учетных единиц, что составляет 102 часа. Учитывая, что на специальность «Перевод и переводоведение» принимаются абитуриенты, изучавшие в средней школе английский язык, и французский язык они начинают изучать только в университете, выполнение коммуникативных задач не может осуществляться в рамках курса практической грамматики.

Чтобы освоить коммуникативную грамматику на основе функционального подхода, необходимо создание специальных практикумов, которые дополнят курс практической грамматики. На этом этапе обучения уже изучены грамматические явления, подлежащие активному усвоению, теперь необходимо привести их в систему, объединив, например, все способы выражения предшествования, законченности, побудительности и т. д.

Материал для освоения формируется с использованием функционально-семантических полей (ФСП) – термина, предложенного А. В. Бондарко [1]. ФСП – система языковых единиц, категорий, объединенных на основе общности функций, обусловленных определенной семантикой.

Такая структура обучения грамматике (от традиционной к функциональной) логична, так как вначале формируются грамматические навыки, а затем грамматические умения. При этом происходит совершенствование речи студентов, они обучаются правильно строить дискурс, используя адекватные грамматические средства.

Работа по формированию дискурсивной компетенции предусматривает несколько стадий. Например, студентам дается задание выразить отношение к высказыванию. На первом этапе он должен использовать определенное грамматическое явление. На второй стадии обучения дискурсу студент получает

задание выразить отношение к чему-либо, при этом он может использовать любые адекватные средства. На третьей стадии студент выражает отношение к данному высказыванию и аргументирует свою точку зрения.

Изучение основ функциональной грамматики позволяет не только показать взаимодействие языковых единиц разных уровней, но и обучать правилам выбора этих единиц для нужд языкового общения. Например, приглашение к действию может быть выражено по-разному: *Voudriez-vous prendre une tasse de café?* – *Prenez une tasse de café, s'il vous plait!* – *Si nous prenions une tasse de café!* – *Je voudrais prendre une tasse de café, et vous?* – *Je vais prendre une tasse de café.* *Voudriez-vous me tenir compagnie?* При вы-

боре конструкции студент исходит из особенностей речевой ситуации, оценивает, насколько близкие отношения связывают его с собеседником, каков его возраст и социальный статус, заинтересован ли говорящий в том, чтобы его партнер по общению принял предложение.

Таким образом, обучение грамматике студентов-лингвистов не может осуществляться в рамках одного подхода. Только интеграция традиционного, коммуникативного и функционального подходов является «золотой серединой» [2], примирившей две сложившиеся точки зрения на грамматику в курсе иностранного языка: переоценка ее роли и неоправданное сокращение грамматического материала, с другой стороны.

Литература

1. Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики: Введение / А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1987. – С. 5–39.
2. Соловова, Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: Практикум к базовому курсу: Учебное пособие для вузов / Е. Н. Соловова. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 192 с.
3. Пассов, Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е. И. Пассов. – М.: Просвещение, 2-е изд., 1991. – 216 с.
4. Шатилов, С. С. Теоретические основы методики обучения грамматическому аспекту иноязычной речи // Общая методика обучения иностранным языкам / Сост. Леонтьев А. А. – М.: Рус. яз., 1991. – С. 295–305.
5. André Martinet, Grammaire fonctionnelle du français // Centre de recherche et d'étude pour la diffusion du français CRÉDIF, 1984. – 276 p.
6. Claude Germain et Huben Séguin, Le point sur la grammaire // Paris: CLE International – 1998. – 59 p.
7. Jean-Jacques Richer, La didactique des langues interrogée par les compétences: Éditions E.M.E. & InterCommunications. – 2012. – 194 p.
8. Henri Besse et Rémy Porquier, Grammaires et didactique des langues // Paris: Crédif. Hatier/Didier. – 1991. – P. 3–22.

References

1. Bondarko, A. V. (1987) The theory of Functional Grammar: Introduction [Teoriya funktsional'noy grammatiki: vvedeniye] / A. V. Bondarko. – Leningrad: Nauka. – P. 5–39.
2. Solovova, E. N. (2008) Methodology of teaching foreign languages: basic studies [metodika obuchenija inostrannym yazykam: praktikum k basovomu kursu]: Textbook for Universities / E. N. Solovova. – Moscow: AST: Astrel. – 192 p.
3. Passow, E. I. (1991.) Communicative method of teaching foreign speaking [Kommunikativnyy metod obucheniju inoyazychnomu govoreniju] – M.: Education, 2nd ed. – 216 p.
4. Shatilov, S. S. (1991.) Theoretical Foundations of methods for teaching grammatical aspect of foreign speech [teoreticheskie osnovy metodiki obuchenia grammaticheskomu aspektu inoyazychnoi rechi] / General methods of teaching foreign languages. // Comp. Leontiev. – M. – Rus. lang. – P. 295–305.
5. André Martinet, (1984) Functional Grammar of French // Centre for Research and Study for the dissemination of French CRÉDIF. – 276 p.
6. Claude Germain et Huben Séguin, (1998) Focus on grammar // Paris: CLE International. – 59 p.
7. Jean-Jacques Richer, (2012.) Language teaching skills questioned by: Éditions EME & Intercom. – 194 p.
8. Henri Besse and Rémy Porquier, Grammar and Language Teaching // Paris: Crédif. Hatier / Didier. – P. 3–22.

О. В. Эпштейн

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный педагогический университет»
e-mail: olgangleter@gmail.com

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ЧЕРНОГО ЮМОРА

Чёрный юмор рассматривается в статье как лингвокультурный феномен современности во всем многообразии средств вербализации. Актуальность исследования определяется пристальным интересом научной аудитории к эстетическому эффекту, производимому в результате семиотической игры. Автором предпринята попытка разобраться в природе черного юмора и доказать, что двойственная природа данного понятия носит парадоксальный характер. В статье выделены универсальные и специфические (национальные) виды черного юмора. Подробному анализу подвергнут тематический спектр черного юмора в количестве десяти выделенных тем на материале англоязычных художественных и креолизованных текстов. Помимо тематического разнообразия автором сформулированы лингвистические, семиотические и прагматические грани изучения феномена черного юмора. В итоге, чёрный юмор определяется автором как некая перестановка или изменение комбинации известных культурных формул.

Ключевые слова: чёрный юмор, лингвостилистический прием, семиотическая игра, «тематический парк».

Ни одна область знания не развивается во всем мире столь бурно и стремительно, как изучение юмора [7]. Понятие черного юмора также достаточно прочно вошло в тезаурус современного человека. Оно звучит в бытовых разговорах, слышится с экранов телевизоров или со сцены, встречается в газетных заголовках и статьях, анализируется в специальных исследованиях и обсуждается литературными критиками.

Чёрный юмор – явление, которое имеет долгую историю бытования в устной традиции и литературе, в различных культурах. Оно успело стать объектом внимания специалистов разных областей знания: психологов, философов, социологов, литературоведов, культурологов и др. Его определение варьируется от работы к работе в зависимости от целей исследования и явлений куль-

туры, подразумеваемых под этим понятием каждым отдельным автором. Таким образом, актуальность исследования, освещаемого в данной статье, определяется тем, что в наше время на первое место в культуре выдвигаются попытки достижения разнообразных эстетических эффектов за счет столкновения знаков, перевода из одной семиотической системы в другую и иных видов семиотической игры.

В статье затрагивается проблема изучения понятия черного юмора и анализа языковых средств его выражения на вербальном уровне в художественном и креолизованном текстах. Целью данной статьи является исследование лингвостилистических механизмов порождения черного юмора на материале художественной литературы, фильмов и анимационных ситкомов.

Прежде чем перейти к анализу особенностей черного юмора, следует разобраться в самой природе смеха. Момент возникновения человеческого смеха скрыт от нас завесой времени. Смех был магическим средством создания жизни, тем не менее у многих народов издавна существовал ритуал осмеяния смерти. Осмеяние уродств, страданий, и смерти было неотъемлемой частью народного балагана, ерничания скоморохов и шутов. Естественный интерес к смерти и другим «черным» сторонам жизни являлся и остается одним из способов освоения действительности, а смех позволяет отстраниться от пугающих событий, преодолеть страх перед ними, почувствовать себя при этом более сильным, смелым и неуязвимым. Следовательно, возникновение черного юмора можно вполне объяснить потребностью человека отстраниться от трагических событий в жизни через их осмеяние.

В отличие от других видов юмора черный юмор порождает двойственную реакцию – сначала смех, вызванный развлекательным аспектом рассказанной шутки, а затем ужас или даже стыд от первоначальной реакции. Двойственная природа феномена черного юмора подтверждается еще и тем, что с одной стороны он представляет собой циничное глумление над человеческими ценностями, а с другой – помогает притупить страх смерти, эмоционально преодолеть унижения, дискриминацию [5, с. 14]. Такая двойственность проявляется даже в самом выражении «черный юмор» как парадокс. Слово «черный» согласно тезаурусу Роже оказывается в одном ряду со словами «печальный», «похоронный», «зловещий», «пагубный», «смертельный» и т.п., в то время как слово «юмор» ассоциируется с весельем, шуткой, смехотворной ошибкой. Таким образом, черный юмор всегда будет находиться на грани между смешным и ужасным или даже отвратительным. Крен в одну из этих сторон сразу же нарушит баланс, но в любом случае оценка черного юмора всегда останется субъективной.

Семантическое поле черного юмора достаточно широкое: болезни, увечья, несчастья, унижения, сексуальная несостоятельность, неудачи, нехватка различного рода (пищи, удобств, самоутверждения, недостаток свободы, расизм и репрессии). С точки зрения

распространенности выделяют универсальные виды черного юмора: юмор о профессиях, юмор о межличностных отношениях, юмор о детях, юмор о человеческих недостатках/инвалидах. К специфическим или национальным видам юмора относят политический черный юмор и этнический.

Наиболее частотной классификацией черного юмора является тематическая. Так, в «Антологии черного юмора» выделяются темы животных, героев народных сказок и художественных произведений, политики, людей, техники (несчастные случаи), «человеческих» отношений, семьи, добычи и приема пищи, развлечений, боли и мучений [1].

В своей монографии М. А. Кулинич также предлагает классификацию транскультурных тем для шуток и анекдотов, включающую следующие компоненты: статусная оценка пола основана на ожиданиях, т.е. прогнозировании типового поведения исполнителя роли мужчины или женщины; сексуальный юмор; пьянство и пьяные; полиция; военные; юмор в общественной жизни; курение и тщетные попытки его бросить. Таким образом, круг тем черного юмора – ни что иное как «мощный телескоп, через который видны ценности общества» [3, с. 120].

Тематический парк англоязычного черного юмора, выделенный в данном исследовании, не менее широк. В результате анализа литературных произведений, кинематографических и анимационных работ был очерчен круг из 10 тем: **религия, национальная принадлежность, инвалидность, физические недостатки, гендерная принадлежность, пьянство, курение, секс, военные и смерть**. Чтобы наглядно представить данную классификацию, проиллюстрируем некоторые темы. Так, например, тема религии выходит на первый план осмеяния в одном из эпизодов ситкома «Гриффины», в котором один из главных героев собрался основать собственную церковь и спорит со своим отцом католиком:

Peter: But, Dad, you're the one who said I should look into my heart – to find my religion.

Peter's Dad: Yes, real religion. But what I saw today wasn't religion. It was a bunch of sheep, singing songs and listening to ridiculous tall tales.

Brian: Actually, it is a religion [2].

Если рассматривать тему национальной принадлежности, то из всех национальностей объектом самых частых шуток являются евреи и тема ненависти к ним Гитлера. Так, к примеру, в одном из эпизодов всё тех же «Гриффинов» Питер поставил у своего дома чучело в виде Гитлера, чтобы Морт, сосед-еврей, перестал ходить к ним и воровать их вещи. Тем не менее в другом эпизоде обнаруживается, что Лоис, жена Питера, сама является еврейкой по происхождению. Подобные новости заставляют Питера пуститься во все тяжкие, и он сам пытается примерить на себя роль еврея:

Peter: Shalom, Jews!

Meg: Wow, Dad! Where did you get all that glistening chest hair?

Peter: It came with my Star of David.

Lois: Peter, What is all this?

Peter: Look, this is my way of letting you know that I'm embracing who you are. Oh, and I don't respond to Peter. From now on I want you to use my Hebrew name. Chshshshsuuushshsh [2].

Тема высмеивания инвалидности уступает по популярности только что теме физических недостатков. Так, если иллюстрировать последнюю, то можно обратиться к фильму Фрэнка Оза «Смерть на похоронах». Здесь один человек (очень маленького роста), пришедший на похороны, представляется любовником покойного, предоставляя доказательства в виде фотографий из личного архива и шантажируя сыновей. Его условия возмутительны, его пытаются удержать в кабинете, связывают, дают наркотики вместо успокоительного, но в итоге он, пытаясь вырваться и убежать, падает, ударяется головой о стол насмерть. От трупа решают избавиться.

– Nobody here knows, who this guy is, right? They don't even know his name. They probably didn't even notice him.

– Didn't notice him? He is four feet tall! [4].

Одним из рьяных любителей высмеять физические недостатки людей как следствие отсутствия у них моральных принципов и духовности является английский писатель Роалд Дал. Так, в своей знаменитой сказочной повести «Чарли и шоколадная фабрика» каждый капризный и противный ребенок получает по заслугам благодаря хитрым улов-

кам хозяина шоколадной фабрики Мистера Вонка. Вот и Майка Тиви ждет физическое испытание, чтобы вернуть свой прежний рост:

'Oh, Mr Wonka,' wailed Mrs Teavee, 'how can we make him grow?'

'Well,' said Mr Wonka [...], 'I must say that's a wee bit tricky. But small boys are extremely springy and elastic. They stretch like mad. So what we'll do, we'll put him in a special machine I have for testing the stretchiness of chewing-gum! Maybe that will bring him back to what he was.'

[...] 'How far d'you think he'll stretch?' asked Mr Teavee.

'Maybe miles,' said Mr Wonka. 'Who knows? But he's going to be awfully thin. Everything gets thinner when you stretch it.'

[...] 'How thin will he be?' asked Mrs Teavee anxiously.

'I haven't the foggiest idea,' said Mr Wonka. 'And it doesn't really matter, anyway, because we'll soon fatten him up again. All we'll have to do is give him a triple overdose of my wonderful Supervitamin Chocolate. [...]

'And what will that do to him?' asked Mr Teavee anxiously.

'It'll make his toes grow out until they're as long as his fingers ...'

'Oh, no!' cried Mrs Teavee.

'Don't be silly,' said Mr Wonka. 'It's most useful. He'll be able to play the piano with his feet.'

'But Mr Wonka ...' [6, P. 77–78].

Тема самой смерти представлена достаточно вариативно, это может быть высмеивание самого факта смерти, процесса смерти, смерти ближайших родственников, условий, при которых произошла смерть, и т. д. В качестве примера можно привести объявление по радио из романа Н. Уэста «Целый миллион»:

"The Indefatigable Investment Company of Wall Street wishes its unseen audience all happiness, health and wealth, especially the latter. Widows, orphans, cripples, are you getting a large enough return on your capital? Is your money left by your dear departed ones bringing you all that they desired you to have in the way of comforts? Write or telephone. . ." [9].

Помимо тематического разнообразия черновый юмор представлен определенным набо-

ром лингвостилистических средств выражения, семиотических и прагматических приемов. Так, среди основных *семиотических приемов* воплощения черного юмора в художественных и креолизованных текстах можно выделить: **черный юмор на уровне семантики** посредством *словообразования*; **нарушение знаковой синтактики** за счет *намеренного пренебрежения ее законами*; **прагматические нарушения**, к которым относятся *столкновение интерпретаций*, *эффект обманутого ожидания*, *нарушение автором постулатов нормального общения П. Грайса* (из всего перечня постулатов черный юмор наблюдается при нарушении *постулата количества*, *постулата качества*, *постулата отношения или релевантности*). Вербальная манифестация черного юмора происходит также за счет ряда изобразительных средств лексического и лексико-синтаксического уровней: метафора, гипербола, олицетворение, зевгма, каламбур, сравнение, антитеза и перифраз. Особое внимание при дальнейших исследованиях необходимо уделить реализации черного юмора на прагматическом уровне (прагматическая логическая и оценочная абсурдность, псевдоконтраст, ложное усиление), его имплицитному выражению и такой особенности, как прецедентность.

Итак, осмеянию в текстах черного юмора подвергаются как условности социального

поведения людей, так и сам язык, выступающий основным средством закрепления этих условностей в общественном сознании. Можно сказать, что черный юмор выступает как некая перестановка или изменение комбинации известных культурных формул. Социальная позиция авторов черного юмора выражается, прежде всего, своеобразием так называемой «черной» лексики наряду с различными лингвостилистическими и семиотическими приемами, основанными главным образом на сломе или преобразовании накопленных в языке и культуре привычных, давно сложившихся и устоявшихся знаков.

Необходимо помнить, что черный юмор, как собственно и любой юмор, выходит за рамки языка, в силу того, что основывается на противоречии базисных жизненных ценностей. Тематический парк черного юмора составляет следующий перечень тем: религия, национальная принадлежность, инвалидность, физические недостатки, гендерная принадлежность, курение, пьянство, секс, военные и, конечно же, смерть. В контексте одновременного стремления к смерти и страха перед ней именно черный юмор помогает человеку грамотно с этим справиться. Не зря черный юмор считается самой безобидной реакцией на страх и, более того, полезной для общества, ведь смех, как известно, продлевает жизнь.

Литература

1. Бретон, А. Антология черного юмора / А. Бретон. – М.: “Carte Blanche”, 1999. – 544 с.
 2. Гриффины / Family Guy [Видеозапись]. – 20th Century Fox Television, 2012. – 11 DVDs.
 3. Кулинич, М. А. Лингвокультурология юмора на материале английского языка / М. А. Кулинич. – Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. – 181 с.
 4. Смерть на похоронах / Death at funeral [Видеозапись]. – Metro-Goldwyn-Mayer, 2007 – 1 DVD.
 5. Флеонова, О. Л. Лингвостилистические и семиотические особенности американской литературы черного юмора: дис ... канд. филол. наук (10.02.04 – германские языки) / О. Л. Флеонова; рук. работы Л. В. Полубиченко. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2003. – 154 с.
 6. Dahl, R. Charlie and chocolate factory / R. Dahl. – Изд-во: Айрис-пресс, 2009. – 192 р.
 7. Nilsen, D. Humor scholarship: a research bibliography / D. Nilsen. – Greenwood Press, Westport, Conn. 1993.205/ Norrick N. Intertextuality in humor// Humor, 1989, 2(2): 117–139.
 8. Roget's Superthesaurus/ by M. McCutcheon. – 2nd ed. – Writer's Digest Books. Cincinnati, Ohio. 1998.
- West, N. A Cool Million [Электронный ресурс] / N. West. – Farrar, Straus and Giroux, 2006. – 192 p. – Режим доступа: http://ebookey.org/A-Cool-Million-byNathanael-West_1352434.html.

References

1. Breton, A. Anthology of black humour [Antalogiya chernogo yumora] / A. Breton. – Moscow: “Carte Blanche”, 1999. – 544 p.

2. Griffny / Family Guy [Videorecording]. – 20th Century Fox Television, 2012. – 11 DVDs.
3. Kulinich, M. A. Linguoculture of humour on the material of the English language [Lingvokulturologiya yumora na materiale angliyskogo yazyka] / M. A. Kulinich. – Samara: SamGPU Publ., 1999. – 181 p.
4. Death at funeral / Smert' na pohoronah [Videorecording]. – Metro-Goldwyn-Mayer. 2007 – 1 DVD.
5. Fleonova, O.L. Linguostylistic and semiotic peculiarities of American black humour literature [Lingvostilisticheskiye i semioticheskiye osobennosti amerikanskoy literatury chernogo yumora]: Ph.D. thesis in Philology (10.02.04. – Germanic languages) / O. L. Fleonova; research advisor L. V. Polubichenko. – Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2003. – 154 p.
6. Dahl, R. Charlie and chocolate factory / R. Dahl. – Iris-press Publ., 2009. – 192 p.
7. Nilsen, D. Humor scholarship: a research bibliography / D. Nilsen. – Greenwood Press, Westport, Conn. 1993.205/ Norrick N. Intertextuality in humor// Humor, 1989, 2(2): 117–139.
8. Roget's Superthesaurus/ by M. McCutcheon. – 2nd ed. – Writer's Digest Books. Cincinatti, Ohio. 1998.
9. West, N. A Cool Million [Electronic resource] / N. West. – Farrar, Straus and Giroux, 2006. – 192 p. – Access mode: http://ebookey.org/A-Cool-Million-byNathanael-West_1352434.html.

В. Ю. Хартунг

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и МПАЯ, ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный педагогический университет»
e-mail: vgersimv@mail.ru

ПОНЯТИЕ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ КАК ХАРАКТЕРИСТИКИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В данной статье определяется круг понятий и проблем, возникающих при изучении функционирования термина в художественном тексте, через призму такого явления, как интертекстуальность. Особое внимание уделяется явлению стилистической (нормативной) напряженности, возникающей в результате употребления специальных лексем в тексте иного функционального стиля, как особому виду выдвижения. Термин, являющийся лексическим элементом специального функционального стиля, рассматривается как ядерный элемент возникающего при этом стилистического приема, возникающего в результате замедления восприятия, как средство создания и разрушения пресуппозитарной установки. При этом термин трактуется как одно из средств упорядочивания лексических единиц в соответствии с их микро- и макроконтекстуальным окружением как на уровне синтагматики, так и на уровне стилистики текста.

Ключевые слова: термин, художественный текст, интертекстуальность, стилистическая напряженность, пресуппозиция.

Под термином обычно понимают слово или словосочетание специального (научного, технического, экономического и т. п.) языка, основной задачей которого является выражение некоего специального понятия или обозначение специального предмета (устройства, вещества и т. п.). А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева, занимаясь общей теорией терминологии, выделяют следующие возможные определения термина: термин как 1) специальное слово (или словосочетание), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях; 2) словесное обозначение понятия, входящего в систему понятий определенной области профессиональных знаний; 3) основной понятийный элемент языка для специальных целей [5: 14]. Традиционно

считается, что язык не допускает размывания, банализации или метафоризации терминологического значения. Термин всегда четко связан с обозначаемым понятием или предметом, что и позволяет достигать в специальном или научном дискурсе такого свойства, как однозначность, нетипичного для художественного текста или устной беседы.

Однако, начиная со второй половины XX века, происходит массовое заимствование специальной лексики в художественную словесность, обусловленное тем, что художественный текст по сути своей полистиличен и не накладывает никаких ограничений на использование языковых средств, принадлежащих самым разным регистрам. Как художественные, так и научные тексты существуют в рамках единого поля интер-

текстуальности. «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Как необходимое предварительное условие для любого текста, интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитаций, даваемых без кавычек» [2: 226]. Таким образом, современный читатель воспринимает любой художественный текст через призму уже имеющихся в его сознании знаний и концептов, и научное знание занимает в парадигме его восприятия не последнее место.

Тем не менее восприятие читателем специальной лексики вне рамок специального текста отличается от его восприятия лексических единиц языкового стандарта. Взаимодействие элементов различных функциональных стилей является одной из основных причин появления выразительных эффектов в художественном тексте, поэтому выделение элементов конкретных терминосистем и определение особенностей их функционирования в сфере художественной коммуникации составляет одно из наиболее важных и актуальных направлений современных исследований в области языка художественной литературы.

Особенности употребления специальной лексики в текстах художественной литературы и иных текстах языкового стандарта (газетных, публицистических) объясняется тем, что читатель располагает так называемой вероятностной моделью языка, которая дает ему представление о некоторой средней норме для данного типа текста и позволяет заметить отклонения от нее. Проблема часто осложняется тем, что дополнительно к общепринятым нормативным стандартам каждый носитель языка обладает собственным нормативным представлением, которое может частично не совпадать с узусом и приводить к дополнительным помехам при восприятии текста. Поскольку при отклонении от нормы процесс понимания несколько замедляется, отклонение оказывается заметным, слово

вычленяется из языкового потока, воспринимается отдельно, как «слово». Именно эту особенность употребления специальной лексики в иностилевом окружении мы и будем называть нормативной или стилистической напряженностью.

Замедление восприятия на маркированной лексеме может препятствовать пониманию, но может одновременно создавать определенный стилистический эффект. Если сбой в восприятии чаще всего обусловлен особенностями приемника (читателя), то стилистический эффект – свойствами и коммуникативными намерениями передатчика (писателя). «Контраст между более вероятным (традиционно обозначающим) и менее вероятным (ситуативно обозначающим) выдвигает определенные элементы текста как более важные, подчеркивая их и создавая определенную иерархию значений внутри текста» [1: 321]. Между тем важнейшей чертой стиля является именно подчеркивание одних элементов и затушевывание других. Способы формальной организации текста, призванные сфокусировать и задержать внимание читателя на определенных элементах сообщения и установить семантически релевантные отношения между элементами одного или разных уровней, называют «выдвижением».

WORLEYPARSONS STOCK HAMMERED AFTER PROFIT GUIDANCE CUT.

WORLEYPARSONS slashed its profit guidance for the second time this year, sending its shares down 24 per cent and continuing a tough run ... (Wall Street Journal, 19.11.20013).

В приведенном примере выделенные слова, употребленные в рамках экономического обзора, являются тематически обусловленными, функционально оправданными и стилистически уместными. Тематическая обусловленность проявляется в том, что экономическая лексика встроена в тематическую сетку и некоторые семы каждого специального слова дублируются как другими специальными словами, так и неспециальной лексикой. Функциональная оправданность подтверждается соответствием условиям и целям коммуникации – передача некоторой биржевой информации лицу или лицам, имеющим специальные знания и заинтересованность в этой информации. Стилисти-

ческая уместность диктуется соответствием стилю заметки на специальную (экономическую) тему.

Более того, именно тематическая направленность самой статьи и совокупности употребленных лексических средств помогают при восприятии полисемантических единиц выбирать именно их специальные значения. Экономическая лексика не выглядит чужеродной, не вызывает замедления восприятия и, как следствие, не порождает стилистического эффекта.

Несколько иной результат может иметь употребление такой лексики в художественном тексте. В следующем примере герой рассказа использует экономический термин для характеристики праздно фланирующей публики:

Nothing affects them,» he thought. «Stocks rise and fall, people loaf or work, but they go on forever (F. S. Fitzgerald, "Babylon Revisited").

Поскольку экономический термин в данном тексте является не только стилистически, но и тематически не востребуемым (речь не идет о финансовых вопросах), то даже такое достаточно частотное слово как «stock» оказывается контекстуально-выделенным, позволяя на минимальной линейной протяженности текста противопоставить два мира – мир праздных бездельников, к которым когда-то принадлежал герой, и мир реальных дел, к которому он принадлежит теперь.

«...Проблема отношения норма: отклонение от нормы решается стилистикой декодирования как изменение кода под действием сообщения в форме частичного нарушения наложенных на код ограничений, что позволяет передать стилистическую информацию, т.е. коннотации и иерархию смыслов» [1: 61–62]. Употребление специально-маркированных лексем в художественном тексте, как следствие – замедление восприятия на этих единицах – может привести к некоторым возможным результатам.

Прежде всего, нарушение восприятия на маркированной лексеме может привести к ошибкам в понимании. Такие ошибки могут быть двоякого рода: ошибочное восприятие смысла высказывания (семантическая ошибка). Ошибки понимания, особенно прагматические ошибки, более типичны для устного общения, когда нормативные представления

участников коммуникативной ситуации часто не совпадают. Лишенный возможности обратной связи, которая помогла бы ему откорректировать высказывание и исправить ошибку реципиента, автор письменного дискурса должен заранее предусмотреть возможность ошибки, и построить свое высказывание так, чтобы она не возникла.

Употребление специальной лексики может с легкостью не только создать, но и разрушить суппозитарную установку как на языковом, так и на прагматическом уровне. Следующий отрывок является примером того, как несовпадение пресуппозитарных установок полицейского и подростка-аутиста приводит к нарушению понимания на прагматическом уровне.

The policeman looked at me for a while without speaking. Then he said, «I am arresting you for assaulting a police officer.»

*This made me feel a lot calmer because it is what policemen say on television and in films. (Mark Haddon, *The Curious Incident of the Dog in the Night-time*)*

Очевидно, что употребление полицейским юридического термина при формальном предъявлении обвинения не имело своей целью успокоить подростка, однако в силу его личностно-психологических особенностей эффект оказался именно таким.

Специальная лексика часто используется для создания тематической сетки для придания тексту предметной достоверности, максимальной точной характеристики описываемой ситуации. Это может быть характеристика антуража, на фоне которого разворачивается действие, косвенная характеристика персонажа через род его занятий и т.п.

Иногда создаваемый специальным словом стилистический эффект не прослеживается в рамках одного предложения или даже абзаца, но легко выявляется при анализе всего произведения. В рассказе, из которого взяты приведенные ниже примеры, каждый отдельный случай употребления музыкального термина не создает видимого стилистического эффекта, но все тематически отнесенные слова (*chord, fugue, chorals, oratorios*) в совокупности создают смысловой ряд и, «прошивая» весь рассказ, позволяют читателю воспринимать прозаическое произведение как музыкальную пьесу.

He loves and laughs and grows plants in the attic and remembers the words of the dead. He observes the points of the compass and the intervals in a chord...

So he would have to start on the records and Mr. Dundee would go mad at the sound of a single fugue rotating endlessly through the afternoon (H. Hudson, The Tenant).

Иногда автор использует стилистический потенциал функциональной лексики напряженную, не вводя специальные слова в иноязычное стилевое окружение, а создавая «текст в тексте» – отрывок иного функционального стиля, имитирующий иную сферу коммуникации. В таком случае специальная лексика не является нормативно напряженной, будучи употребленной в «своем» типе дискурса, и не создает стилистического эффекта непосредственно. Этот эффект возникает на стыке двух функционально-стилевых разновидностей

и служит, как правило, для документально-верного воссоздания изображаемых событий. Такой эффект создается, например, когда автор детектива приводит в своем произведении медицинский протокол вскрытия.

Все выше сказанное доказывает, что употребление терминологической лексики в художественных текстах, как правило, приводит к стилистически напряженному употреблению специальной лексики. Актуализируясь в связном тексте, специальное слово вводится в сложный многоуровневый многоярусный механизм речевого произведения. При этом его значение упорядочивается и уравнивается в соответствии с его окружением, как микро-, так и макроконтекстуальным. Кроме того, специальное слово зачастую служит ядром такого упорядочивания, как на уровне синтагматики, так и на уровне стилистики текста.

Литература

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования) / И. В. Арнольд – М.: Просвещение, 1990. – 300 с.
2. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин; науч. ред. А. Е. Махов. – М.: Интрада, 1996. – 255 с.
3. Лобанов С. В. Моделирование функционирования фрейма научного термина в художественном тексте. / С. В. Лобанов – Иностранные языки в высшей школе. 2005. № 2. – С. 106–112.
4. Самохина А. А. Теоретические аспекты функционирования термина в художественном тексте. / А. А. Самохина – Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 1. № 4. – С. 167–176.
5. Суперанская А. В. Общая терминология: Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева; отв. ред. Т. Л. Канделаки. – изд. 6-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012. – 248 с.
6. Филиппева Л. Б. Функционирование терминов и профессионализмов в художественном тексте. / Л. Б. Филиппева – Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2007. Т. 29. № 11. – С. 251–256.

References

1. Arnold I. V. (1990) Stylistics of the modern English language (stylistics of decoding) [Stilistika sovremennogo angliiskogo yazyka (stilistika dekokodirovaniya)] / I. V. Arnold – M.: Prosveshchenie. – 300 p.
2. Ilyin I. P. (1996) Post-structuralism. Deconstruction. Postmodernism. [Postctrukurralizm. Dekonstruktivizm. Postmoderniz.] / I. P. Ilyin; science editor A. E. Makhov. – M.: Intrada. – 255 p.
3. Lobanov S. V. (2005) Modeling of the functioning of the frame of a scientific term in a literary text. [Modelirovanie funktsionirovaniya freima nauchnogo termina v hudozhestvennom tekste] / S. V. Lobanov – Foreign Languages in Higher Education. № 2. – P. 106–112.
4. Samokhina A. A. (2011) Theoretical aspects of the functioning of the term in a literary text. / A. A. Samokhina – Bulletin of Leningrad State University n.a. A. S Pushkin. – V. 1. № 4. – P. 167–176.
5. Superanskaya A. V. (2012) Common Terminology Theoretical Issues. / A. V. Superanskaya, N. V. Podolskaya, N. V. Vasiljeva; executive editor T. L. Kandelakie. – ed. 6. – M.: Bookshop «Librocom». – 248 p.
6. Philipjeva L. B. (2007) Functioning of terms and professional jargon in a literary text. / L. B. Philipjeva – Bulletin of Twer State University. Issue: Phylology. V. 29. № 11. – P. 251–256.

Н. А. Сараева

старший преподаватель кафедры иностранных языков,
ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный институт
менеджмента»
e-mail: nellya-saraeva@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И СПОСОБЫ УБЕЖДЕНИЯ В ЗАЩИТЕЛЬНЫХ РЕЧАХ

В данной статье подчеркивается интерес к проблеме языковой личности адвоката. Предпринята попытка представить современную языковую личность и те средства речевого воздействия, которые используют адвокаты в своих речах. Язык судебного дискурса представляет собой огромную ценность для изучения, поскольку является средством общения людей. Способы убеждения в судебных речах адвокатов присутствуют на всех уровнях языка. Основная функция судебной речи – воздействие.

Ключевые слова: языковая личность, средства речевого воздействия, судебная речь.

Языковая личность как центральное системообразующее звено коммуникативного процесса представляет собой многослойную, многоуровневую и многоаспектную структуру.

«Владение языком – институтирующая черта языковой личности, – утверждает Г. И. Богин, – есть единственное средство переноса действия в умственный план, гарантия продвижения человека по пути саморегуляции поведения, форма организации психической жизни человека. Человек не сможет быть личностью, не будучи, в частности, и языковой личностью» [4, с. 31].

А. А. Леонтьев трактовал «личность» как свободную, наделенную правом субъектности индивидуальность. Мы вслед за Ю. Н. Карауловым считаем, что «языкознание незаметно для себя вступило в новую полосу своего развития, полосу подавляющего интереса к языковой личности.

З. В. Байшева отмечает, что «интерес к проблеме языковой личности судебного оратора обусловлен тем, что в отечественной науке практически не существует основательного исследования языковой личности судебного оратора (авторами единичных ра-

бот, вносящих определенный вклад в разработку данной проблемы являются В. В. Виногорадов, О. В. Демидов, Е. А. Кузнецов)» [3, с. 11].

З. В. Байшева выделяет основные черты для русского типа обвинителя и защитника второй половины XIX века: высокая нравственность; внимание и уважение к человеку; сознание своего долга перед обществом и перед законом; высочайший профессиональный уровень; знание предмета; широкая образованность; мастерское владение искусством слова; широкое внесение литературно-художественных приемов в речь; искренность; эмоциональность; беспристрастность; независимость в убеждениях; спокойствие; соблюдение чувства меры [3, с. 12].

Нами предпринята попытка представить современную языковую личность судебного дискурса и те средства речевого воздействия, которые используются адвокатами в защитительных речах. Язык судебного дискурса как язык для специальных целей представляет огромную ценность для изучения, поскольку является средством общения людей, не менее грамотно и серьезно относящихся к слову, чем лингвисты. Способы убеждения

в судебных речах адвокатов присутствуют на всех уровнях языка – на лексическом, грамматическом, синтаксическом и в области лингвистики. Судебная речь – целенаправленное произведение, которое предполагает достижение запланированного эффекта, регулярное воздействие на судей. Основная функция судебной речи – воздействие. Мы разделяем точку зрения Н. Н. Ивакиной, что «для определения судебной речи монолога принимается обращенность адресата с целью воздействовать на него, наличие замысла, предметно-смысловая исчерпанность, самостоятельность» [6, с. 71–72].

Речь адвоката как и прокурора состоит из нескольких частей. Адвокат пытается воздействовать уже во вступительной части защитительной речи. В. В. Мельник выделяет, что наиболее распространенной фигурой во вступлении являются повторы. Этот прием был хорошо известен еще античным ораторам, о чем свидетельствуют слова из трактата Деметрия «О стиле». Для ясности часто требуется повторить одно и то же [7, с. 201, Цитата: Античные риторика с. 269]. Мы разделяем мнение В. В. Мельник, который подчеркивает, что «при правильном расположении повторяемых слов повторение одного и того же придает фразе не только ясность, но и значительность, что делает высказывание более убедительным, поскольку как отмечал Аристотель «в речи, как в угощении: малое (количество блюд) может казаться большим... если их умело расположить... повторение одного и того же слова способствует величавости речи... повторенное слово... придает фразе значительность» [7, с. 202, Цитата по: Античные риторика с. 269].

Именно вступительная часть судебной речи имеет очень важное назначение. Именно вступление концентрирует внимание суда и присяжных заседателей и задача адвоката – удержать его на протяжении всего выступления.

Р. Гаррис настойчиво подчеркивает, что речевые повторы усиливают убедительность речи благодаря тому, что «основная мысль повторяется не повторением слов, а новыми, изящными оборотами, и благодаря этому вместо одной мысли в словах ... как будто... как будто слышны две или три» [5, с. 279].

Как показал анализ, русские адвокаты во вступительной части защитительной речи

используют следующие виды повторов: анафора... В теории доказательств существует понятие «адресат доказывания». Для сторон обвинения и защиты адресат доказывания – суд [8].

Термином «законность» обозначен один из основных принципов уголовного судопроизводства. Якобы законность может быть меньше, может быть и больше. Закон что дышло – куда повернул, туда и вышло. Закон действует либо не действует. Ну а если закон не действует, наступает произвол и беззаконие [12]. Мы также обнаруживаем эпифору во вступительной части защитительной речи.

Нет преступления без указания на то в Законе. И нет наказания без указания на то в Законе [10].

В пяти фразах, составляющих цитату, восхваляется убийство, прославляется «геноцид». Остается надеяться, что не все сотрудники «Нашего современника» так относятся к воспеванию геноцида [9].

Во вступлении можно обнаружить еще один вид повтора: стык.

Но позволю себе обратить Ваше внимание, что за каждым уголовным делом стоит человеческая судьба, и находится судьба этого человека в данный момент в Вашей судебной власти. Если права нет, то общество деградирует. Деградирует и экономика [12]. Анализ вступлений в речи американских адвокатов также позволяет выявить анафору и эпифору в защитительных речах.

Phillip Moyez killed a goat. He killed a goat it's not as common as, say ... circumcision. It's not as common as ... Some people handle poisonous snakes to prove their Faith. Some people walk on fire [13].

I know you've spent all morning listening to Mr. Broygo. I know you're hungry. I don't like Alexander Cullen. I don't like him [13].

You have seen the same scenes described by two different people. You have heard different interpretations of those scenes by two different people. In deciding this case we are relying up on the facts, not on whether you like the lawyers or don't like the lawyers. Whether you like the judge or don't like the judge [1]. Таким образом, мы можем констатировать, что как русские, так и американские адвокаты используют такое средство во вступительной части защитительной речи, как повтор. Час-

стога использования повторов и употребление анафоры американскими адвокатами гораздо выше, чем других видов повторов. На наш взгляд это связано с тем, что современные русские адвокаты уделяют недостаточно внимания средствам выразительной речи.

Также стоит выделить социальное воздействие как один из типов речевого воздействия. «Приветствие как вид социального воздействия является отправной точкой речи адвоката, а как средство воздействия является прием адресации, т.е. указание в речи лица, к которому она обращена. Основным средством адресации в судебной речи является собственное обращение» [11]. В речах русских адвокатов мы обнаруживаем следующее: «Уважаемая госпожа судья! Уважаемый суд! Ваша честь! Уважаемые участники судебного процесса!»

Американские адвокаты во вступлении используют следующие способы воздействия: Ladies and Gentlemen of the jury [14].

May it please the Court, Your Honor, Ladies and Gentlemen of the jury [2].

Своеобразным средством воздействия на присяжных выступают вопросительные конструкции. Они подчинены необходимости выяснить все обстоятельства дела, дать им правильную квалификацию.

«When a new truth comes upon the earth, or great idea necessary for mankind is born, where does it come from?», «Remember what he said?», «Who are we?» [2].

«А какие доказательства имеются по данному уголовному делу?» [10].

«И что будет означать победу добра над злом? Торжество правосудия? Есть серьезные подозрения, что этот человек совершил преступление?» [12].

Данный ход содействует более тесному контакту, он активизирует внимание судей. Особенно важен этот прием, как считает Н. Н. Ивакина, «в речах, произносимых перед присяжными заседателями, он имитирует разговор оратора с ними, заставляет их вникнуть в сущность обсуждаемых проблем [6, с. 157].

Таким образом, мы приходим к выводу, что как русские, так и американские (англоязычные) адвокаты используют одинаковые средства речевого воздействия и стараются выполнить важнейшее условие эффективности ораторской речи, это контакт со слушателями. Чтобы достичь взаимопонимания, в защитительной речи адвокаты используют различные приемы: приемы апелляции, вопросно-ответные ходы, обращения.

Литература

1. Closing arguments for the Defendants by Mr. Kunstler URL: <http://www.law.umke.edu/faculty/projects/trials/> (10.02.2009).
2. Famous trials [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.umke.edu/faculty/projects/ftrials/ftrials.htm>.
3. Багишева З. В. Языковая личность судебного оратора А. Ф. Кони. / З. В. Багишева // Автореферат диссертации доктора филологических наук. – Уфа, 2001. – 46 с.
4. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текста / Г. И. Богин // Автореферат диссертации доктора филологических наук. – Калинин, 1984. – 31 с.
5. Гаррис Р. Школа адвокатуры / под ред. Р. Гаррис. – М: Искатель, 1967. – С. 279.
6. Ивакина Н. Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов): учеб. пособие / Н. Н. Ивакина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристь, 2007. – 455 с.
7. Мельник В. В. Искусство защиты в суде присяжных. Учеб. практ. пособие / В. В. Мельник. – М.: Дело, 2003. – С. 242.
8. Речь адвоката Генри Резника. Дело Григория Пасько. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://law.vl.ru/analit/all>.
9. Речь адвоката Г. М. Резника по делу журнала «Наш современник». [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://law.vl.ru/analit/all>.
10. Речь адвоката Свирина «Дело налогоплательщика». [Электронный ресурс] Режим доступа: www.bestlawyers.ru/php/newsnew.phtm.
11. Сараева Н. А. Средство речевой выразительности в юридическом дискурсе. / Н. А. Сараева // Научный вестник Оренбургского государственного института менеджмента: Сбор-

ник материалов международной конференции «Европа – Россия – Азия: пути интеграции и приграничного сотрудничества в сфере образования». – Оренбург: ОГИМ, 2010.

12. Судебная речь адвоката Александра Васильева в защиту подсудимого Рябокonia И. [Электронный ресурс]: по уголовному делу о похищении вице-президента «Лукойла» Сергея Кукуры. – Режим доступа: www.poisk-advokatov.ru.

13. Фильм «Адвокат Дьявола».

14. Фильм «Адвокат Дьявола». Alexander Cullen.

References

1. Closing arguments for the Defendants by Mr. Kunstler URL: <http://www.law.umke.edu/faculty/projects/trials/> (10.02.2009).

2. Famous trials. URL: <http://www.law.umke.edu/faculty/projects/ftrials/ftrials.htm>.

3. Bagisheva Z. V. (2001) Language personality of legal speaker A. F. Koni [Yazykovaya lichnost' sudebnogo oratora A. F. Koni.]: abstract from diss.doct.philol.science. Ufa. – 46 p.

4. Bogin G. I. (1984) The model of language personality according to the types of texts [Model yazykovoï lichnosti v eyo otnoshenii k raznoïdnostyam tekstam]: abstract from diss. doct.philol.science. Kalinin. – 31 p.

5. Garris R. Shkola advokatury [The school of advocacy]. – P. 279.

6. Ivakina N. N. (2007) The Fundamental principles of legal oratory [Osnovy sudebnogo krasnorechiya]. – M.: Yurist. – 455 p.

7. Melnik V. V. (2003) The art of defence in the court with jury [Iskusstvo zatschity v sude prisyazhnyh]: M.: Delo. – P. 242.

8. The defender's speech of Genri Reznik. The case of Gigorii Pasko [Rech advokata Genri Reznika. Delo Grigoriya Pas'ko]: <http://law.vl.ru/analit/all>.

9. The defender's speech of Reznik G. M. the case of "Our contemporary" [Rech advokata Reznika G. M. po delu zhurnala „Nash sovremennik“]: <http://law.vl.ru/analit/all>.

10. The defender's speech of Svirin. The case of "taxpayer" [Rech advokata Svirina "Delo nalogoplatel'schika"]]: www.bestlawyers.ru/php/newsnew.phtm.

11. Sarayeva N.A. (2010) Means of Speech Expressiveness in Legal Discourse [Sredstva rechevoy vyrasitel'nosti v yuridicheskom diskurse] – Orenburg.

12. Alexander Vasiliev legal speech according to the criminal case of vice-president's ravishment [Sudebnaya rech advokata Aleksandra Vasil'eva po ugovnomu delu o pohitschenii vize-prezidenta "Lukoila" Sergeya Kukury]: www.poisk-advokatov.ru.

13. The film "Devill's defender" [Film "Advokat D'yavola"].

14. Film "Advokat D'yavola" [The film "Devill's defender"]. Alexander Cullen.

О. В. Стрижкова

кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры иностранных языков, Оренбургский государст-
венный институт менеджмента
e-mail: Yanusic79@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИИ РЕКЛАМИРУЕМОЙ ПРОДУКТОВОЙ ГРУППЫ И КОМБИНАЦИЙ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В РАМКАХ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

В данной статье рассматриваются особенности употребления иллокутивных актов в рекламном дискурсе продуктов питания. В англоязычном и русскоязычном рекламном дискурсе продуктов питания прослеживаются сходные тенденции в использовании однокомпонентных речевых актов. В рекламных текстах алкогольной, безалкогольной и кондитерской продукции отдается предпочтение эмоционально-аффективному способу воздействия на реципиента, что проявляется в частотном употреблении экспрессивных и комиссивных речеактовых структур. Для рекламы кисломолочной продукции и бакалеи характерно совмещение рациональных доводов и аффективных способов воздействия. Разнообразие используемых комбинаций иллокутивных речевых актов нацелено на достижение основной цели адресанта рекламного сообщения – осуществить воздействие на адресата.

Ключевые слова: прагмалингвистика, воздействие, адресат, адресант, речевой акт, иллокутивный акт, рекламный дискурс продуктов питания, продуктовая группа, структура речевого акта.

В данной статье рассматривается дискурс рекламы в прагмалингвистическом аспекте, поскольку к сфере интересов прагмалингвистики относится, прежде всего, изучение характеристик языка, обеспечивающих наиболее успешное восприятие сообщений.

Основная идея прагматики заключается в том, что язык может быть понят только в широком контексте его использования, т.е. через его функционирование. Понятие функциональности является базовым в прагматическом подходе к языку как в зарубежном, так и отечественном языкознании.

Именно функциональный аспект подчеркивают в своих определениях прагматики Г.В. Колшанский и Н.Д. Арутюнова. «Прагматика изучает все те условия, при которых человек использует языковые зна-

ки, при этом под условиями использования понимаются условия адекватного выбора и употребления языковых единиц с целью достижения конечной цели коммуникации – воздействия на партнеров в процессе их речевой деятельности» [Колшанский 1984: 127]. Н. Д. Арутюнова относит прагматику к области «исследования в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи, включая комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации и с ситуацией общения» [Арутюнова, 1990: 389–390].

Функционально-прагматический подход позволил нам рассмотреть рекламный дискурс с точки зрения функционирующих в нем иллокутивных типов высказываний. Доми-

нирующей формой воздействия в рекламе продуктов питания является информирование потребителя о характеристиках товара. В рекламных текстах продуктов питания встречаются такие иллокутивные акты, как репрезентатив (выражающий констатацию, утверждение), директив (выражающий побуждение, совет), комиссив (гарантирующий качество товара и положительное влияние на организм человека) и экспрессив (выражающий эмоции), но в разном соотношении. Частотность их употребления определяется не только национальной спецификой, но и типом продуктовой группы, к которой относится рекламируемый товар.

Анализ фактического материала показал, что рекламный текст представлен как однокомпонентными речевыми актами, так серией речевых актов, что подтверждает предположение Т. А. ван Дейка о том, что «существует не только связанная последовательность предложений и пропозиций, но и связанная последовательность речевых актов» [Караулов, Петров, 1989: 6].

В англоязычном и русскоязычном рекламном дискурсе продуктов питания прослеживается изоморфизм в использовании однокомпонентных речевых актов. Очевидно, что в рекламе продуктов питания преобладает прагматическое начало, которое нередко формируется на основе демонстрации информации о пользе данного товара, что и обуславливает частотное употребление репрезентативного РА (36% в англоязычных и 30% в русскоязычных текстах).

Отличительные черты объективации репрезентативных высказываний – употребление числительного как прагматического интенсификатора и использование узкоспециальной лексики для разъяснения состава рекламируемого продукта.

«Introducing Pria. The nutritious delicious 110 calorie afternoon energy snack with calcium, iron and soy» [Whole Living, 2009. № 2. p. 107].

«Новые йогурты “Эрмик” с натуральной фруктозой созданы специально для ежедневной заботы о распущенном организме малышей. Секрет полезной формулы “Эрмик” – ингредиенты природного происхождения. Замена сахарозы на фруктозу, наиболее распространённый в природе вид натурального сахара, который содержит-

ся в мёде и фруктах, позволила уменьшить количество сахара в йогуртах “Эрмик”. В сбалансированный рецепт новых йогуртов “Эрмик” также входит кальций и йод – для роста и умственного развития детей» [Мой Кроха и Я, 2011, № 2, с. 38].

Исключение составляет экспрессивный речевой акт. В русскоязычных текстах данный процент составил 21% от общего числа речевых актов, а в англоязычном – 14%, что объясняется экстралингвистическими социокультурными моментами: западные традиции подразумевают более рациональный подход в выборе рекламируемой продукции.

Вариативность сочетания различных по иллокутивной направленности речевых актов в пределах одного рекламного сообщения разнообразна как в англо- так и в русскоязычных текстах рекламы продуктов питания.

Различия в комбинаторике многокомпонентных речеактовых структур подтверждаются, на наш взгляд, исследованиями в сфере прагматики, которые показывают, что основные типы речевых актов могут быть обнаружены во многих языках, но, тем не менее, использование комбинаций речевых актов в составе многокомпонентной речеактовой структуры в том или ином социуме имеет национально-культурную специфику [Вежбицкая, 1999: 26].

Самой распространённой двухкомпонентной структурой в русскоязычной рекламе выявлена структура: репрезентатив+комиссив (37,5%).

«Новый майонез «Calve Экстра Легкий» содержит всего 30 ккал в одной ложке! Он поможет поддерживать отличную форму. «Calve Экстра Легкий» – легко быть в форме!» [Cosmo, 2009. № 2. с. 49].

В английском языке двухкомпонентные речеактовые структуры представлены такими структурами, как: репрезентатив+директив (17,6%), репрезентатив+комиссив (17,6%).

«New Mullerlight Apple Pie and Limited Edition Rhubarb Crumble flavours are Virtually fat free, contain just 115 calories or less per pot and taste absolutely delicious» (репрезентатив).

Lead a Muller life» (директив) [Cooking Light, 2010. № 9. p. 96].

Была отмечена существенная разница как в частотности использования, так

и в вариации комбинирования многокомпонентных речеактовых структур в изучаемых языках.

Для англоязычного дискурса характерна структура: директив + репрезентатив + директив (25,9%).

«Find your perfect individual Filter Coffee with the new range from Rombouts (директив).

Choosing your favorite coffee is easy with the new strength grading – almost as easy as making it (репрезентатив).

Enjoy the rich taste of fresh ground coffee, conveniently» (директив) [Cosmo, 2010. № 1. р. 130].

Для русскоязычного – репрезентатив + комиссив + репрезентатив (28,5%).

«Мы знаем о детском питании больше (репрезентатив).

Nutricia – специалист в детском питании (комиссив).

Сухая молочная смесь «Нутрилон 2» – с 6 месяцев, сухая молочная смесь «Нутрилон 3» – с 12 месяцев» (репрезентатив) [Мой Кроха и Я, 2010. № 7. с. 59].

В русскоязычной рекламе речевые акты, составляющие многокомпонентную РА структуру, имеют однородную иллокутивную направленность и могут быть представлены формулой: $РА1 + РА2 + РА\ 1.1 =$ воздействие на адресата,

где $РА1$ и $РА1.1$ – речевые акты сходной иллокутивной направленности

$РА2$ – речевой акт, неоднородный с $РА1$, $РА1.1$ по своей иллокутивной направленности, который является вспомогательной силой в обеспечении успешности реализации коммуникативного намерения адресанта.

В англоязычной печатной рекламе, напротив, используются многокомпонентные РА структуры, имеющие следующую формулу:

$РА1 + РА2 + РА3 =$ воздействие на адресата, где каждый из представленных РА обладает особой иллокутивной направленностью.

Соотношение употребления РА структур в рамках каждой продуктовой группы представлены в таблице 1. Употребление однокомпонентных РА чаще реализуется по сравнению с другими группами продуктов в рекламе алкогольной продукции на русском и английском языках и составляет (65% и 50% соответственно). Использование двухкомпонентных РА структур более частотно для русскоязычной рекламы кисломолочной продукции (60%). А в англоязычной – для рекламы бакалеи (50%) и кисломолочной продукции (50%). Частотное употребление многокомпонентных РА структур замечено только в англоязычной рекламе кондитерских изделий и составляет 50% от общего количества всех РА структур, употребляемых для создания печатной рекламы кондитерских изделий.

Таблица 1.

Количество речеактовых структур в рекламе продуктов питания в процентном соотношении (в рамках каждой продуктовой группы)

Продуктовая группа	Речеактовые структуры		Однокомпонентные речевые акты		Двухкомпонентные РА структуры		Многокомпонентные РА структуры	
	русс. яз	англ. яз	русс. яз	англ. яз	русс. яз	англ. яз	русс. яз	англ. яз
Алкогольная продукция	65	50	30	30	5	20		
Безалкогольная продукция	43	50	47	25	10	25		
Бакалейная продукция	40	20	30	50	30	30		
Кондитерские изделия	30	30	55	20	15	50		
Кисломолочная продукция	20	20	60	50	20	30		

В рекламном дискурсе продуктов питания прослеживаются сходные тенденции в употреблении речеактовых структур при порождении рекламных сообщений определенных групп товаров в англо-

русскоязычных текстах. Так, для рекламы алкогольной, безалкогольной и кондитерской продукции адресант предпочитает эмоционально-аффективный способ воздействия на реципиента, что проявляется

в частотном употреблении экспрессивных и комиссивных речеактовых структур. Для рекламных сообщениях кисломолочной продукции и бакалеи характерно совмещение рациональных доводов и аффективных способов воздействия, что проявляется в ис-

пользовании таких речеактовых структур, в которых информирование о реальных качествах продукта и пользе для организма / здоровья человека является основной целью рекламного сообщения.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Прагматика. [Текст] Лингвистический энциклопедический словарь / Н. Д. Арутюнова; под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Сов.энциклопедия, 1990. – 685 с.
2. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Спутник, 1999. – 260 с.
3. Караулов, Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров. – М.: Весна, 1989. – 319 с.
4. Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка [Текст] / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1984. – 176 с.

References

1. Arutyunova, N. D (1990) Pragmatics. [Text] Linguistic Encyclopedic Dictionary / N. D Arutyunova, ed. V. N Yartseva. [Pragmatika. [Tekst] Lingvisticheskiy enciklopedicheskiy slovar] – Moscow: Sov. encyclopedia. – 685 p.
2. Vezhbitskaya, A. (1999) Semantic Universals and description languages [Text] [Semanticheskie universalii i opisaniye jazukov [Tekst]] / A. Vezhbitskaya. – M.: Satellite. – 260 p.
3. Karaulov, U. N. (1989) From text grammar to cognitive theory of discourse. Language. Cognition. Communication [Text] [Ot grammatiki teksta k kognitivnoy teorii diskursa. Jazyk. Poznanie. Kommunikatsia [Tekst]] / U. N. Karaulov, V. V. Petrov. – Moscow: Spring. – 319 p.
4. Kolshansky, G. V (1984) Communicative function and structure of language [Text] [Communicative function and structure of language [Text]] / G. V Kolshansky. – Moscow: Science. – 176 p.

А. В. Степанова

кандидат филологических наук, доцент кафедры
английской филологии ФГБОУ ВПО «Оренбургский
государственный педагогический университет
e-mail: ansvs@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ЕДИНИЦ В КИНОТЕКСТЕ

Статья посвящена вопросам функционирования прецедентных единиц в кинотексте. Кинотекст представляет собой разновидность креолизованного текста, лингвистическая природа которого неразрывно связана с его невербальной составляющей. Разнородность кинотекста влияет на типы используемых прецедентных единиц. Кроме вербальных прецедентных единиц, выраженных прямыми цитатами, прецедентными именами, прецедентными ситуациями и пародией, выделяются прецедентный аудиоряд и видеоряд. В статье анализируется роль интертекстуальных компонентов в структуре креолизованного текста, рассматриваются источники прецедентных единиц по типу апелляции. Данные о частотности предтекстов могут меняться в зависимости от типа текстов и времени их создания. Кинотекст опирается на узнаваемость прецедентных единиц и их максимальную сворачиваемость, что предопределяется ограничением времени на просмотр кинотекста и анализ скрытых смыслов.

Ключевые слова: прецедентная единица, интертекстуальность, креолизованный текст, кинотекст.

В настоящее время явление интертекстуальности и прецедентности представляет большой интерес как для отечественных, так и для зарубежных ученых (И. В. Арнольд, Д. Б. Гудков, Ю. Н. Караулов, Н. А. Фатеева, Г. Аллен, М. Фуко, М. Гардинер и др.). Г. Г. Слышкин считает такую вспышку интереса неслучайной: «Современная культура не склонна к тексторождению. В дискурсах различных слоев общества налицо тенденции к ностальгическому переживанию текстовых ценностей прежней эпохи» [6, с. 5].

В начале XX века, с популяризацией и распространением кинематографа, важную роль стал играть кинотекст как дискретная последовательность непрерывных участков текста. Кинотекст является разновидностью креолизованного текста, в котором присутствуют лингвистический и нелингвистический компоненты, настолько взаимосвязан-

ные между собой, что удаление одного из них ведет к непониманию. В поликодовой структуре кинотекста вербальный компонент реализуется в зрительной форме статичными, динамичными надписями, титрами или субтитрами; в слуховой — речью персонажей. Невербальный — динамическим и статическим видеорядом в зрительной форме; музыкальным и шумовым оформлением — в слуховой [7, с. 19].

Кинотекст, как и любой другой текст, содержит в себе прямые и косвенные ссылки на корпус существующих текстов, культуру и историю, однако способ актуализации интертекстуальности в кинотексте требует дополнительного изучения. Актуальность исследования прецедентности в кинотексте связана с растущей визуализацией культуры и недостаточной изученностью явления кинотекста, необходимостью понять роль

прецедентности в создании креолизованного текста и определить особенности функционирования вербальных и невербальных прецедентных единиц, участвующих в создании кинотекста.

Интертекстуальность – один из способов трансляции так называемого кода культуры, закрепленного в корпусе прецедентных текстов. По определению Ю. Н. Караулова прецедентные тексты – это «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [3, с. 216].

Единица, представляющая предтекст, – это «особого рода культурный знак в виде речевого фрагмента в составе вербального текста – от слова до сверхфразового единства, как правило, имеющий определенный источник или авторство, узнаваемый как не принадлежащий автору изучаемого произведения» [2, с. 5]. Такие единицы называются **прецедентными единицами** (ПЕ). Данные единицы появляются благодаря особому «механизму удобного свертывания» [4, с. 73]. Суть его состоит в том, что любой текст характеризуется набором сильных позиций, именно они являются источником прецедентных единиц. «Сильная позиция высказывания в свете теории прецедентности важна не столько в структурном плане организации текста, сколько с точки зрения психологической значимости. Психологическая подоплека сильной позиции состоит в том, что к слову, фразе приковывается внимание, и тем вероятней, что это слово / высказывание останется в культурной памяти» [1, с. 19]. В сильной позиции выступают заголовки, инициальное предложение произведения, конечное предложение текста, имена главных героев, основное место разворачивания сюжета произведения, особая ритмическая организация фразы. Кроме сильной позиции превращению простой фразы в прецедентную способствует ее универсальность, «отражая общеизвестные истины, они так естественно и легко изымаются из контекста, что прекрасно существуют и без

него, поэтому такие фразы самодостаточны и автосемантически» [4, с. 74].

За каждой прецедентной единицей стоит своя уникальная система ассоциаций, вызываемых им в сознании носителей языка, т.е. прецедентная единица является автономным смысловым блоком речевого произведения, актуализирующим значимую для автора фоновую информацию и апеллирующим к «культурной памяти» читателя. Прецедентная единица актуализируется дважды – в предтексте и в заимствующем тексте, что позволяет рассматривать ее как сложный знак с двойной актуализацией.

В связи со сложной структурой кинотекста в них выделяются как вербальные, так и невербальные ПЕ.

К **вербальным** следует отнести следующие способы передачи ПЕ:

1) **прямые цитаты** – дословное воспроизведение языковой личностью части текста или всего текста в новом тексте в том виде, в котором этот отрывок текста сохранился в памяти цитирующего. Для цитации в кинотексте характерна либо имплицитность, т.е. отсутствие ссылки на источник цитирования, либо упоминание текста источника для облегчения процесса декодирования скрытого смысла реципиентом:

I was in seminary school. They asked us once what our favourite passage was. I chose *First Peter*, chapter one, verse seven.

“These trials only test your faith to see whether or not it is strong and pure. Your faith is being tested, as fire tests gold and purifies it”.

Приведенный выше пример представляет собой цитату из соборного послания апостола Петра.

2) **прецедентные имена** – широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека, сколько в качестве своего рода символа определенных качеств, событий и судеб.

Наглядным примером может послужить пример из кинофильма «Broken Flowers», где главный герой, получив письмо от одной из своих бывших девушек, но не зная точно от которой, рассказывает своему другу любителю детективов об этом.

– You give me a list of all your girlfriends from back then, and then I can plan everything.

– Uh, I think I'm going home, *Sherlock*.

Шерлок Холмс – литературный персонаж, созданный Артуром Конан Дойлем. Главный герой фильма с иронией называет своего друга именем гениального сыщика, не веря в его возможность помочь в сложившейся ситуации.

3) **прецедентная ситуация** — некая «эталонная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, причем в кинотексте для ее реализации большую роль играет видеоряд фильма.

Прецедентная ситуация с ведением дневника весьма распространена в работах американских авторов. Так, например, в сериале «Дневники вампира» главная героиня Елена Гилберт тоже ведет дневник.

– He finally asked you out?

– Yes!

It's a "*Dear Diary*" moment.

Подруга героини подразумевает, что сложившаяся ситуация требует ее подробного изложения в дневнике девушки.

4) **пародия** — произведение искусства, имеющее целью создание у зрителя комического эффекта за счёт намеренного повторения уникальных черт уже известного произведения в специально изменённой форме.

Наглядным примером пародии в кино является фильм «The League of Extraordinary Gentlemen». Лига выдающихся джентльменов – это отряд супергероев под предводительством бесстрашного искателя приключений Алана Квотермейна. Под его началом оказались такие литературные персонажи, как Капитан Немо, вампирша Мина Харкер, человек-невидимка Родни Скиннер, Том Соьер, Дориан Грей и доктор Джекил/мистер Хайд. В пародии понимание целого текста зависит от фоновых знаний реципиента, в противном случае скрытые смыслы становятся лакунарными.

Анализ практического материала показывает, что чаще всего в кинотексте предпочтение отдается прецедентным именам, а не цитатам и прецедентным ситуациям. Это происходит потому, что прецедентные имена более компактны по структуре и, как правило, обозначают не только собственно имя, но и весь запас знаний об этом имени.

Невербальные ПЕ представлены:

1) **аудиорядом** – такие ПЕ позволяют правильно интерпретировать события, про-

исходящие на экране. Прецедентный аудиоряд помогает быстрее и качественнее создать нужный образ, так как концепт желаемого образа уже был ранее заложен в сознание реципиента. Так, например, композиция, написанная Джоном Барри в 1962 году специально для кинофильма «Dr. No» о Джеймсе Бонде, вызывает соответствующие ассоциации – супергерой, крутой парень, который может все. Композиция широко используется в других кинофильмах, не из серии фильмов о Джеймсе Бонде (Evan Almighty, Taxi 3 и т.д.), а также в ряде компьютерных игр (Guitar Hero World Tour, Street Fighter III, Fallout: New Vegas).

2) **видеоряд** – чаще всего прецедентный видеоряд дополняет или поясняет происходящее. Прецедентным можно назвать использование мультипликационных фильмов и сериалов знаменитого американского режиссера-мультипликатора Тэкса Эйвери. Его творения создали в совокупности целый культ и поэтому являются неотъемлемой частью жизни не только американцев, но и жителей других стран. Мультифильмы как визуальные ПЕ встречаются в таких фильмах, как «Space Jam», «The Mask» и др.

Невербальные ПЕ позволяют правильно интерпретировать события, происходящие на экране. Следует отметить при этом, что вербальные ПЕ могут существовать вне связи с аудио- и видеорядом, в то время как невербальные ПЕ всегда тесно связаны с вербальными ПЕ.

Прецедентные феномены характеризуются полифункциональностью. Выделяют следующие функции ПЕ:

1) эвфемистическая функция помогает смягчить резкое или грубое высказывание, прикрыв его неагрессивной формой;

2) функция интенсификации – придает высказыванию экспрессивность, гиперболизирует высказывание;

3) людическая функция – ПЕ свойственна языковая игра, задается задача, загадка, намек, зритель должен прийти к ответу самостоятельно;

4) функция оценки – ПЕ является важным средством эмоциональной оценки, ярко выражающим субъективное отношение автора;

5) прагматическая функция – функция воздействия на адресата, прецедентные еди-

ницы задают определенную систему ценностей и антиценностей, которая в той или иной мере регулирует поведение представителей национально-лингвокультурного сообщества, объединяя «своих» и противопоставляя их «чужим»;

6) эстетическая функция связана с упоминанием эстетически важной единицы, часто единицы несут в себе также метафорический оттенок;

7) парольная функция – ПЕ часто служат для обнаружения общности ментально-вербальной базы автора и читателя, читатель, откликаясь на пароль, названный автором, становится «своим», «посвященным».

Необходимо отметить, что функции ПЕ нечасто можно встретить в чистом виде. Важен также и тот факт, что ПЕ в кинотексте должны рассматриваться в совокупности с аудио- и видеорядом.

Последующий анализ ПЕ показывает, что они апеллируют к разным источникам. Из 900 примеров использования ПЕ в кинотексте самыми продуктивными являются ПЕ из области «Всемирная история» – 31%, «Кинематограф» – 23%, «Эстрада» – 16%. Менее продуктивными оказались ПЕ со следующими апелляциями: к «Литературе» – 11%, «Брендам» – 10%, «Географии» – 3%, «Спорту» – 3%, «Науке» – 2%. Меньше всего встречаются ПЕ с типом апелляции «Интернет» – 1% и «Политика» – 1%.

Сравнив полученные результаты с данными частотности разных типов предтекстов в литературных произведениях 19 и 20 веков [7, с. 109–113] можно получить представление о степени популярности первоисточников в разных типах текста.

Табл. 1.

Тип источника	Художественные тексты 19 в.	Художественные тексты 20 в.	Кинотексты конца 20 – начала 21 в.в.
История	13%	16%	31%
Кино	–	29%	23%
Литература	17%	18,6%	11%

Как видно из данных, представленных в таблице № 1, корпус прецедентных единиц с течением времени меняется. К ПЕ из области истории апеллируют все больше в связи с событиями мирового масштаба в 20 веке. Область «кино» как новый вид искусства вызывает большой интерес, а частотность апелляцией к литературе снижается. Это можно объяснить тем, что с течением времени и новыми достижениями технического прогресса реципиенты меньше знакомы с литературными произведениями, чем предыдущие поколения.

Проведенное исследование показало, что в кинотексте ПЕ должны быть мгновенно узнаваемы и легко интерпретироваться среднестатистическим зрителем, корпус пре-

цедентных текстов для сценариев сокращается и модернизируется, авторы все больше апеллируют к современным и локальным текстам. Время просмотра фильма не предполагает длительного вдумчивого анализа скрытых смыслов, как при чтении художественного произведения, поэтому интертекстуальность и прецедентность представлены в более упрощенном варианте, чем в литературе. Именно поэтому чаще всего значение предтекста сворачивается до минимальных компонентов – прецедентных имен, характеризующихся компактностью, смысловой емкостью и, как следствие, структурной подвижностью, способностью встраиваться в любой контекст.

Литература

1. Белецкая, А. Ю. Пословица как прецедентная единица в аргументативном дискурсе: дисс. ...канд. филол. наук (10.02.04 – германские языки) / А. Ю. Белецкая; рук. работы Н. А. Шехтман. – Самара, 2002. – 200 с.

2. Евстюгина, А. А. Прецедентные тексты в поэзии В. Высоцкого: (к проблеме идеостиля): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / А. А. Евстюгина. – Екатеринбург, 1995. – 17 с.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: «Наука», 1987. – 261 с.
4. Костомаров, В. Г., Бурвикова, Н. Д. Как тексты становятся прецедентными / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 1. – С. 73–76.
5. Слышкин, Г. Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. – М.: Водолей Publishers, 2004. – С. 19–40.
6. Слышкин, Г. Г. Концепты прецедентных текстов в карнавальном отражении / Г. Г. Слышкин // Традиции русской художественной культуры. Межвузовский сб. науч. тр. Волгоград, 2000. – 488 с.
7. Степанова, А. В. Интертекстуальная природа образа и образности: на материале образных сравнительных конструкций английской и американской литературы 19 и 20 вв.: дисс... канд. филол. наук (10.02.04 – германские языки) / А. В. Степанова; рук. работы Н. А. Шехтман. – Самара, 2006. – 212 с.

Literature

1. Beletskaya, A. Y. Proverb as a precedent unit in argumentative discourse [Poslovitsa kak pretsedentnaya yedinita v argumentativnom diskurse] : diss. ... cand. philol. science (10.02.04 – Germanic Languages) / A. Y. Beletskaya. – Samara, 2002. – 200 p.
2. Yevstyugina, A. A. Precedent texts in V. Vysotsky's poetry: (on the problem of ideostyle) [Pretsedentnye teksty v poezii V. Vysotskogo: (k probleme ideostilya)]: diss. abstract ... cand. philol. science / Yevstyugina, A. A. – Yekaterinburg, 1995. – 17 p.
3. Karaulov, Y. N. Russian language and linguistic identity [Russki yazyk i yazykovaya lichnost'] / Y. N. Karaulov. – Moscow: "Nauka", 1987. – 261 p.
4. Kostomarov, V. G., Burvikova, N. D. [How texts become precedent] / V. G. Kostomarov, N. D. Burvikova, // Russian Language Abroad. – 1994. – № 1. – P. 73–76.
5. Slyshkin, G. G. Filmtext (experience of linguo-cultural analysis) [Kinotekst (opyt lingvokulturologicheskogo analiza)] / G. G. Slyshkin, M. A. Yefremova. – M.: Vodolei Publishers, 2004. – P. 19–40.
6. Slyshkin, G. G. Concepts of precedent texts in carnival reflexion [Kontsepty pretsedentnykh tekstov v karnaval'nom otrazhenii] / G. G. Slyshkin // Traditsii russkoi khudozhestvennoi kel'tury. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov. Volgograd, 2000. – 488 p.
7. Stepanova, A. V. Intertextual nature of image and imagery: based on similes from English and American literature of the 19th and 20th centuries [Intertekstual'naya priroda obraza i obraznosti: na materiale obraznykh sravnitel'nykh konstrukttsii angliiskoi i amerikanskoi literatury 19 i 20 vv.]: diss. ... cand. philol. science (10.02.04 – Germanic Languages) / A. V. Stepanova. – Samara, 2006. – 212 p.

Т. В. Фролова

кандидат филологических наук, доцент кафедры
английской филологии, ФГБОУ ВПО «Оренбургский
государственный педагогический университет»
e-mail: englishphilology@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ВЕРБАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Статья поднимает актуальный вопрос имиджа страны через способ ее презентации политическими лидерами данного государства. Политическая реклама и агитация – процесс информационного воздействия на массы с целью побуждения к определенному политическому поведению. При этом манипулятивные технологии вербального действия в политике основываются на восприятии политических реалий при помощи средств и образности языка. В этом случае слова не просто характеризуют политику – они сами становятся ее частью.

Прямая связь языка с властью дает возможность говорить о существовании «политического языка» – основного инструментария социальной технологии «связь с общественностью» (PR).

Обращение глав государств к нации в канун Рождества и Нового года является одной из форм реализации манипулятивных вербальных технологий. При этом «политический язык» несет отпечаток культурной традиции.

Ключевые слова: манипулятивные технологии, социальная технология «связи с общественностью (PR)», политический язык.

Обращение главы государства к народу перед наступлением Нового года – обязательный ритуал подведения итогов старого и всевозможных напутствий и пожеланий. Обычно это сводится к национальному празднику – Новый год либо Рождество в западных странах. Подобные обращения к народу стали символом наступления чего-то нового и совершенно другого. Это шанс для глав государств подтвердить свою политическую состоятельность и твердость в намерениях, заключенных в двух минутах речи. Новогодние речи замыкают все прошедшие события и открывают перспективы; важно показать даже отрицательные моменты с более приглядной стороны – способность преодолеть тяжбы и муки, встать и продолжать путь. Данный факт можно рассматривать как искусное использование как лингвисти-

ческих, так и паралингвистических параметров. В предпраздничные дни люди более открыты и расслаблены, а значит, уязвимы. Политик может круто изменить к себе отношение. Рассмотрим и сравним две политические речи Дэвида Кэмерона и Барака Обамы в канун 2012 года.

Американский президент начинает свою речь весьма непринужденно и дружелюбно: “Hello, everybody. As 2011 comes to an end, and we look ahead to 2012, I want to wish everybody a happy and healthy New Year”. Неформальное приветствие и пожелание сокращает дистанцию между «властью и народом». Это позволяет установить необходимый контакт, в котором слушатели не будут критически искать потайного смысла в словах. На официальных политических сайтах и в социальных сетях люди оставляют ком-

ментарии ко всему изложенному: они не воспринимают новогоднюю речь как искреннюю. В их глазах это обязанность глав и не более. Они склонны считать, что все сделано для публичности и не несет никакой смысловой нагрузки. Поэтому Обама пытается не засорять речь политическими терминами, просто излагать мысли.

The last year has been time of great challenge, and great progress for our country. We ended one war and began to wind down another. We dealt a crippling blow to al-Qaida and made America more secure. We stood by our friends and allies around the world through natural disasters and revolutions. And we began to see signs of economic recovery here at home, even as too many Americans are still struggling to get ahead. Как мы видим, президент упоминает все неудачи политики внутри и вне страны, но он не забывает и о победах над общим хаосом. Противопоставлены два феномена: great challenge и great progress, но окрас у них один, силы равны. Президент подчеркивает действия, совершенные вместе, а не только его партией. Об этом говорит употребление местоимений «мы» и следующих за ним глаголов – все это сделало Америку более надежной и безопасной (made America more secure). Именно за счет глаголов в данном отрывке идет нарастание событий и напряжения, а затем, в следующем – апогей, критическая точка – перемена к лучшему; и резкий спад: “There’s no doubt that 2012 will bring even more change. And as we head into New Year, I’m hopeful we have what it takes to face that change and come out even stronger... I’m hopeful because of what we saw right before Christmas...”. Фраза: will bring even more change и есть та критическая точка. Это то, чего следует ожидать в будущем году. Even more – готовит слушателей к чему-то более действенному и неожиданному. Неожиданному с положительной стороны. Вся политическая кампания Барака Обамы построена на таких моментах, как перемена (change), сила, сильнее (stronger) и идея будущего. Президент выражает свое доверие по отношению к своим избирателям и повторяет это неоднократно (I’m hopeful). А надежда не может символизировать то напряжение, которое было в перемене. Надежда – это тоже сила, но более спокойная, способная ждать

и не торопить события. Здесь ритм замедляется и дает возможность запомнить каждое слово президента. Он верит в перемену во всех сферах его страны и советует людям следовать его примеру, верить в правительство и принимать самим участие.

And I expect Congress to finish the job by extending these provisions through the end of 2012. It was good to see members of Congress do the right thing for millions of working Americans, but it was only possible because you added your voices to the debate, on email, twitter and over the phone. You let your representatives know what was at stake. Your lives. Your families. Your well-being. You had the courage to believe that your voices could make a difference. And at the end of the day they’ve made all the difference. So more than anything else, you are the ones who make me hopeful about 2012. Because we’ve got some difficult debates and some tough fights to come. As I’ve said before, we are at a make-or-break moment for the middle class. In many ways the actions we take in the months ahead will help determine what kind of country we want to be, and what kind of world we want our children and grandchildren to grow up in. Президент говорит о принятых мерах и их результатах, упоминая при этом весь Конгресс. Главный акцент поставлен на обращении к народу – you, your voices... Тем самым, именно действия людей побудили правительство к срочным мерам. Барак Обама уверяет, что все так и должны поступать в дальнейшем. От этого зависят самые главные ценности жизни, и президент их перечисляет: “Your lives. Your families. Your well-being”, которые могут быть под угрозой. Эллиптические предложения, идущие друг за другом, создают впечатление скорости: зритель кидает быстрый взгляд, и полностью усваивает данную картину до мелочей. Это те слова, которые в отдельности всегда подразумевают друг друга. Это тот комплекс, который и приносит счастье в дом каждого человека. Не остаются без внимания и средства связи (on email, twitter and over the phone), с помощью которых и осуществляется путь вперед. Чем больше голосов за президента, тем больше шансов изменить будущее страны. Обама выделяет ту силу, которой обладает народ перед властью, именно такие люди способны изменить все законы и рамки общества.

Он говорит: “you are the ones who make me hopeful about 2012”, и что сейчас самый решающий период для большей части американцев: “we are at a make-or-break moment for the middle class”. Президент предстает не только как лидер, но и как человек, равный каждому американцу. Ему требуется помощь, он не боится просить ее, он делает это с достоинством. Он не делает ярких и броских заявлений по преодолению всех проблем за месяц, он не убеждает людей в правильности их выбора. Он лишь говорит, что вместе и сообща можно добиться многого: с ним или без него. Если люди не заботятся о себе, то они обязаны думать о следующем поколении: “what kind of country we want to be, and what kind of world we want our children and grandchildren to grow up in”.

As president, I promise to do everything I can to make America a place where hard work and responsibility are rewarded, one where everyone has a fair shot and everyone does their fair share. That's the America I believe in. That's the America we have always known. And I'm confident that if we work together, and if you keep reminding folks in Washington what's at stake, then we will move this country forward and guarantee every American the opportunities they deserve. Thank you for watching... Happy New Year [1]. Выражения типа As president, I promise, everything I can, I'm confident не терпят «расплывчатости», поэтому здесь нужно конкретное лицо, несущее всю ответственность на себе. Здесь мы видим, что все обещания, факты, представления подписаны одним человеком. Он в это верит и знает в этом толк. Это важно в такой речи. Далее идет: “to make America a place where hard work and responsibility are rewarded”. Трудолюбие и самоотдача характерны не всем американцам, даже если в мире осуществление любой мечты ассоциируется именно с Америкой, страной больших возможностей. Похоже, что эти возможности доступны только талантливым иностранцам, не имеющим ничего, кроме желания и целеустремленности. А стране выгодно, чтобы ее граждане прогрессировали, чтобы она шла впереди остальных государств не из-за обилия трудоголиков-иностранцев, с которыми американцы не всегда способны конкурировать, а благодаря духовному и материальному росту нации. Поэтому work and

responsibility доминируют над остальными критериями хорошей жизни. Эта их главная слабость, с которой Обама пытается покончить. А фраза: “one where everyone has a fair shot and everyone does their fair share” продолжает эту мысль, подчеркивая, что каждый (!) способен на качественную работу и взаимопомощь. That's the America I believe in. That's the America we have always known. Артикль the усиливает то качество, состояние Америки в прошлом, до Джорджа Буша. Это страна, которую люди помнят с детства или юности. Ностальгия помогает пробудить в людях желание к действиям: вместе не страшны проблемы, все реально и достижимо (if we work together). План максимум для США – вернуть ее прежнее состояние, без инфляций и кризиса. Прошлое страны, ее история имеют свою магию, поэтому ее следует помнить и уважать: “you keep reminding folks in Washington what's at stake. We will move this country forward and guarantee every American the opportunities they deserve” – вот выход из тупика, как говорит Барак Обама. Глагол to move forward выражает идею толчка, а затем ноши, приятного груза, который нельзя оставить покоиться до следующего раза – это окончательное и законченное движение. Данная фраза является завершающей и несет в себе триумф. Именно последние слова запоминаются зрителю, и они не должны нести отрицательную коннотацию. Здесь содержится идея движения вперед и гарантия того, что, опять же, каждый получит заслуженный приз. Глаголы to guarantee и to deserve отлично выполняют эту функцию. Все хотят быть оценены по заслугам и даже больше. Эти ключевые слова сыграли свою роль. Далее идет краткое пожелание и прощание со зрителями: “Thank you for watching... Happy New Year”.

Таким образом, Барак Обама подвел итоги прошлого года и желает отрицательному опыту не повториться в следующем. Он упоминает основные моменты истории США и говорит о ценностях людей. Он видит себя не только лидером, но и другом каждого американца. Эта речь является ответственной как с точки зрения окончания большой годовой работы, так и со стороны будущих выборов. И такое выступление – отличная возможность показать себя как руководителя, напомнить людям, за что они его предпочли

остальным, и доказать свою правоту и способность держать данное слово.

Дэвид Кэмерон, премьер-министр Великобритании, обращался к своим гражданам более сдержанно. Он говорил: “2012 must be the year we go for it – the year the coalition government does everything it takes to get our country up to strength”. Как и каждый глава государства Кэмерон акцентирует внимание на новом годе, а, значит, и новой жизни. Основные штрихи заключаются в трех словах: все (everything), страна (country), сила (strength). Линия четко видна: все для страны, после чего она приобретает свою силу.

Cameras and TV channels around the planet will be recording these magnificent events. It gives us an extraordinary incentive to look outward, look onwards and to look our best: to feel pride in who we are and what – even in these trying times – we can achieve. Кэмерон берет на вооружение предмет глобальности, он уверен в победе его страны над самой собой. Об этом свидетельствует первое предложение. These magnificent events и an extraordinary incentive продолжают идею и дополняют друг друга. Разумеется, необыкновенные события создадут небывалый стимул к развитию страны. И взгляды всего мира будут прикованы к Великобритании. Кэмерон весьма красочно описывает будущий триумф страны. Затем даются способы достижения приведенной картины: to look outward, look onwards and to look our best – все кроется в них самих. Самопознание, поиски чего-то в прежних вещах и анализ фактов – вот ключ к английскому счастью. Это поможет понять, кто они на самом деле и что из себя представляют (who we are and what we can achieve). Главное ударение стоит на словах who и what. Настоящее их состояние Кэмерон называет как these trying times. Значит, крупная игра еще не настала, это только разминка. Англичанам стоит запастись силами. И это правда: помимо мирового финансового кризиса, скачков евро, Великобритании предстоит провести летние Олимпийские игры в наступающем году. А подобные мероприятия всегда несут политический характер, хотя организаторы и пытаются отвести этот фактор в сторону. Ведь это событие мирового масштаба, которое несет четкую миссию: объединить людей всех наций и сломать существующие рам-

ки. То, как проведены Игры, характеризует принимающую страну и оценивает ее силу и могущество. Поэтому каждые Игры хозяева сочиняют все новые и новые запоминающиеся приемы, чтобы удивить публику. Многие критики замечают, что the Olympics next summer present a megamarketing opportunity for the UK that will allow us to sell more abroad and promote growth. Поэтому Олимпийские игры важны со всех сторон, не только с политической. И Дэвид Кэмерон продолжает: “There are fears about jobs and paying the bills. The search for work has become difficult, particularly for young people. And rising prices have hit household budgets... I get that. We are taking action on both fronts. I know how difficult it will be to get through this. But I also know that we will”. Он называет все вещи своими именами и осознает это (I get that). Сложное (difficult) контрастирует с планом по его снятию: “We are taking action on both fronts”. Дэвид Кэмерон упоминает себя через личное местоимение, выражая собственное мнение и отношение к происходящему или планируемому (I know, I get, I also know). Однако, при упоминании необходимых мер он задействует имидж общности и сплоченности (We are taking action), ведь он не один работает над реформами. Победное we will закрепляет сказанное кратко и жестко, ни малейшего сомнения в голосе.

We have gained security for now – and because of that, we must be bold, confident and decisive about building the future. I know much needs to change. We’ve got to do more too to bring our economy back to health. So we’ve set out big plans for the transformation of our infrastructure, starting now - with better roads and railways, superfast broadband and new homes... Too often our schools aren’t up to scratch, our hospitals aren’t always clean enough and our police don’t catch criminals [2]. Здесь присутствует идея «разломленной Британии» (Broken Britain), которую Дэвид Кэмерон вызвался починить: “to bring our economy back to health”. Перечисление качеств, необходимых для будущего (about building the future) определяет то, какой отдачи ждут в Парламенте от народа. Премьер-министр сравнивает прошедший год с будущим, приводя примеры лучшего положения в стране с помощью прилагательных: better,

superfast, new. Отрицания aren't, don't настоящих структур еще сильнее акцентируют на этом внимание: люди не будут жить в прежних условиях, все станет на порядок выше и качественнее. Кэмерон еще раз подчеркивает свои намерения в высказывании: "I will always fight for what is best for Britain". Речь идет не о простой борьбе за лучшее, это борьба за выживание на международной арене. Для каждой страны значима ее позиция по отношению к другим странам. Премьер-министр выделяет свою любовь и самопожертвование к своей Родине.

We came together in the national interest, and we must stay together in the national interest. Звучит как призыв или девиз в адрес своих коллег, образующих его партию. Он напоминает, ради чего все создавалось, какую цель они преследовали, и они должны быть верными этой цели. The national interest – вот главная ценность, возвышающаяся над остальными. Кэмерона не покидает мысль всеобщности (together) и дружности.

The eyes of the world will be upon us, and we must ensure they see a country that is open, strong, confident and moving forward to a better future. So I am looking forward to the new year not just with confidence and hope, but with the resolve that we in this party and this government will make the most of it and make it a landmark year for Britain [3]. Международные отношения из-за проведения Олимпийских игр стали щекотливой темой в Британском правительстве. Политик рисует свое видение Британии в глазах других как a country that is open, strong, confident and moving forward to a better future. То, что страна открыта и сильна, показало ее стремление завоевать право на проведение Игр; она уверена и постоянно движется вперед – это план для любой страны. Но заметим, что, по сравнению с США, Великобритания все же закрыта для иностранцев. США охотнее принимают весь мир к себе в гости, не боясь за избыток количества приезжих. А Великобритания достаточно щепетильно отбирает тех, кого она хочет видеть на своих улицах. Это можно объяснить как географическим фактором, так и национально-культурным. В речи важна сама манера подачи информации и место, занимаемое Кэмероном в головах граждан. Он определяет наступающий год как решающий в истории страны (make

it a landmark year for Britain), как стартовую точку к тому самому обещанному и планированному подъему. Завершение речи достаточно оптимистично и имеет стержень. Политик справился с задачей донести мысль до зрителей.

Итак, Дэвид Кэмерон более сдержан в речи и держит некую дистанцию между собой и слушателями. Он напоминает людям, какую миссию несет будущий год и готовит их к ответственным поступкам. Он не забывает про международную арену и про внутренние обстоятельства страны.

Из приведенного анализа следует сделать вывод, что обе речи, хотя и имеют общую цель и повод для выступления, отличаются друг от друга по характеру. Обама больше сосредоточен на предстоящих выборах и говорит об этом. В его речи присутствуют элементы рекламы, он вставляет свои лозунги в речь (That's the America I believe in), но старается излишне не говорить о себе. Он говорит о людях, об их мироощущении. Он выражает свою надежду по поводу доверия людей к себе и пытается сподвигнуть их к действиям. Дэвид Кэмерон же не включает в свою речь вопросы выбора и своего отношения в политике. У него нет подобной проблемы, он был выдвинут на пост королевы. Голоса не играли столь решающей роли как в США. Однако Кэмерон перегрузил свою речь терминами и проблемами. Его речь не была столь легкой, как у его американского коллеги. Предложения длиннее и сложнее, выражения имели более высокий стиль, нежели у Обамы. Американский президент смог вместить в свое выступление и предвыборную кампанию, и будущие заметки, и положение, и отношение народа. Кэмерон же больше говорил об интернациональных взаимоотношениях и о стране в общем, без перехода к слушающим. В обеих речах звучала идея единства и сплоченности: только у Обамы – это его команда и народ, а у Кэмерона – он и кампания. То, что Кэмерон со своей коалицией работает для народа, становится ясно, но Обама сильнее расставляет акцент на этом. Цели ведь у них разные. Заметим, что элементы будущего, перемен и силы присутствуют у каждого политика. Для обеих стран 2012 год решающий: "a make-or-break moment" в США и "a landmark year" в Великобритании.

Хотя планы и рознятся, но решения применяются единые. Каждый политик пытается внести свое в историю, уточняя место, занимаемое им (I know, I will/I promise, I can), однако идти к цели он будет вместе с народом (we, together). Судя по эпитетам, для обоих политиков этот год решающий. Но если для Кэмерона на первом месте стоит национальный интерес, то Обама говорит о трудоспособности и ответственности. Значит, первый берет проблему масштабно и глобально, а второй – ее детализирует и четко формулирует.

Как уже было отмечено ранее, граждане страны достаточно скептически относятся к таким выступлениям. Они редко «дословно» прислушиваются к словам. Они смотрят обращения из любопытства: что же скажет их глава государства. Все примерно знают,

что скажут политики в такой предпраздничный момент. Некоторым интересно послушать, что нового приготовило им правительство в наступающем году. Но вся речь воспринимается как дежурное выступление. Поэтому готовить речь главам государств – очень ответственно: она должна отличаться от бывших до нее, звучать интереснее и произвести впечатление. В Великобритании люди охотнее слушают поздравления королевы с Рождеством, ведь ее слова лишены политики, они наделены теплотой и искренностью. Королева говорит о нравственности и морали, о вере в Бога и о проведенных благотворительных мероприятиях ее семьей за год. Она является постоянным символом страны, лишенным всякой конкуренции и борьбы за власть. Это и отличает королеву от политических деятелей.

Литература

1. Официальный сайт Белого Дома [Электронный ресурс]: 2011. – Режим доступа: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/12/31/weekly-address-working-together-new-year-move-america-forward>.
2. Официальный сайт газеты “The Guardian” [Электронный ресурс]: 2012. – Режим доступа: <http://www.theguardian.com/politics/2012/jan/02/david-fernon-new-year-message>.
3. Официальный сайт «Британской ширококвещательной корпорации» [Электронный ресурс]: 2012. – Режим доступа: <http://www.bbc.co.uk/news/uk-16378577>.

References

1. White House official site [Electronic resource]: 2011. – Access mode: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/12/31/weekly-address-working-together-new-year-move-america-forward>.
2. “The Guardian” official site [Electronic resource]: 2012. – Access mode: <http://www.theguardian.com/politics/2012/jan/02/david-fernon-new-year-message>.
3. British broadcasting company official site [Electronic resource]: 2012. – Access mode: <http://www.bbc.co.uk/news/uk-16378577>.

Г. Р. Халлошева

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВПО «Оренбургский институт (филиал) МГЮУ имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
e-mail: kafedra_english@mail.ru

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья рассматривает альтернативные направления развития современного высшего образования («мега-университеты» и «корпоративные университеты», международное высшее образование, дистанционное высшее образование), наиболее яркие примеры последних тенденций в указанной сфере (Университетский центр в Гуанчжоу, Университет Гамбургера, Кротонвилль, Корпоративный университет КамАЗа). Автор анализирует возможные причины, приведшие к их возникновению (глобализация, развитие новых технологий, неблагоприятная экономическая ситуация, коммерческая конкуренция и некоторые другие), секреты их успеха, приводит точку зрения и аргументы сторонников и противников новых форм организации высшего образования, а также рассматривает возможные сценарии их сосуществования с традиционными университетами.

Ключевые слова: высшее образование, традиционные университеты, мега-университеты, корпоративные университеты, международное дистанционное образование.

История высшего образования насчитывает не одно столетие – университеты доказали свою невероятную жизнеспособность, умение приспосабливаться к различным обстоятельствам, при этом сохраняя свои традиционные идеалы.

Однако современные реалии, с которыми приходится сталкиваться университетам, значительно изменяют направления их дальнейшего развития.

В прошлом университеты как производители знаний (научные исследования) и как инструменты развития личности (обучение) были одним из, если не единственным, институтов знания. Современные университеты более не являются единственными в своем роде учреждениями, способными выполнять роль, свойственную им в прошлом, а именно, обеспечение доступа к знанию, сотворение знания и развитие у студентов стремления к учению.

Кроме того, их роль ослабляется накопившимися проблемами как внутри системы университетского образования, так и за ее пределами.

Прежде всего, следует упомянуть растущие затраты на получение высшего образования по всему миру; развитие новых технологий, расширяющих наши традиционные представления об обучении и ценностях образования; постоянно меняющуюся экономическую ситуацию и изменчивый рынок труда; а также повсеместное сокращение государственного финансирования.

Стив Уилер в своем докладе на конференции по непрерывному образованию в европейских университетах приводит семь основных причин ослабления роли традиционного университетского образования [15]:

- развитие новых технологий;
- неблагоприятная экономическая ситуация;

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

- коммерческая конкуренция;
- недостаточная гибкость;
- количественное разрастание дисциплин;
- ухудшение качества преподавания;
- глобализация.

«Общество знаний» (П. Дракер, Р. Хатчинс, Т. Хусен) обеспечило быстрое распространение новых форм организации знаний, включая так называемые «коммерческие университеты», «мегауниверситеты», «открытые университеты» и «корпоративные университеты».

Мегауниверситетами принято именовать учебные заведения, по различным образовательным программам которых обучаются не менее 100 000 студентов, которым по окончании срока обучения присваиваются ученые степени [4]. За последние годы в мире возникло около десяти мегауниверситетов, среди них Анатолийский университет в Турции, Центральный университет радио и телевидения Китая и многие другие.

Таблица 1.

Сравнительные данные по некоторым мегауниверситетам
(взято с <http://portal.unesco.org>)

Университет	Год основания	Студенты (количество)	Преподаватели (количество)		Административный персонал (количество)
			штатные	совместители	
АIOU (Пакистан)	1974 г.	456126	145	23000	1426
Анатолийский (Турция)	1958 г.	884081	1729	953	1763
CCRTVU (Китай)	1979 г.	2300000	52600	31500	16500
IGNOU (Индия)	1985 г.	1013631	339	35	1337
KNOU (Корея)	1972 г.	196402	271	108	546
OU (Великобритания)	1969 г.	203744	1169	7995	3473
SHTVU (Китай)	1960 г.	101218	нет данных	нет данных	нет данных
STOU (Таиланд)	1978 г.	181372	375	нет данных	904
UT (Индонезия)	1984 г.	222068	762	3600	730

Университетский центр в Гуанчжоу, Китай, именуемый образовательным мегацентром (Guangzhou Higher Education Mega Center), был открыт в 2004 году. Мегацентр имеет общую территорию площадью 17,9 км², включая 3,53 млн квадратных метров учебных площадей, и способен вмещать 450–400 тысяч человек. На сегодняшний день он объединяет десять учреждений высшего образования (Университет Сунь Ятсен, Южно-Китайский технологический университет, Университет Цзинань, Гуандунский университет иностранных языков и другие), в которых обучаются 120 тысяч студентов [17].

Учитывая огромное число студентов, обучающихся в этих университетах, многие отмечают их «крайне важную роль для будущего высшего образования в мире» [5].

И кто знает, возможно, скоро у нас появится повод говорить о «глобальном, всемирном университете»?

Корпоративный университет – это форма обучения, при которой оно ведется «в стенах» самой организации и, в основном, ее собственными силами. IBM, например, тратит свыше 1 млрд долларов ежегодно на научные исследования и гордится своими 8 учебными центрами, в которых можно получить образование университетского уровня.

Компании Microsoft и Cisco предлагают свои программы корпоративного образования, завершающиеся получением дипломов и ученых степеней в области компьютерных технологий.

Корпоративные университеты предлагают своим учащимся ряд неоспоримых преимуществ:

– практическую, целевую направленность обучения;

– учет конкретной специфики, актуальной ситуации и непосредственно стратегии компании;

– гарантированную занятость в компании с возможностью дальнейшего роста;

– развитие сотрудников на постоянной основе и, как следствие этого, рост темпов развития компании.

Примерами наиболее известных и старейших корпоративных университетов в США являются «Университет Гамбургера» (Hamburger University), созданный компанией «Макдоналдс» в 1961 году, и «Кротонвилль», возникший на базе «Дженерал Электрик» в 1956 году [6].

«Университет Гамбургера» на данный момент остается единственным в индустрии быстрого питания, где преподаются 36-часовые курсы, признанные Американским советом по образованию равнозначными университетским. Курсы затрагивают различные аспекты ведения бизнеса [6].

Как вспоминает Джек Уэлч, занимавший пост председателя правления и генерального директора компании «Дженерал Электрик» с 1981 по 2001 год: «Энтузиазм участников возрос, а качество диалогов на занятиях постоянно повышалось. «Кротонвилль» стал источником энергии, стимулятором обмена идеями» [2].

В конечном итоге «Кротонвилль» обеспечил цикл непрерывного самообучения в «Дженерал Электрик». По сути, образовательный центр стал для компании важнейшей фабрикой по развитию лучших талантов GE [2].

Рассуждая о ряде других подобных образовательных центров, возникших в последние годы, среди которых наиболее известны, помимо выше упомянутых, университеты компаний Apple и Pixar, Даг Гутри (Doug Guthrie) высказывает мнение о том, что они составляют серьезную конкуренцию университетам в привычном для нас смысле слова, поскольку возникли как раз в ответ на все усугубляющиеся проблемы традиционного высшего образования [6].

Д. Гутри считает, что многие крупные компании берут на себя инициативу по созданию собственных образовательных центров, разочаровавшись в лидерских и профессио-

нальных качествах сотрудников, устраивающихся к ним на работу после обучения в традиционных бизнес-школах и университетах, считая их недостаточно подготовленными для того, чтобы обеспечивать эффективное развитие данных компаний в условиях жесточайшей конкуренции и глобализации [6].

В США корпоративные университеты представляют собой наиболее активно развивающийся сектор высшего образования [8], причем только лишь в Америке их число насчитывает почти 1800 [1].

Если данная тенденция сохранится, то у корпоративных университетов есть все шансы численно превзойти традиционные учреждения высшего образования в ближайшем будущем [12].

Традиционно считавшиеся типично американским явлением и до середины 90-х годов вызывавшие скептические отзывы в академических кругах [14], корпоративные университеты получили широкое распространение по всему миру.

Не стала исключением и наша страна. Так, например, Корпоративный университет КамАЗа успешно объединяет образовательные учреждения, учебные и консалтинговые центры, на долгосрочной основе сотрудничающие с компанией в области подготовки персонала и развития партнеров [20].

Основными задачами данного подразделения КамАЗа являются:

– формирование системы обучения, ориентированной на поддержку стратегии компании;

– разработка и реализация единых и результативных подходов к обучению и развитию в масштабах корпоративной системы обучения;

– включение в корпоративную систему обучения потенциального персонала и партнеров компании;

– создание условий для внутрикорпоративного профессионального общения и консолидации корпоративных знаний [20].

Следует также упомянуть Корпоративный университет ОАО «РЖД» [19].

Наряду с развитием мегауниверситетов и корпоративных университетов, развивается и международное дистанционное образование. Так, например, университеты Австралии, Великобритании, США и Канады активно продвигают свои программы

дистанционного образования. Их основными импортерами в Азиатско-Тихоокеанском регионе являются Китай, Гонконг, Индия, Малазия и Сингапур [18].

ЮНЕСКО и ОЭСР определяют международное высшее образование как «образование, получаемое в ходе обучения по курсу или образовательной программе, которые были разработаны и продолжают курироваться образовательными учреждениями другого государства» [16].

Международное высшее образование может принимать различные формы, функционирующие не только на основе традиционных университетов, открытых университетов и мегауниверситетов, но и возникающие на базе медиа-компаний, мультинациональных компаний, корпоративных университетов, профессиональных ассоциаций и IT компаний [7].

Более того, некоторые мегауниверситеты стали предлагать программы дистанционного обучения: программа «e-MBA» Анатолийского университета в Турции, программы Корейского национального открытого университета, программа «online MBA» университета Атабаски в Канаде.

Такие международные организации, как ЮНЕСКО, Содружество обучения (COL), ОЭСР и Всемирный банк признали значительный потенциал альтернативных форм развития высшего образования и предложили свои критерии оценки качества для системы дистанционного и международного высшего образования.

Использование новейших информационных и коммуникационных технологий при международном дистанционном обучении позволяют значительно сократить расходы на образование, изменить подходы к нему, решая, таким образом, целый ряд проблем, стоящих перед традиционными университетами. Значительную роль при этом играют Движение за свободное программное обеспечение и Движение за открытые исходные тексты (Free Software movement / Open Source movement). Учреждения дистанционного образования используют в своей работе специальные программные платформы, называемые системами управления обучением. Преподаватели и образовательные учреждения по всему миру создают и обмениваются учебными материалами и курсами, разрабо-

танными на базе этих платформ. В частности, первая открытая программа дистанционного обучения Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России «Менеджмент глобальных процессов» реализуется как раз на базе open-source решений.

Сэр Джон Дэниел, выступая на II Всемирном саммите мегауниверситетов заявил, что сочетание расширяющихся образовательных контактов и растущего объема образовательных материалов, находящихся в открытом доступе, поистине революционно, что значительно расширяет возможности новых форм в сфере высшего образования [16].

Однако, существует немало людей настроенных весьма скептически по отношению к новым тенденциям в сфере высшего образования [11; 13]. Они высказывают опасения по поводу того, что традиционные университеты не смогут адаптироваться, проявить достаточную гибкость и современность взглядов.

По мнению оппонентов, использование ими бренда «университет», возможно, и приятно, но в то же время оно несет в себе явную угрозу, т.к. эти учебные заведения «новой волны» являются серьезными конкурентами университетам в борьбе за их традиционную роль. Более того, существует также угроза того, что могут появиться все новые формы организации знаний: учебные заведения, организованные не столько по модели университетов, сколько в виде консультационных фирм по проблемам управления, компаний рыночных исследований или медиа-компаний. Как бы то ни было, эти новые «игроки» в сфере образования создают огромную проблему, которую предстоит решить системе высшего образования, если она хочет сохранить свою традиционную роль [3;4].

Сторонники же новых тенденций развития в сфере высшего образования настаивают, что эти новые формы образования никогда не претендовали на роль традиционных университетов и сам термин «университеты» используется ими лишь для того, чтобы подчеркнуть их приверженность общим целям [12].

Хотя Ландау и указывает на разрастание корпоративных университетов, предлагающих свои программы студентам извне [10],

это вряд ли может представлять серьезную угрозу основным курсам традиционных университетов. Реальная конкуренция на сегодняшний день существует только в области краткосрочных образовательных курсов.

Многие исследователи (Донкин, 1999, Аркин, 2000) даже сходятся на том, что между традиционными и корпоративными университетами возникает некая модель партнерства в сфере обучения и научных исследо-

ваний. Так, в Великобритании компания «ВТ» поддерживает связи с университетами Ланкастера и Ноттингема; компания «БАЕ системз» (BAE Systems) сотрудничает с университетами Кембриджа, Крэнфилда, Шеффилда, Саутгемптона, Ланкастера и университетом Ноттингем Трент; банк «ЛЛОЙДС ТИ-ЭС-БИ» (Lloyds TSB) – с университетами Уорик и Ноттингем Трент [12].

Литература

1. Bradshaw, D. Inside Track / D. Bradshaw. – October, 2000. – Режим доступа: <http://FT.com Global Archives>.
2. Byrne, J. Jack: Straight from the Gut / J. Byrne, J. Welch. – Business Plus, 2003. – 496 p. Coaldrake, P. Academic Work: in the Twenty First Century: Changing Role and Policies. Occasional paper. / P. Coaldrake, L. R. Stedman. – Higher education Division, Department of Education, Training and Youth Affairs, 1999. – Режим доступа: <http://dest.gov.au/archive/highered/99H/academic.pdf>.
3. Daniel, J. S. Mega-Universities and Knowledge Media: Technology Strategies for Higher Education / J. S. Daniel. – Kogan Page, 1996. – 212 p.
4. Daniel, J. S. Mega-Universities and Knowledge Media: Technology Strategies for Higher Education / J. S. Daniel. – Kogan Page, 1998. – 212 p.
5. Guthrie, D. Corporate Universities an Emerging Threat to Graduate Business Education / D. Guthrie // Forbes. – January 22, 2013. – Режим доступа: <http://www.forbes.com/sites/dougghuthrie/2013/01/22/corporate-universities-an-emerging-threat-to-graduate-business-education>.
6. Higher Education in a Globalised Society, Education Position Paper, UNESCO. – Paris: UNESCO, 2004. – Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org>.
7. Hoare, S. Have a Nice MBA / S. Hoare // Human Resources. – November, 1999. – P. 74–79.
8. Jung, I. Quality Assurance Survey of Mega-Universities / I. Jung // C. McIntosh (Ed.) Lifelong Learning and Distance Higher Education. – 2005. – UNESCO-COL, Paris/Vancouver. – Режим доступа: – <http://portal.unesco.org>.
9. Landau, M. D. Corporate Universities crack open their doors /M.D. Landau // Journal of Business Strategy. – May-June, 2000.
10. Moore, T. E. (1997) The Corporate university: Transforming Management Education / T. E. Moore //Accounting Horizons. – # 11 (1). – P. 77–85.
11. Prince, C. Beaver, Graham The Rise and Rise of the Corporate University: the emerging corporate learning agenda / C.Prince, G.Beaver. – Режим доступа:<http://www.heacademy.ac.uk>
12. Rossett, A. (1998) No cheers for corporate U /A. Rossett // Training. – #35, (8). – P. 96–102.
13. Walton, J. Strategic Human Resource Development / J. Walton. – Pearson Education, Harlow, 1999. – P. 561–598. – Режим доступа:<http://ulib.derby.ac.uk/ecdu/CourseRes/dbs/empdev/3walton.pdf>.
14. Wheeler, S. The Traditional University is Dead: Long Live the Distributed University, Keynote Address for the European Universities Continuing Education Conference University of Bergen, Norway, May 4–7, 2000. – Режим доступа: <http://www2.plymouth.ac.uk/distancelearning>.
<http://col.org>
<http://en.scut.edu.cn>
<http://portal.unesco.org>
<http://rzd.ru>
<http://university.kamaz.ru>

References

1. Bradshaw, D. (2000), "Inside Track", available at: <http://FT.com> Global Archives.
 2. Byrne, J., Welch, J. (2003), Jack: Straight from the Gut, Business Plus. – 496 p.
 - Coaldrake, P., Stedman, L. (1999), Academic Work: in the Twenty First Century: Changing Role and Policies. Occasional paper, Higher education Division, Department of Education, Training and Youth Affairs, available at: <http://dest.gov.au/archive/highered/99H/academic.pdf>.
 3. Daniel, J. S. (1996), Mega-Universities and Knowledge Media: Technology Strategies for Higher Education, Kogan Page. – 212 p.
 4. Daniel, J. S. (1998), Mega-Universities and Knowledge Media: Technology Strategies for Higher Education, Kogan Page. – 212 p.
 5. Guthrie, D. (2013), Corporate Universities an Emerging Threat to Graduate Business Education, Forbes, available at: <http://www.forbes.com/sites/dougguthrie/2013/01/22/corporate-universities-an-emerging-threat-to-graduate-business-education>.
 6. Higher Education in a Globalised Society, Education Position Paper, UNESCO. – Paris: UNESCO, 2004, available at: <http://unesdoc.unesco.org>.
 7. Hoare, S. (1999), Have a Nice MBA, Human Resources, November. – P. 74–79.
 8. Jung, I. (2005), Quality Assurance Survey of Mega-Universities, C. McIntosh (Ed.), Lifelong Learning and Distance Higher Education, UNESCO-COL, Paris/Vancouver, available at: <http://portal.unesco.org>.
 9. Landau, M. D. (2000), Corporate Universities crack open their doors, Journal of Business Strategy, May-June, 2000.
 10. Moore, T.E. (1997) The Corporate university: Transforming Management Education, Accounting Horizons, # 11 (1). – P. 77–85.
 11. Prince, C., Beaver, G. The Rise and Rise of the Corporate University: the emerging corporate learning agenda, available at: <http://www.heacademy.ac.uk>.
 12. Rossett, A., (1998), No cheers for corporate U, Training, #35 (8). – P. 96–102.
 13. Walton, J., (1999), Strategic Human Resource Development, Pearson Education, Harlow, P. 561–598, available at: <http://ulib.derby.ac.uk/ecdu/CourseRes/dbs/empdev/3walton.pdf>.
 14. Wheeler, S., (2000), The Traditional University is Dead: Long Live the Distributed University, Keynote Address for the European Universities Continuing Education Conference University of Bergen, Norway, available at: <http://www2.plymouth.ac.uk/distancelearning>.
- <http://col.org>
<http://en.scut.edu.cn>
<http://portal.unesco.org>
<http://rzd.ru>
<http://university.kamaz.ru>

Д. В. Горбачев

доцент кафедры инноватики и информационных технологий,
Оренбургский государственный институт менеджмента

А. С. Виноградова

ассистент кафедры инноватики и информационных
технологий ФГБОУ ВПО ОГИМ
e-mail: nastya.19@mail.ru

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

В настоящее время вопрос информационной безопасности является одним из приоритетных направлений государственной политики. К сожалению, высшие учебные заведения на данное время являются самыми незащищенными в этой области. Создание системы безопасности предполагает наличие нормативно-правовой базы, формирование политики безопасности, разработку мер, правил, процедур по безопасной работе, проектирование, реализацию и обслуживание технических и программных средств защиты информации в рамках высшего учебного заведения. В статье рассматриваются основные проблемы информационной безопасности высшего учебного заведения. Дано описание вуза с точки зрения циркулирующей в нем информации. Указаны основные объекты безопасности информации. Перечислены сведения, относящиеся к персональным данным, циркулирующим в вузе. Определены потенциальные нарушители. Проанализированы основные внешние и внутренние источники угроз безопасности информации, в том числе персональным данным. Дан перечень документов по информационной безопасности, которые должны быть в вузе.

Ключевые слова: информационная безопасность, угрозы безопасности информации.

Одним из приоритетных направлений государственной политики в области информационной безопасности является совершенствование подготовки кадров, развитие образования в области информационной безопасности. Особую роль в решении этих задач играют вузы.

Вузы – это особая инфраструктура, обладающая огромным банком данных. Это не только методические материалы, хранящиеся в электронном виде, но и научно-исследовательские и проектно-

конструкторские работы преподавателей и студентов.

Рост преступлений в сфере информационных технологий диктует свои требования к защите ресурсов вычислительных сетей и создает необходимость построения собственной интегрированной системы безопасности. Создание системы безопасности предполагает наличие нормативно-правовой базы, формирование политики безопасности, разработку мер, правил, процедур по безопасной работе, проектирование, реализацию

и обслуживание технических и программных средств защиты информации в рамках высшего учебного заведения.

Информация, циркулирующая в учебном заведении, специфична, так как вуз – публичное заведение с непостоянной аудиторией. Основную группу потенциальных нарушителей составляют студенты, многие из которых обладают достаточно высокими знаниями компьютерных сетей, систем и программирования, баз данных, операционных систем, защиты информации. Достаточно вспомнить, что первые компьютерные правонарушения родились именно в вузе (червь Морриса) [4].

Производительность транспортных сетей Интернета и возможности современных информационных технологий позволяют создать корпоративную сеть вуза.

Корпоративная сеть вуза – это информационная система, включающая компьютеры, серверы, системы связи и телекоммуникации, созданная для упрощения задач управления вузом и ведения образовательного процесса.

Корпоративная сеть обычно объединяет не только структурные подразделения вуза, но и его региональные представительства.

В такой сети возможны как внутренние, так и внешние угрозы безопасности информации, причем внутренние угрозы являются более значимыми, поскольку основную группу потенциальных нарушителей составляют студенты вуза. К ним относятся:

- попытки несанкционированного администрирования баз данных;
- исследование сетей, несанкционированный запуск программ по аудиту сетей;
- удаление информации, в том числе библиотек;
- запуск игровых программ;
- установка вирусных программ и троянских коней;
- поиск «дыр» в ОС, firewall, Proxy-серверах.

Решение задач информационной безопасности при защите от внутренних угроз обеспечивается построением системы комплексной информационной безопасности вуза.

Комплексная информационная безопасность вуза – это система сохранения, ограничения и контроля авторизованного доступа к информации, хранящейся на серверах и в базах данных корпоративных сетей вуза,

а также передаваемой по телекоммуникационным каналам связи при обмене с региональными представительствами учебного заведения и в системах дистанционного обучения.

Основным видом информации, защиту которой необходимо обеспечить с помощью системы комплексной информационной безопасности вуза, являются персональные данные.

К персональным данным сотрудников и студентов, циркулирующим в вузе, относятся:

- фамилия, имя, отчество (в т.ч. прежнее), дата и место рождения;
- паспортные данные и гражданство;
- адрес места жительства (по паспорту и фактический);
- номера телефонов (мобильного и домашнего);
- сведения об образовании, квалификации и о наличии специальных знаний или специальной подготовки;
- сведения о повышении квалификации и переподготовке;
- сведения о трудовой деятельности;
- сведения о номере, серии и дате выдачи трудовой книжки (вкладыша в нее) и записях в ней;
- содержание и реквизиты трудового договора с работником;
- сведения о заработной плате;
- сведения о воинском учете военнообязанных лиц и лиц, подлежащих призыву на военную службу;
- сведения о семейном положении;
- сведения о номере и серии страхового свидетельства государственного пенсионного страхования;
- сведения об идентификационном номере налогоплательщика;
- сведения, указанные в оригиналах и копиях приказов по личному составу и материалах к ним;
- материалы по внутренним служебным расследованиям в отношении работников;
- сведения о временной нетрудоспособности работников;
- сведения о социальных льготах и о социальном положении [1].

Администрация учебного заведения, как и любая другая организация, обрабатывающая персональные данные, несет гражданскую,

уголовную, административную, дисциплинарную ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации.

Принципы и условия обработки персональных данных должны осуществляться в соответствии со статьями 5 и 6 Федерального закона № 152 “О персональных данных” от 27 июля 2006 года, методическим документом ФСТЭК «Рекомендации по обеспечению безопасности ПДн при их обработке в ИСПДн», Постановлением Правительства Российской Федерации от 17.11.2007 г. № 781 «Об утверждении положения об обеспечении безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных», специальными требованиями и рекомендациями по технической защите конфиденциальной информации (СТР-К).

В соответствии с ФЗ № 152 «О персональных данных» администрация учебных учреждений (в терминах ФЗ № 152 – «оператор») должна осуществить ряд мероприятий для создания системы защиты персональных данных, состоящих из организационных и технических мер защиты информации [1].

По отношению к персональным данным в вузе возможны следующие внутренние и внешние угрозы:

- несанкционированный доступ к персональным данным, обрабатываемым в информационной системе;
- преднамеренное и непреднамеренное уничтожение, изменение, распространение персональных данных;
- утечка речевой и видовой информации, содержащей персональные данные.

Основными внешними и внутренними источниками угроз информации, в том числе персональным данным, в вузе являются:

- 1) Антропогенные угрозы:
 - основной персонал (студенты, пользователи, программисты, разработчики);
 - вспомогательный персонал (уборщики, охрана);
 - технический персонал (жизнеобеспечение, эксплуатация).
- 2) Техногенные угрозы:
 - средства связи;
 - сети инженерных коммуникации (водоснабжения, канализации);
 - некачественные технические средства обработки информации;

- некачественные программные средства обработки информации;
- вспомогательные средства (охраны, сигнализации, телефонии);
- другие технические средства, применяемые в вузе [3].

Основными объектами защиты в вузе являются:

- серверы БД;
- консоль управления учетными записями;
- www/ftp-серверы;
- ЛВС и серверы исследовательских проектов.

Как правило, связь с Интернетом осуществляется сразу по нескольким линиям связи (оптоволоконная магистраль, спутниковые и радиоканалы). Отдельные каналы предоставляются для связи с другими университетами или для безопасного обмена данными.

Чтобы исключить риски, связанные с утечкой и порчей передаваемой информации, такие сети не должны подключаться к глобальным сетям и общей университетской сети.

Критически важные узлы для обмена данными вуза (например, бухгалтерская ЛВС) также должны существовать отдельно.

Одной из мер, позволяющих существенно снизить риски информационной безопасности является разработка документационного обеспечения информационной безопасности.

Документы по информационной безопасности, которые должны быть в вузе:

- концепция обеспечения информационной безопасности организации;
- политика информационной безопасности;
- парольная политика;
- положение о службе (отделе) информационной безопасности;
- политика и регламент резервного копирования и восстановления данных;
- политика обеспечения безопасности при взаимодействии с сетью Интернет;
- антивирусная политика, стандарты на антивирусное ПО;
- комплексный план защиты информации и информационных ресурсов от НСД;
- политика обеспечения информационной безопасности при взаимодействии с третьими лицами;

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИКТ-СТРУКТУРЫ РЕГИОНА

- политика обеспечения информационной безопасности электронного документооборота [2].
- Таким образом, рассмотренные сегменты информационной безопасности вуза позволяют судить о высокой потенциальной угрозе информационной системе образовательного учреждения.

Литература

1. О персональных данных: Федер. закон. – М.: Ось-89, 2006. – 15 с.
2. Абалмазов Э. И. Методы и инженерно-технические средства противодействия информационным угрозам: учебник для вузов / Э. И. Абалмазов – М.: Гротек, 2009. – 248 с.
3. Бармен С. К. Разработка правил информационной безопасности / С. К. Бармен – М.: Издательский дом «Вильямс», 2007. – 208 с.
4. Викторов А. Д. Введение в защиту информации: учеб. пособие / А. Д. Викторов – М.: «Инфра-М», 2008. – 128 с.
5. Галатенко В. А. Стандарты информационной безопасности: справ. пособие / В. А. Галатенко – М.: Интернет-университет информационных технологий, 2006. – 328 с.
6. Грибунин В. Г. Комплексная система защиты информации на предприятии: учебное пособие для вузов / В. Г. Грибунин, В. В. Чудовский. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 416 с.
7. Диева С. А. Организация и современные методы защиты информации / С. А. Диева – М.: Концерн «Банковский деловой центр», 1998. – 472 с.
8. Зайцев А. П. Техническая защита информации: учебник для вузов / А. П. Зайцев, А. А. Шелупанов. – М.: Горячая линия – Телеком, 2007. – 616 с.
9. Петраков А. В. Защита и охрана личности и информации: учебное пособие / А. В. Петраков. – М.: Радио и связь, 2002. – 94 с.
10. Петраков А. В. Основы практической защиты информации: учебное пособие / А. В. Петраков – М.: Радио и связь, 2004. – 368 с.
11. Поляков А. В. Промышленный шпионаж и как с ним бороться. Мы и безопасность: учебник для вузов / А. В. Поляков. – М.: Литера, 2006. – 95 с.
12. Попов Л. И. Основные принципы повышения эффективности реализации мероприятий по комплексной защите информации: учебник для вузов / Л. И. Попов. – М.: «Альт-пресс», 2009. – 512 с.
13. Расторгуев С. П. Абсолютная система защиты: учебник для вузов / С. П. Расторгуев. – М.: Литера, 2006. – 130 с.
14. Яковлев П. А. Защита информации: учебник для вузов / П. А. Яковлев. – М.: Пресс, 2005 – 120 с.
15. Ярочкин В. И. Безопасность информационных систем: учебник для вузов / В. И. Ярочкин. – М.: Ось-89, 2007 – 192 с.

References

1. On personal profiles. Federal law [O personalnykh dannyykh: feder. Zakon]. – M.: Os-89, 2006. – 15 s.
2. Abalmazov E. I. Methods and engineered means against information threats [Metody i inzhenerno-tekhnicheskie sredstva protivodeystviya informatsionnym ugrozam: uchebnik dlya vuzov] / E. I. Abalmazov – M.: Grotek, 2009. – 248 s.
3. Barmen S. K. Information security rules development [Razrabotka pravil informatsionnoy bezopasnosti] / S. K. Barmen – M.: Izdatelskiy dom «Vilyams», 2007. – 208 s.
4. Viktorov A. D. Introduction to Information Security (study guide [Vvedenie v zashchitu informatsii: ucheb. posobie] / A. D. Viktorov – M.: «Infra-M», 2008. – 128 s.
5. Galatenko V. A. Standarty informatsionnoy bezopasnosti : sprav. posobie / V. A. Galatenko – M.: Internet-universitet informatsionnykh tekhnologiy, 2006. – 328 s.
6. Gribunin V. G. Comprehensive system of Information Security at Enterprise [Kompleksnaya sistema zashchity informatsii na predpriyatii: uchebnoe posobie dlya vuzov] / V. G. Gribunin, V. V. Chudovskiy. – M.: Izdatelskiy tsentr «Akademiya», 2009. – 416 s.

7. Dieva S. A. Modern methods and management of information security [Organizatsiya i sovremennyye metody zashchity informatsii] / S. A. Dieva – М.: Kontsern «Bankovskiy delovoy tsentr», 1998. – 472 s.
8. Zaytsev A. P. Technial Information Protection [Tekhnicheskaya zashchita informatsii: uchebnik dlya vuzov] / A. P. Zaytsev, A. A. Shelupanov. – М.: Goryachaya liniya – Telekom, 2007. – 616 s.
9. Petrakov A. V. Protection of personality and Information [Zashchita i okhrana lichnosti i informatsii: uchebnoe posobie] / A. V. Petrakov. – М.: Radio i svyaz, 2002. – 94 s.
10. Petrakov A. V. Information Security Fundamentals [Osnovy prakticheskoy zashchity informatsii: uchebnoe posobie] / A. V. Petrakov – М.: Radio i svyaz, 2004. – 368 s.
11. Polyakov A. V. Industrial Espionage and Ways to Fight It. We and Security [Promyshlennyy shpionazh i kak s nim borotsya. My i bezopasnost: uchebnik dlya vuzov] / A. V. Polyakov. – М.: Litera, 2006. – 95 s.
12. Popov L. I. Basic Principles of Comprehensive Information Security Efficiency Improvement [Osnovnye printsipy povysheniya effektivnosti realizatsii meropriyatiy po kompleksnoy zashchite informatsii: uchebnik dlya vuzov] / L. I. Popov. – М.: «Altpress», 2009. – 512 с.
13. Rastorguev S. P. Absolute Protection System [Absolyutnaya sistema zashchity: uchebnik dlya vuzov] / S. P. Rastorguev. – М.: Litera, 2006. – 130 s.
14. Yakovlev P. A. Information Protection [Zashchita informatsii: uchebnik dlya vuzov] / P. A. Yakovlev. – М.: Press, 2005. – 120 s.
15. Yarochkin V. I. Information System Security [Bezopasnost informatsionnykh sistem: uchebnik dlya vuzov] / V. I. Yarochkin. – М.: Os-89, 2007. – 192 s.

Д. В. Горбачев

доцент кафедры инноватики и информационных технологий,
Оренбургский государственный институт менеджмента
e-mail: gordi47@mail.ru

М. В. Кононова

ст. преподаватель кафедры инноватики и информационных
технологий, Оренбургский государственный институт
менеджмента
e-mail: Klumar@mail.ru

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛУЖБЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Современные предприятия обрабатывают большие объемы информации. Зачастую информация, которой обладают предприятия, не просто о профессиональной деятельности, но и содержит конфиденциальные сведения о деятельности и о сотрудниках или сведения, составляющие коммерческую тайну. В рамках обеспечения безопасности секретной информации и сведений в каждом предприятии существуют специальные службы, в число которых входит служба экономической безопасности.

В статье рассматриваются вопросы обеспечения эффективной деятельности службы экономической безопасности предприятия. Для решения подобного рода задач можно использовать интеллектуальные системы, а именно, интегрированный банк данных системы поддержки принятия решений. Применение в системе функционирования СЭБ предприятия интегрированного банка данных и системы поддержки принятия решений позволит в значительной мере уменьшить субъективность в принимаемых решениях на проведение мероприятий информационной безопасности и повысить оперативность работы службы.

Ключевые слова: экономическая безопасность, кадровая безопасность, служба безопасности, интегрированный банк данных.

В настоящее время вопрос защиты информации о деятельности компании особенно важен, т. к. растет конкуренция и вопрос «выживания» – один из ключевых моментов современного бизнеса. Особую роль в организации защиты информации играет отдел экономической безопасности, целью которого является обеспечение защиты коммерческих интересов предприятия.

Обеспечение экономической информации

онной безопасности состоит в формировании комплексного подхода, основанного на знании конкурентной среды и рыночного статуса предприятия, что необходимо в процессе принятия управленческих решений в условиях конкурентной борьбы. К задачам такой системы следует отнести оценку всех факторов, влияющих на конкурентоспособность компании [3].

Разработка системы экономической без-

опасности не только предполагает получение наиболее полной информации о конкурентах, но и защиту от потенциальных утечек информации.

В общем виде задачами информационной системы безопасности являются [13]:

1. Бенчмаркинг (сравнение с другими организациями).
2. Идентификация рисков и возможностей в рыночной среде.
3. Обеспечение процесса принятия решений информацией (уверенное участие в позиционной войне).
4. Составление адекватного представления о профиле самой компании, ее сильных и слабых сторон.
5. Защита конфиденциальности.

Кроме того, важнейшей составляющей ЭБП является кадровая безопасность, которая представляет собой процесс предотвращения угроз. Угрозы – это негативные воздействия, отрицательно влияющие на состояние кадровой функциональной составляющей экономической безопасности предприятия [13]. Следовательно, необходимо проводить постоянную работу, направленную на предотвращение угроз, вызывающую эти убытки. В таком понимании безопасность – это предотвращение убытков предприятия.

Принято различать внешние и внутренние угрозы. Внешние негативные воздействия – это действия, явления или процессы, не зависящие от воли и сознания сотрудников предприятия и опосредованно влекущие нанесение ущерба. В свою очередь к внутренним негативным воздействиям относятся действия (умышленные или неосторожные) сотрудников предприятия, также приводящие к ущербу.

К внутренним угрозам предприятия относятся:

- несоответствие квалификации сотрудников предъявляемым к ним требованиям;
- недостаточная квалификация сотрудников;
- слабая организация системы управления персоналом;
- слабая организация системы обучения;
- неэффективная система мотивации;
- ошибки в планировании ресурсов персонала;
- снижение количества рационализаторских предложений и инициатив;

- уход квалифицированных сотрудников;
- ориентация сотрудников на решение внутренних тактических задач;
- «слабая» корпоративная политика;
- некачественные проверки кандидатов при приеме на работу.

К внешним угрозам предприятия относятся:

- условия мотивации сотрудников у конкурентов лучше, чем на данном предприятии;
- установка конкурентов на переманивание сотрудников;
- давление на сотрудников предприятия извне;
- попадание сотрудников в различные виды внешней зависимости.

Обеспечение кадровой безопасности зависит от трех основных факторов: найм, лояльность, контроль [14].

Найм. Данное действие включает целый комплекс мер безопасности при приеме на работу и прогнозировании благонадежности будущих сотрудников. Здесь работает формула «кого примете на работу, такие люди у вас и будут работать» или «скажите мне, как вы принимаете на работу, и я скажу, какие у вас проблемы». В рамки найма входит рассмотрение таких вопросов безопасности, как поиск кандидатов, процедуры отбора, проверка, документальное и юридическое обеспечение приема на работу, испытательный срок и адаптация, а также процедуры безопасности в деятельности кадровиков при подготовке аттестации, планировании обучения.

Лояльность. Данный принцип включает комплекс мер по установлению позитивных отношений работников к вам, работодателям. Зависит ли от этого глубина ваших проблем? Конечно! От того, кем ощущает себя сотрудник – «деталью безличного механизма» или частью общего дела, заменимым «винтиком» или уважаемым передовиком производства, – действительно зависят и проблемы предприятия.

Контроль. Данное действие представляет собой комплекс мер из установленных для персонала, в том числе для администрации, регламентов, ограничений, режимов, технологических процессов, оценочных, контрольных и других операций, процедур безопасности. Этот комплекс уже непосредственно нацелен на ликвидацию возможнос-

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИКТ-СТРУКТУРЫ РЕГИОНА

тей причинения ущерба и обрабатывается, как правило, службой безопасности или другими подразделениями, но в меньшей степени службой персонала.

Таким образом, кадровая безопасность, являясь элементом комплексной системы безопасности предприятия, нацелена на такую работу с персоналом, на установление таких трудовых и этических отношений, которые можно было бы определить как «безубыточные». Вся эта деятельность не является отдельным направлением в функционале

менеджера по персоналу, а лишь органично вписывается в него. И здесь практически не привлекаются какие-либо дополнительные ресурсы, но при условии, что в компании присутствуют все этапы организации и управления персоналом.

Служба безопасности (далее СБ) является самостоятельной организационной единицей, подчиняющейся непосредственно руководителю предприятия. Возглавляет службу безопасности начальник службы в должности заместителя руководителя предприятия.

Рис. 1. Организационно-управленческая структура предприятия

Практическая деятельность службы экономической безопасности (далее СЭБ) основывается на использовании типовых схем, процедур и действий. В [16] приводится общий алгоритм действий, на котором основана работа службы безопасности. Прежде всего, следует сказать об общем алгоритме действий, на котором основана работа службы безопасности. Данный алгоритм предусматривает: система предупредительных (превентивных) мер → выявление угроз экономической безопасности → оценка возникших угроз → определение мероприятий по нейтрализации угроз → деятельность по нейтрализации угроз экономической безопасности.

Анализ роли и места службы экономической безопасности в организационно-управленческой структуре предприятия и нормативно-правовой документации, регулирующей деятельность этой службы, позволяет сформировать структуру информационной модели ресурсов, которая, по сути,

по безопасности, как показано на рисунке 1. представляет собой основу автоматизированной системы информационной поддержки деятельности СЭБ, представленной на рисунке 2.

Решение подобного рода задач можно осуществить, используя интеллектуальные системы, а именно интегрированного банка данных системы поддержки принятия решений [10].

Существуют два пути построения компьютерной модели:

1. Построение алгоритма решения задачи и его кодирование на одном из языков программирования.
2. Построение компьютерной модели с использованием одного из приложений (электронных таблиц, системы управления базами данных).

Наиболее привлекательным представляется второй путь построения, так как для создания интегрированного банка данных необходима адекватная имитационная модель.

Рис. 2. Структура информационных ресурсов СЭБ

Реализация проектной части компьютерной модели выполняется в системе программирования Microsoft Visual Studio с подключением интегрированной базы данных нормативно-правовой и оперативной информации SQL Server 2008 R2.

Техническая платформа банка данных может функционировать как на отдельных рабочих станциях (однопользовательский режим), так и на рабочих станциях, входящих в состав локальной вычислительной сети (многопользовательский режим).

Разрабатываемый банк данных является универсальной системой обеспечения работы пользователей с информацией и имеет в своем составе как средства обработки баз данных, так и создания банков (баз) данных собственного формата. Базы данных, входящие в состав банка данных (большая модель), предназначены для накопления и обработки информации, от-

носящейся к технологическим режимам, а также для формирования словарей и справочников, используемых в АИС. Особенностью ведения банка данных является то, что внесение информации в банк данных осуществляется через базу «Документы». Это позволяет реализовать возможность осуществлять контроль над тем когда, на основании чего и кем была внесена информация в банк, а также получить данные о том, какую информацию содержал конкретный документ.

Таким образом, применение в системе функционирования СЭБ предприятия интегрированного банка данных и системы поддержки принятия решений позволит в значительной мере уменьшить субъективность в принимаемых решениях на проведение мероприятий информационной безопасности и повысить оперативность работы службы.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: [принят 30.11.1994. – Ч. 1 № 51-ФЗ, принят 26.01.1996. Ч. 2 № 14-ФЗ]: офиц. Текст с историко-правовым комментарием. – М.: Норма, 2006. – 161 с.

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИКТ-СТРУКТУРЫ РЕГИОНА

2. О персональных данных: ФЗ от 26 июля 2006 г. № 152-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: [web-сайт]. 26.07.2006. <<http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=144649.>>(11.10.2012).
3. Абалмазов Э. И. Концепция безопасности: тактика высокоэффективной защиты / Э. И. Абалмазов // Системы безопасности. – 2006. – № 2. – С. 15–17.
4. Абрамов В. Деловая разведка в системе обеспечения предприятия / В. Абрамов // БДИ. – 2007. – № 2. – С. 14–16.
5. Балдин К. В. Информационные системы в экономике: учебник для вузов / К. В. Балдин, В. Б. Уткин. – М.: Дашков и Ко, 2008. – 395 с.
6. Бендиков М. А. Экономическая безопасность промышленного предприятия в условиях кризисного развития / А. М. Бендиков // Менеджмент в России и за рубежом. – 2007. – № 2. – С. 7–8.
7. Бурков В. Н. Моделирование экономических механизмов обеспечения безопасности / В. Н. Бурков, А. В. Щепкин // Проблемы безопасности при чрезвычайных ситуациях. – 2008. – № 6. – С. 55–68.
8. Вендров А. М. CASE – технологии. Современные методы и средства проектирования информационных систем / А. М. Вендров. – М.: Финансы и статистика. 2007. – 176 с.
9. Владимиров Ю. И. Внешнеэкономические аспекты экономической безопасности Российской Федерации / И. Ю. Владимиров, А. С. Павлов // Информационный сборник «Безопасность». – 2008. – № 3. – С. 29–30.
10. Иванков П. Н. Информационно-аналитическое обеспечение службы безопасности предприятия / П. Н. Иванков // Системы безопасности, связи и телекоммуникаций. – 2007. – № 6. – С. 29–31.
11. Маклаков С. В. ВРwin и ERwin. CASE – средства разработки информационных систем: учеб. пособие для вузов / С. В. Маклаков. – М.: Диалог-Мифи, 2007. – 203 с.
12. Мартин Дж. Организация баз данных в вычислительных системах: пер. с англ. / Дж. Мартин. – М.: Мир, 2007. – 622 с.
13. Рыжов Р. О. «Кадровая безопасность: опыт социологической концептуализации / Р. О. Рыжов. – режим доступа <http://www.ibl.ru/konf/151211/kadrovaja-bezopasnost.html>
14. Чумарин И. Г. Что такое кадровая безопасность / И. Г. Чумарин // Кадры предприятия. – 2003. – № 2. – С. 11–12.
15. Щеглов А. Ю. Защита компьютерной информации от несанкционированного доступа: учеб. пособие для вузов / А. Ю. Щеглов. – СПб.: Наука и Техника, 2008. – 384 с.
16. Ярочкин В. И. Информационная безопасность: учебник для вузов / В. И. Ярочкин. – М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2009. – 640 с.

References

1. Civil Law of the Russian Federation [Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii]: [prinyat 30.11.1994. – Ch.1 #51-FZ, prinyat 26.01.1996. Ch.2 #14-FZ]: ofits. Tekst s istoriko-pravovyimkommentariem. – М.: Norma, 2006. – 161 s.
2. On Personal Files [O personalnyih daniyah]: FZ ot 26 iyulya 2006 g. # 152-FZ [Elektronnyi resurs] // KonsultantPlyus: [web-sayt]. 26.07.2006. <<http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=144649.>> (11.10.2012).
3. Abalmazov E. I. Security Conception: high efficiency protection tactics [Kontseptsiya bezopasnosti: taktika vyisokoeffektivnoy zaschity] / E. I. Ablmazov // Sistemy bezopasnosti. – 2006. – # 2. – S. 15–17.
4. Abramov V. Competitive Intelligence in Enterprise Protection [Delovaya razvedka v sisteme obespecheniya predpriyatiya] / V. Abramov // BDI. –2007. – # 2. – S. 14–16.
5. Baldin K. V. Information Systems in Economics [Informatsionnyie sistemy v ekonomike: uchebnik dlya vuzov] / K. V. Baldin, V. B. Utkin. – М.: DashkoviKo, 2008. – 395 s.
6. Bendikov M. A. Industrial Enterprise Economic Security under conditions of Economic Crisis [Ekonomicheskay bezopasnost promyshlennogo predpriyatiya v usloviyahk krizisnogo razvitiya] / A. M. Bendikov // Menedzhment v Rossiizarubezhom. – 2007. – #2. – S. 7–8.
7. Burkov V. N. On modelling economic mechanisms of security protection [Modelirovanie ekonomicheskikh mehanizmov obespecheniya bezopasnosti] / V. N. Burkov, A. V. Schepkin // Problemy bezopasnostiprichrezvychaynyihsituatsiyah. – 2008. – # 6. – S. 55–68.
8. Vendrov A. M. Case techniques. Modern methods and means of data systems engineering.

[CASE – tehnologii. Sovremennyye metody I sredstva proektirovaniya informatsionnyh system] / A. M. Vendrov. – M. : Finansiistatistika. 2007. – 176 s.

9. Vladimirov Yu. I. Economic Security Economic Aspect of RF [Vneshneekonomicheskie aspekty ekonomicheskoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii] / I. Yu. Vladimirov, A. S. Pavlov // Informatsionnyiysbornik «Bezopasnost». – 2008. – #3. – S. 29–30.

10. Ivankov P. N. Information and analytical support of enterprise security service [Informatsionno-analiticheskoe obespechenie sluzhby bezopasnosti predpriyatiya] / P. N. Ivankov // Sistemybezopasnosti, svyazi I telekommunikatsiy. – 2007. – # 6. – S. 29–31.

11. Maklakov S. V. BPwiniERwin. CASE. Means – means of data system security. [BPwiniERwin. CASE – sredstva razrabotki informatsionnyh sistem : ucheb. Posobiedlyavuzov] / S. V. Maklakov. – M. : Dialog-Mifi, 2007. – 203 s.

12. Martin Dzh. Organizatsiya baz dannyih v vyichislitelny ihm sistemah : per. s angl. / Dzh. Martin. – M. : Mir, 2007. – 622 s.

13. Ryizhov R. O. «Kadrovayabezopasnost: opyitsotsiologicheskoykontseptualizatsii / R. O. Ryizhov. – rezhimdostupa <http://www.ibl.ru/konf/151211/kadrovaja-bezopasnost.html>

14. Chumarin I. G. What does personnel security means? Chto takoe kadrovay abezopasnost / I. G. Chumarin // Kadryipredpriyatiya. – 2003. – #2. – S. 11–12.

15. Scheglov A. Yu. Protection of Computer Information from Unauthorized Access [Zaschita kompyuternoy informatsii ot nesanktsionirovannogo dostupa : ucheb. Posobiedlyavuzov] / A. Yu. Scheglov. – SPb. : Naukai Tehnika, 2008. – 384 s.

16. Yarochkin V. I. Information Security [Informatsionnaya bezopasnost` : uchebnikdlyavuzov] / V. I. Yarochkin. – M. : Akademicheskiiyproekt; Fond «Mir», 2009. – 640 s.

Д. В. Горбачев

доцент кафедры инноватики и информационных технологий,
Оренбургский государственный институт менеджмента
e-mail: gordi47@mail.ru

О. В. Трофимова

преподаватель кафедры инноватики и информационных
технологий, Оренбургский государственный институт
менеджмента
e-mail: olga.trofimova.1985@mail.ru

Р. Н. Подольских

преподаватель кафедры инноватики и информационных
технологий, Оренбургский государственный институт
менеджмента
e-mail: r_podolskih@mail.ru

СПОСОБ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕДИЦИНСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

Одной из современных тенденций развития системы российского здравоохранения является интенсификация информатизация и автоматизация. Катализатором процессов внедрения информационных технологий в деятельность медицинских организаций послужила утвержденная Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 28 апреля 2011 г. № 364 концепция создания единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ) [1]. В статье представлен способ оценки социально-экономической эффективности с помощью медицинской информационной системы на основе критерия оперативности оказания медицинской помощи.

При оценке эффективности МИС с позиции своевременности предоставления врачу информации, необходимой для диагностики заболевания и назначения лечения, просматривается непосредственная связь данного показателя с тем, насколько будет долгим и затратным лечение и каким будет его основной результат – выздоровление / инвалидность / летальный исход.

Ключевые слова: медицинская информационная система, медицинский эффект, критерий эффективности ИС, оперативность медицинской помощи.

Согласно документу [1] определяются цели и задачи информатизации здравоохранения, принципы предоставления ИТ-сервисов в медицинских организациях, модель архитектурного построения системы, требования к структуре и функциям инфраструктурных компонентов ЕГИСЗ, а также ожидаемый социально-экономический эффект от внедрения системы. Современное состояние разработки и внедрения ИТ-решений в медицинских организациях находится на достаточно высоком уровне. В ряде регионов России (Ульяновская область, Екатеринбург, Томская область, Пензенская область и др.) выполнены полноценные внедрения ЕГИСЗ в деятельность региональных систем здравоохранения. Кроме того, формируется и начинает функционировать федеральный центр обработки данных Министерства здравоохранения России. Вместе с тем в большинстве случаев возникает вопрос об эффективности применения ЕГИСЗ, поскольку экономических средств, связанных с реализацией проектов требуется достаточно много, а эффективность их отдачи является очень неопределенной. Последний фактор делает актуальным проведение исследования, позволяющего увязать критерии функционирования медицинской организации и критериями эффективности информационной системы.

Ключевым звеном в информатизации здравоохранения является информационная система. Классификация медицинских информационных систем основана на иерархическом принципе и соответствует многоуровневой структуре здравоохранения.

Различают:

1. Медицинские информационные системы базового уровня, основная цель которых – компьютерная поддержка работы врачей разных специальностей; они позволяют повысить качество профилактической и лабораторно-диагностической работы, особенно в условиях массового обслуживания при дефиците времени квалифицированных специалистов.

По решаемым задачам выделяют:

- информационно-справочные системы (предназначены для поиска и выдачи медицинской информации по запросу пользователя);

- консультативно-диагностические системы (для диагностики патологических состояний, включая прогноз и выработку рекомендаций по способам лечения, при заболеваниях различного профиля);

- приборно-компьютерные системы (для информационной поддержки и/или автоматизации диагностического и лечебного процесса, осуществляемых при непосредственном контакте с организмом больного);

- автоматизированные рабочие места специалистов (для автоматизации всего технологического процесса врача соответствующей специальности и обеспечивающая информационную поддержку при принятии диагностических и тактических врачебных решений);

2. Медицинские информационные системы уровня медицинской организации, в свою очередь, представлены следующими основными группами:

- информационными системами консультативных центров (предназначены для обеспечения функционирования соответствующих подразделений и информационной поддержки врачей при консультировании, диагностике и принятии решений при неотложных состояниях);

- банками информации медицинских служб (содержат сводные данные о качественном и количественном составе работников учреждения, прикрепленного населения, основные статистические сведения, характеристики районов обслуживания и другие необходимые сведения);

- персонифицированными регистрами (содержат информацию на прикрепленный или наблюдаемый контингент на основе формализованной истории болезни или амбулаторной карты);

- скрининговыми системами (для проведения доврачебного профилактического осмотра населения, а также для выявления групп риска и больных, нуждающихся в помощи специалиста);

- информационными системами медицинской организации (основаны на объединении всех информационных потоков в единую систему и обеспечивают автоматизацию различных видов деятельности учреждения);

3. Медицинские информационные системы территориального уровня:

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИКТ-СТРУКТУРЫ РЕГИОНА

- информационные системы территориального органа здравоохранения;
- информационные системы для решения медико-технологических задач, обеспечивающие информационной поддержкой деятельность медицинских работников специализированных медицинских служб;
- компьютерные телекоммуникационные медицинские сети, обеспечивающие создание единого информационного пространства на уровне региона;

4. Федеральный уровень, предназначенные для информационной поддержки государственного уровня системы здравоохранения.

В числе основных социально-экономических эффектов, планируемых достичь по окончании реализации программы информатизации, выделяются показатели эффективности деятельности медицинской организации: снижение смертности инвалидности и осложнений, связанных с медицинскими ошибками, низким уровнем оперативности, полноты и достоверности информации о состоянии здоровья пациентов и имеющихся ресурсах в системе здравоохранения [1].

Кроме того, также устанавливается ряд экономических показателей, характеризующих здравоохранение как отрасль, оказывающую особое влияние на экономику государства [2, 3, 4].

С другой стороны, деятельность медицинской организации оценивается по достаточно сложной и громоздкой методике, включающей в себя порядка 300 статистических показателей. Однако основную значимость в деятельности медицинской организации имеет медицинский эффект (модели оценки). Медицинский эффект определяется степенью адекватности и результативности медицинского вмешательства, уровнем качества лечения конкретного больного и использованием современных инновационных технологий при оказании медицинской помощи. Критерии (см. рис. 1) определяются на основе:

- действующих в системе здравоохранения законодательных и иных нормативных правовых актов;
- стандартов, утвержденных органами управления здравоохранением;
- отчетов объектов аудита эффективности о проделанной работе и планов их работы по обеспечению граждан бесплатной медицинской помощью;
- общепринятых норм, которыми руководствуются проверяемые объекты в практической деятельности;
- материалов предыдущих проверок.

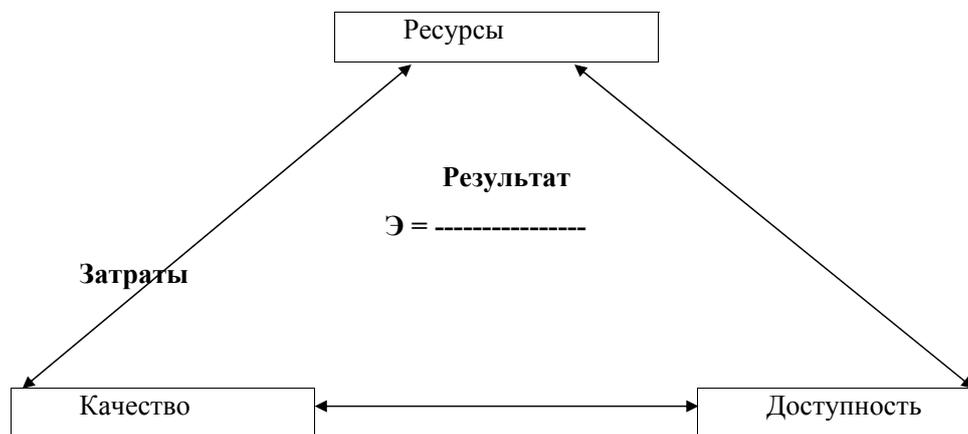

Рис. 1. Модель системной оценки эффективности здравоохранения

Медицинский эффект включает в себя такие составляющие, как оценки лечебно-диагностических процессов по видам нозологий, профилактики заболеваний, медицинских мероприятий, применения лекарственных препаратов и специального медицинского оборудования [2]. В своем

конечном назначении медицинский эффект направлен на сохранение жизни человеку.

Эффективность медицинской помощи выражается комплексом количественных и качественных показателей медицинского обеспечения. При этом именно качественные показатели играют определяющую роль

в оценке этой эффективности, поскольку они характеризуют состояние здоровья больных с одними и теми же заболеваниями и примерно одного уровня тяжести, до поступления в стационар, после выписки из стационара и при полном выздоровлении. Величина медицинского эффекта может быть определена путем сравнения продолжительности лечения больного в различных условиях оказания медицинской помощи. Кроме того, для определения медицинского эффекта можно сравнивать и другие показатели: качество диагностики, сроки госпитализации, исходы лечения. На большую часть из приведенных показателей оказывает влияние время начала медицинской помощи, наличие необходимого инструментария диагностирования и информированность медицинского персонала о хронологии течения заболевания. Причем, особую значимость имеет обладание врачом всем набором данных как о пациенте, так о нозологии заболевания и методике его диагностики и лечения. Источником таких данных является медицинская информационная система (МИС). Таким образом, МИС оказывает непосредственное влияние на эффективность медицинской помощи, а именно на ее оперативность, через доступность врача к информационным базам. Следовательно, имеет место задача связывания показателей медицинской эффективности с показателями эффективности МИС и формирование на этой основе обобщенного критерия эффективности применения информационных технологий в деятельности медицинской организации.

Оценка эффективности деятельности медицинских организаций – непереносимое условие статистического анализа их деятельности. Это, в первую очередь, касается дорогостоящей стационарной помощи больным. Международная статистическая классификация создается как единый нормативный документ для регистрации статистической информации о заболеваемости и смертности в странах с различным уровнем развития здравоохранения. Предполагается, что чем выше уровень развития медицины, тем выше качество статистической информации. Эффективность в системе здравоохранения необходимо оценивать как на макроэкономическом уровне (территории страны и территории субъекта Российской Федерации),

так и на микроуровне (конкретной медицинской организации). На макроэкономическом уровне необходимо оценивать реализацию территориальных программ государственных гарантий оказания населению бесплатной медицинской помощи, показатели здоровья граждан и др. На микроуровне большую значимость приобретают критерии медицинского и социального эффекта, такие как доступность, качество медицинской помощи, использование имеющихся ресурсов, степень удовлетворенности населения медицинской помощью и др.

Критерии и показатели оценки эффективности использования государственных ресурсов для оказания гражданам Российской Федерации бесплатной медицинской помощи, предоставляемой в соответствии с требованиями статьи 41 Конституции Российской Федерации [5], разработаны Экспертным советом по аудиту эффективности государственных расходов при реализации государственных гарантий оказания населению Российской Федерации бесплатной медицинской помощи.

Обеспечение качества является важным структурным элементом здравоохранения, который определяет эффективность деятельности учреждений по оказанию медицинской помощи.

Назначение медицинской информационной системы состоит в обеспечении медицинского персонала информацией в необходимом объеме, в заданное время, в любом месте, где осуществляется оказание медицинской помощи.

Одним из показателей, определяющим потребительские свойства МИС, является показатель своевременности. Своевременность – свойство МИС, которое характеризует возможность получения лицом принимающим решение (врачом) необходимой информации. Количественной мерой служит коэффициент своевременности K_t :

$$K_t = \frac{P'_A - \Delta P'_A}{P'_A},$$

где P'_A – число значений показателей, получаемых автоматизировано с помощью МИС в течение некоторого интервала времени; $\Delta P'_A$ – аналогичное число значений показателей, полученных с задержкой по отноше-

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИКТ-СТРУКТУРЫ РЕГИОНА

нию к плановому сроку их представления.

Важным для определения уровня своевременности МИС является параметр, характеризующий суммарную временную задержку получения информации, Z :

$$Z = \sum_i \sum_j \Delta t_{ij},$$

где Δt_{ij} – время задержки получения j -го значения i -го показателя на некотором интервале времени.

На рис. 2 приведена контекстная диаграмма, представляющая самое общее описание процесса оказания медицинской помощи пациентам, выполненная по стандарту IDEF0. Порядок организации лечебно-

диагностического процесса в клиниках идентичен для оказания медицинской помощи пациентам с любыми заболеваниями. Медицинские технологии, применяющиеся для лечения пациентов с различными формами, имеют свои особенности.

Оценка качества медицинской помощи пациентам проводится по разработанной модели на основе системы оценки ключевых процессов. Результаты оценки качества медицинской помощи используются для принятия решений руководством и владельцами лечебно-диагностического процесса о корректирующих и предупреждающих действиях, направленных на повышение качества предоставляемых медицинских услуг.

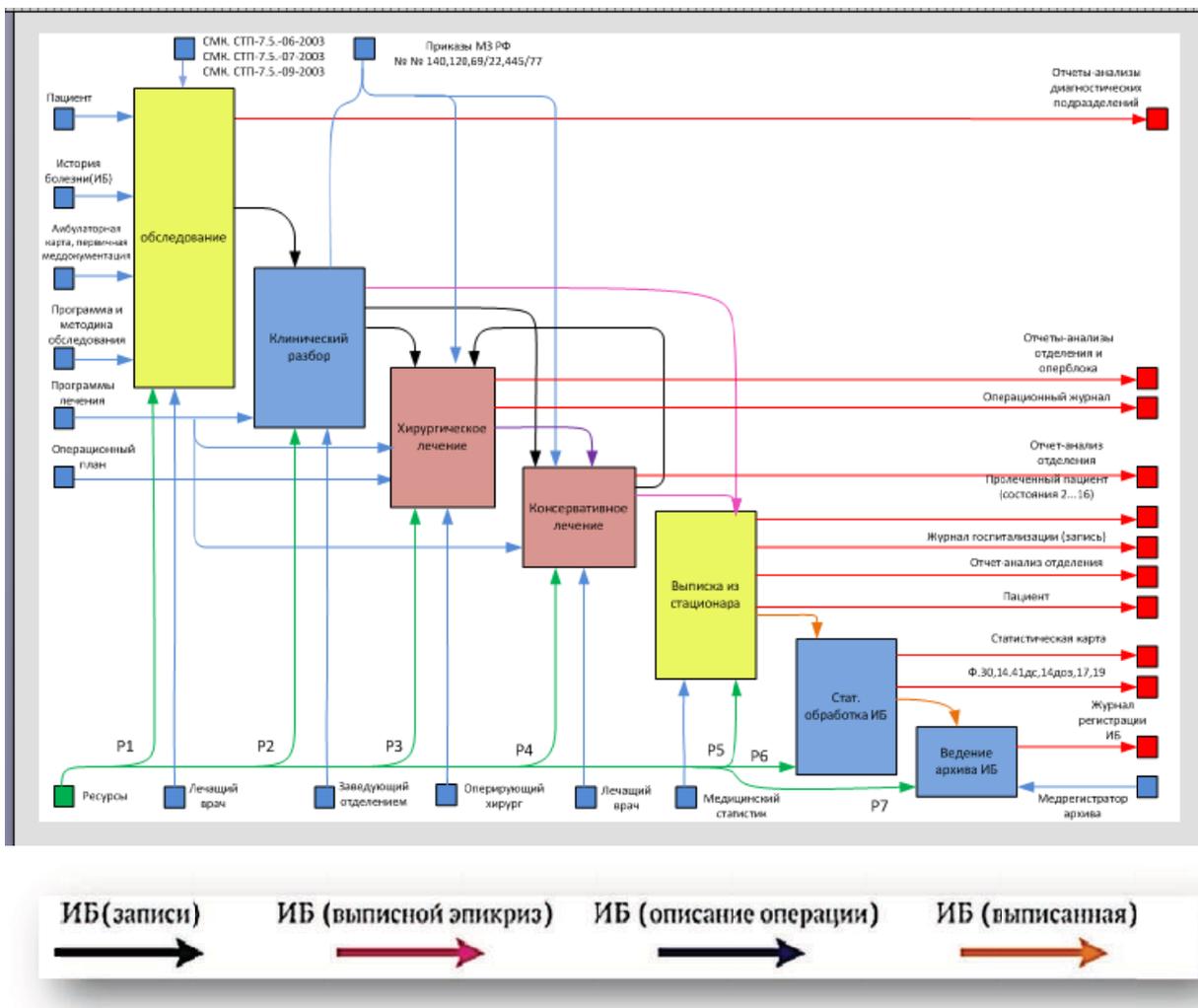

Рис. 2. Контекстная диаграмма процесса
«Оказание медицинской помощи пациентам»

Следовательно, эффективность применения медицинской технологии можно оце-

нить по состоянию здоровья пролеченного пациента (см. табл. 1).

Таблица 1.

Классификация исходов заболевания

№ п/п	Наименование исхода	Общая характеристика исхода
1.	Восстановление здоровья	При остром заболевании полное исчезновение всех симптомов, отсутствие остаточных явлений, астении и т. д.
2.	Выздоровление с полным восстановлением физиологического процесса или функции	При остром заболевании полное исчезновение всех симптомов, могут иметь место остаточные явления, астения и т. д.
3.	Выздоровление с частичным нарушением физиологического процесса, функции или потери части органа	При остром заболевании практически полное исчезновение всех симптомов, но имеют место остаточные явления в виде частичных нарушений отдельных функций или потеря части органа
4.	Выздоровление с полным нарушением физиологического процесса, функции или потерей части органа	При остром заболевании практически полное исчезновение всех симптомов, но имеет место полная потеря отдельных функций или утрата органа
5.	Ремиссия	Полное исчезновение клинических, лабораторных и инструментальных признаков хронического заболевания
6.	Улучшение состояния	Уменьшение выраженности симптоматики без излечения
7.	Стабилизация	Отсутствие как положительной, так и отрицательной динамики в течение хронического заболевания
8.	Компенсация функции	Частичное или полное замещение утраченной в результате болезни функции органа или ткани после трансплантации (протезирования органа или ткани, бужирования, имплантации)
9.	Хронизация	Переход острого процесса в хронический
10.	Прогрессирование	Нарастание симптоматики, появление новых осложнений, ухудшение течения процесса при остром или хроническом заболевании
11.	Отсутствие эффекта	Отсутствие видимого положительного ответа при проведении терапии
12.	Развитие ятрогенных осложнений	Появление новых заболеваний или осложнений, обусловленных проводимой терапией: отторжение органа или трансплантата, аллергическая реакция и т. д.
13.	Развитие нового заболевания, связанного с основным	Присоединение нового заболевания, появление которого этиологически или патогенетически связано с исходным заболеванием
14.	Летальный исход	Наступление смерти в результате заболевания

Желаемыми состояниями являются 1, 2, 3, 4, 5, 6.

Допустимыми состояниями являются 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13.

Исключительным состоянием является летальный исход.

Выводы

При оценке эффективности МИС с пози-

ции своевременности предоставления врачу информации, необходимой для диагностики заболевания и назначения лечения, просматривается непосредственная связь данного показателя с тем, насколько будет долгим и затратным лечение и каким будет его основной результат – выздоровление / инвалидность / летальный исход.

Литература

1. Концепция создания единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения. / Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 28 апреля 2011 г. № 364.
2. Вялков А. И. Оценка эффективности деятельности медицинских организаций / А. И. Вялков. – Издательство: Геотар-мед, 2004. – 104 с.
3. Какорина Е. П., Лебедев Г. С., Флек В. О., Чудинова Н. В., Ясакова М. В. Методика расчета эффективности применения мобильной телемедицинской лаборатории на уровне территории РФ. // Проблемы информатизации здравоохранения: юбилейный сборник научных статей, посвященный 10-летию Академии медицинской информатологии и 100-летию Российского государственного медицинского университета. Под научной редакцией С. А. Гаспаряна, В. К. Гасникова, В. Н. Ярыгина. – М. – 2005. – С. 159–176.
4. И. Ю. Бедорева, Н. Г. Фомичев, М. А. Садовой, В. Ю. Самарина и др., – «Система управления качеством специализированной медицинской помощи пациентам с травмой позвоночника на основе принципов ИСО серии 9000». – Новосибирский НИИ травматологии и ортопедии. – 2004.
5. Конституция Российской Федерации 1993. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultantplus.ru.

References

1. On Concept of creating a universal state information system in healthcare [Kontseptsiya sozdaniya yedinoy gosudarstvennoy informatsionnoy sistemy v sfere zdravookhraneniya.] / Prikaz Ministerstva zdravookhraneniya i sotsialnogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii ot 28 aprelya 2011 g. № 364.
2. Vyalkov A. I. Estimation of healthcare organization activity efficiency [Otsenka effektivnosti deyatelnosti meditsinskikh organizatsiy] / A. I. Vyalkov. – Izdatelstvo: Geotarmed, 2004. – 104 s.
3. Kakorina Ye. P., Lebedev G. S., Flek V. O., Chudinova N. V., Yasakova M. V. Methodology of efficiency calculation for mobile medical laboratory in the Russian Federation [Metodika rascheta effektivnosti primeneniya mobilnoy telemeditsinskoy laboratorii na urovne territorii RF.] // Problemy informatizatsii zdravookhraneniya: yubileyny sbornik nauchnykh statey, posvyashchennyy 10-letiyu Akademii meditsinskoy informatsiologii i 100-letiyu Rossiyskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta. Pod nauchnoy redaktsiyey S. A. Gasparyana, V. K. Gasnikova, V. N. Yarygina. – M. – 2005. – S. 159–176.
4. I. Yu. Bedoreva, N. G. Fomichev, M. A. Sadovoy, V. Yu. Samarina i dr., – Quality management system for specialized medical care to patients with spinal injuries based on principles [Sistema upravleniya kachestvom spetsializirovannoy meditsinskoy pomoshchi patsiyentam s travmoy pozvonochnika na osnove printsipov ISO serii 9000] – Novosibirskiy NII travmatologii i ortopedii. – 2004.
5. Constitution of the Russian Federation [Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii]. – 1993.

Р. Н. Подольских

аспирант, ФГБОУ ВПО «Поволжский государственный институт телекоммуникаций и информатики», преподаватель кафедры инноватики и информационных технологий, ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный институт менеджмента».
e-mail: r_podolskih@mail.ru

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ВЫБОРА КОММУТАЦИОННОГО ОБОРУДОВАНИЯ ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ КС

При решении задач оценки технико-экономических показателей компьютерной сети (КС) возникает проблема формирования критерия эффективности используемого решения. Источником данной проблемы является большое разнообразие типового и конфигурационного состава сетевого оборудования, а также их различия в стоимости и режимах эксплуатации. Решение этой проблемы является важной и актуальной задачей, поскольку позволяет, используя алгоритмы математического программирования, определить, как минимум, рациональные варианты комплектования КС.

Автором предложен подход к многокритериальной оценке характеристик оборудования КС в условиях неопределенности, который позволяет получить дальнейшее развитие за счет применения более сложных методов построения комбинированных критериев оценки на нижнем уровне решения задачи оптимизации и более гибких принципов оптимальности на верхнем уровне. Эффективная реализация подхода возможна только с помощью диалоговой компьютерной системы, располагающей всеми необходимыми методами и позволяющей получать необходимые решения.

Ключевые слова: компьютерная сеть, маршрут, многокритериальная система оценки, статистическая модель принятия решений.

Основу синтеза инфраструктуры компьютерной составляет суммарная годовая программа обработки данных. При формировании суммарной годовой программы определяются ее обобщенные показатели в соответствии с подходом к обработке информации [1]. Все многообразие информационных обращений к сетевому оборудованию можно разделить на следующие группы:

1. Интерактивные запросы к БД на выборку, обновление, добавление, удаление данных;
2. Динамические запросы к БД, транзакции;

3. Выполнение процедур резервного копирования и репликации БД;

4. Обращение к вычислительным процедурам или подпрограммам;

5. Аутентификация пользователей;

6. Системное взаимодействие аппаратных средств и операционной системы;

7. Передача файлов, совместная обработка (рецензирование) файлов-документов;

8. Запросы на использование периферийного оборудования;

9. Медийный трафик;

10. Трафик служб удаленного доступа, почты, сообщений.

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИКТ-СТРУКТУРЫ РЕГИОНА

При построении компьютерной сети (КС) существует необходимость из всего многообразия сетевого (коммутационного) оборудования выбрать то, которое будет наиболее соответствовать требованиям этой сети и при этом иметь наименьшую стоимость. Существует множество требований, предъявляемых к коммутационному оборудованию в рамках построения КС на предприятии. Одно из таких требований было приведено выше – это типы информационных обращений к системе.

Следующим показателем является одно-

родность (неоднородность) компьютерной сети. Под этим требованием понимается то, из какого сетевого оборудования она составлена – либо это сетевое оборудование одной марки (однородная система), либо это сеть построена на различных комбинациях производителей сетевого оборудования (неоднородная ИС).

Под маршрутом в данном случае понимается путь от конечного пользователя (ПК) через различные сетевые устройства до устройства связи (сервер базы данных, сервер транзакций, Ftp-сервер и т. д.) (Рис. 1).

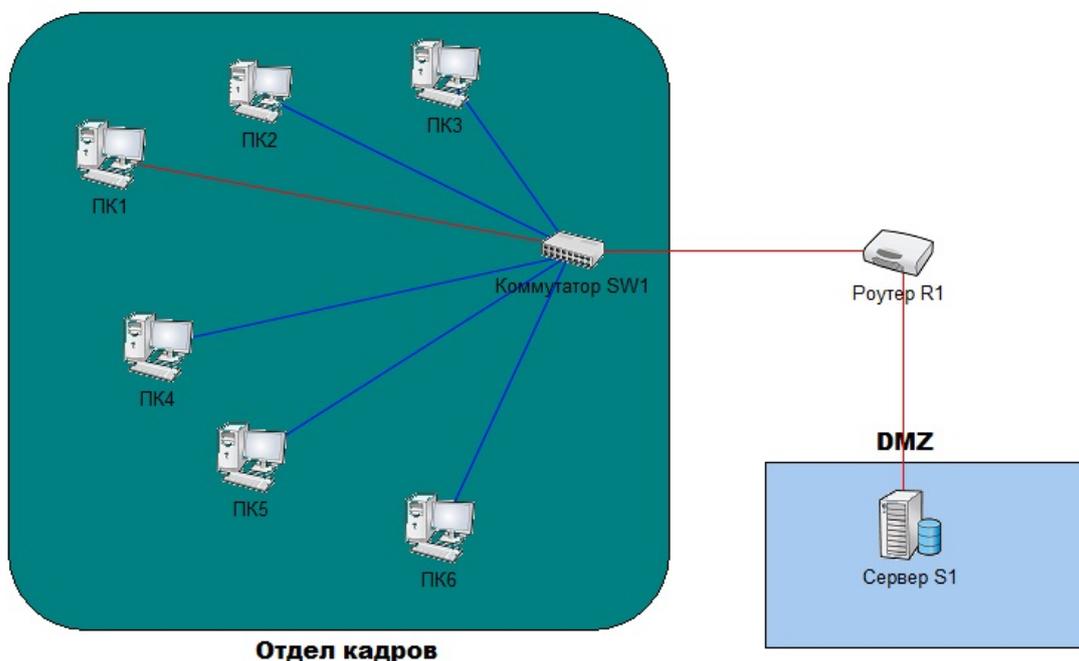

Рис. 1. Схема маршрута

Путь: ПК1 ↔ SW1 ↔ R1 ↔ S1 – будет являться маршрутом от конечного пользователя до сервера.

Выбор сетевых устройств при построении маршрута – актуальная прикладная задача, решение которой позволит построить сеть с минимальным количеством сетевых устройств, а также снизить ее стоимость. В настоящее время выбор сетевого оборудования при построении сети предприятия зависит от субъективных взглядов сотрудника, который занимается ее построением. Задача состоит в том, чтобы выбрать алгоритм выбора сетевого устройства при построении сети, не зависящее от человеческого фактора, по заданным критериям. Решение данной задачи будет сводиться к построению такой сети,

стоимость и количество сетевых устройств которой будет стремиться к минимуму (1).

$$\mu = \sum_{i=1}^n C_i S_i \rightarrow \min, \quad (1)$$

где C_i – количество сетевых устройств;

S_i – стоимость сетевого оборудования.

Критерии выбора сетевого оборудования:

• Соответствие техническим требованиям:

1) Поддержка протоколов прикладного уровня (HTTP, HTTPs, DHCP, SNMP, DNS, DNSSEC, SIP, SNTp, SMTP, POP3, IMAP4, IRC и др.);

2) Наличие соответствующих портов;

3) Минимальная пропускная способность;

4) Минимизация задержек;

5) Отказоустойчивость оборудования.

- Соответствие требованиям информационной безопасности:

- 1) Наличие модуля шифрования;
- 2) Соответствие сертификатам ФСТЭК.

- Стоимость оборудования.

Для решения задачи упорядочивания критериев выбора сетевого оборудования применяется модифицированный метод, основанный на оценки многокритериальных систем в условиях неопределенности [2].

Адаптация данного метода заключается в применении модели принятия решений ЛПП в условиях многокритериальности и неопределенности. Неопределенность обуславливается предпочтением ЛПП, разнообразием оборудования, а также специфическими требованиями к КС.

Статистическая модель принятия решений используется во многих реальных ситуациях разового выбора вариантов, проектов, действий, связанных с неопределенным влиянием среды на ситуацию выбора [4].

Рассмотрим двухуровневую модель при-

нятия решений. В данной модели предполагается наличие:

- Множества решений $X = (x_1, \dots, x_n)$ (комплекты оборудования КС), одно из которых необходимо выбрать.

- Множество состояний среды (множество критериев) $S = (s_1, \dots, s_m)$, при этом неизвестно в каком конкретном состоянии находится или будет находиться среда.

- Множество характеристик $W = w_1, \dots, w_q$, описываемых функцией полезности $U_k = \|U_k(x_i, s_j)\|$, $k=1, \dots, q$, $x_i \in X$, $s_j \in S$, если ЛПП исходит из условия максимизации значений характеристики или данная функция трактуется как функция потерь, если ЛПП исходит из условия минимизации характеристики.

Функции полезности U_k используется для оценки характеристик системы, описывающих полезность, выигрыш, эффективность, вероятность достижения целевых событий, в противоположность этому функция потерь U_k применяется для выражения потерь, проигрыша, сожалений, ущерба, риска.

Таблица 1.

Матричный вид функции полезности

Варианты решений	Варианты состояний среды			
	S_1	S_2	...	S_m
x_1	$u_k(X_1, S_1)$	$u_k(X_1, S_2)$...	$u_k(X_1, S_m)$
x_2	$u_k(X_2, S_1)$	$u_k(X_2, S_2)$...	$u_k(X_2, S_m)$
...
x_n	$u_k(X_n, S_1)$	$u_k(X_n, S_2)$...	$u_k(X_n, S_m)$

Формально в модели принятия решений в условиях неопределенности функцию полезности или потерь $U_k = \|U_k(x_i, s_j)\|$, k -й характеристики $w_k \in W$ удобно представлять в виде матрицы (таблица 1):

Задача принятия решений состоит в выборе наилучшего варианта, $x_i \in X$ с помощью решения двухуровневой задачи оптимизации:

1. На верхнем уровне решается задача: если U_k – функция полезности того или иного критерия, то найти

$$\begin{aligned}
 &F(x^*, \beta, \gamma_1, \gamma_2) = \\
 &= \max F(x_i, \beta, \gamma_1, \gamma_2) = \\
 &= \max F(y_1(x_i, \beta, \gamma_1, \gamma_2), \dots, y_q(x_i, \beta, \gamma_1, \gamma_2))
 \end{aligned}
 \tag{2}$$

или, если U_k – функция потерь, то найти

$$\begin{aligned}
 &F(x^*, \beta, \gamma_1, \gamma_2) = \\
 &= \min F(y_1(x_i, \beta, \gamma_1, \gamma_2), \dots, y_q(x_i, \beta, \gamma_1, \gamma_2)),
 \end{aligned}
 \tag{3}$$

где функция качества

$$\begin{aligned}
 &F(x_i, \beta, \gamma_1, \gamma_2) = \\
 &F(y_1(x_i, \beta, \gamma_1, \gamma_2), \dots, y_q(x_i, \beta, \gamma_1, \gamma_2)),
 \end{aligned}$$

строится на основе принципа оптимальности;

2. На нижнем уровне для $k=1, \dots, q$ для каждого $x_i \in X$ при параметрах $\beta, \gamma_1, \gamma_2 \in [0, 1]$ определяются функции (критерии) $y_k(x_i)$ оценки качества характеристик $w_k \in W$ для соответствующей функции полезности или потерь U_k :

$$y_k(x_i, \beta, \gamma_1, \gamma_2) = (1 - \beta)y_{1k}(p, x_i, \gamma_1) + \beta y_{2k}(x_i, \gamma_2), \quad \beta, \gamma_1, \gamma_2 \in [0, 1], \quad (4)$$

$$y_{1k}(p, x_i, \gamma_1) = (1 - \gamma_1)B(p, x_i) \mp \gamma_1 \sigma(p, x_i), \quad (5)$$

$$B(p, x_i) = \sum_{j=1}^m p_j u_k(x_i, s_j),$$

$$\sigma(p, x_i) = \left[\sum_{j=1}^m (u_k(x_i, s_j) - B(p, x_i))^2 p_j \right]^{1/2},$$

$$y_{2k}(x_i, \gamma_2) = \max_{x_i \in X} (\gamma_2 \min u_k(x_i, s_j) + (1 - \gamma_2) \max u_k(x_i, s_j)). \quad (6)$$

В формуле (4) знак минус выбирается для функции полезности, а знак плюс – для

функции потерь. Параметры $\beta, \gamma_1, \gamma_2 \in [0, 1]$ выбираются с учетом информированности ЛПР.

Неопределенность оценки решений на нижнем уровне связана с тем, что неизвестно в каком состоянии будет находиться среда (способ построения РВС). С помощью критерия преодолевается неопределенность состояний среды и выбирается лучшее в смысле применяемого критерия решение [3].

В результате решения задачи (1) или (2) получаем множество решений, зависящее от параметров (критериев) $\beta, \gamma_1, \gamma_2 \in [0, 1]$.

Выводы

Предложенный подход к многокритериальной оценке характеристик оборудования КС в условиях неопределенности позволяет получить дальнейшее развитие за счет применения более сложных методов построения комбинированных критериев оценки на нижнем уровне решения задачи оптимизации и более гибких принципов оптимальности на верхнем уровне. Эффективная реализация подхода возможна только с помощью диалоговой компьютерной системы, располагающей всеми необходимыми методами и позволяющей получать необходимые решения.

Литература

1. Горбачев Д. В. Критериальные вопросы синтеза структуры автоматизированной обработки информации и управления / Современные информационные технологии в науке образовании и практике. Материалы IV Всероссийской науч.-практич. конф. / Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2005. – С. 42–49.
2. Мушик Э., Мюллер П. Методы принятия технических решений. – М.: Мир, 2001. – 208 с.
3. Рыков А. А. Модель оценки отдельных характеристик качества информационных систем в условиях неопределенности // III международ. конф. «Идентификация систем и задачи управления» SICRO 04, Москва, Ин-т проблем управления. – М., 2004.
4. Трухаев Р. И. Модели принятия решений в условиях неопределенности. – М.: Наука, 2002. – 258 с.

References

1. Gorbachov D. V. (2002) Criteria issues of computer-aided control and information processing structure synthesis [Kriterialny voprosy synteza struktury avtomatizirovannoy obrabotki informatsii and upravleniya] Orenburg, 2005. – P. 42–49.
2. Mushik E., Muller P. Methods of taking technical decisions [Metody prinyatiya tekhnicheskikh reshenij], Moscow, 2001. – 208 p.
3. Rykov A. A. Estimation model of separate characteristics of information system quality under conditions of uncertainty [Model` otsenki otdel`nykh kharakteristik kachestva informatsionnykh system v usloviyakh neopredellyennosti], Moscow, 2004.
4. Trukhaev R. I. Models of decision-making under conditions of uncertainty [Modeli prinyatiya reshenij v usloviyakh neopredellyennosti], Moscow, 2002. – 258 p.

ARTICLE ABSTRACTS

O. G. Alifanova,

*Candidate of Philological Sciences, Lecturer, Department of English Philology
and Methods
of English Language Teaching, Orenburg State University*

HOMONYMY OF CONCEPT PARADISE IN BIBLICAL AND MODERN LANGUAGE PICTURE

The article studies homonymy of the concepts when being borrowed by the modern language picture on the example of the concept “paradise”. The cultural and religious components of the concept are considered as well. The Bible is the original source of forming and revealing the concept “paradise”. The Bible represents its concepts without relying on any people’s culture and forms a holistic language picture.

Such pure increments of knowledge serve as the basis for successful cross-cultural interaction between representatives of different cultures. During the process of accommodation in different language pictures biblical concepts get other filling which depends on culture but keep their sign-oriented forms. The process results in discrepancy between the content of the concepts and the content of the same concepts in the biblical language picture.

The concept “paradise” is one of many examples of this process. The biblical language picture represents it as an earth notion but a modern language picture describes it as a heaven notion. Such conceptual difference causes communicative dissonance.

Key words: concept “paradise”, sphere of concepts, conceptual sign, language picture, communicative dissonance, the Bible.

L. Bezmenova,

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of English Philology,
Faculty of Foreign Languages, Orenburg State Pedagogical University*

CONVERSATIONAL INTERACTION THROUGH COMPLIMENTARY SPEECH ACTS (ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)

The article is devoted to the analysis of dialogue integrity containing compliments – speech acts of positive evaluation of the speaker. The dialogue is analysed from the view point of pragmatic and semantic integrity of its component remarks. The dialogue can be defined as a spoken exchange between at least two people where illocutionary agreement between the speech acts is observed. In the formation of the dialogue pragmatic factors, not semantic-syntactic, play the leading role. Compliments can function as an initial remark as well as a response. If the speaker wants to hear a compliment, he either gives a negative self-evaluation or asks directly about his qualities. If a compliment is paid, the addressee should respond in an appropriate way. Through the response participants make sure that their contribution is rightly understood.

Key words: dialogic unity, pragmatics, speech act theory, compliment.

A. Yu. Beletskaya,

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Department of English Philology,
Orenburg State Pedagogical University*

LINGUISTIC AND STYLISTIC CHARACTERISTICS OF ADVERTISING LEAFLET FOR TOURISTS AS A CREOLIZED TEXT

In the article the advertising leaflet for tourists is considered as a creolized text where the unity of verbal and non-verbal components provides a highly effective impact on intellectual and emotional spheres of the addressee. The positive image of tourist attractions is created by both non-verbal (photos) and verbal means. The analysis of the verbal component reveals its structural, lexical and stylistic peculiarities through the prism of its functional characteristics. On the verbal level the impact on the addressee of the leaflet is realized through epithets, metaphors, similes, hyperboles and other stylistic devices providing a positive evaluation of the advertised product. A wide range of effective speech means is also represented at the level of expressive syntax.

Key words: verbal, iconic, creolized text, advertising leaflet

M. I. Vakhrusheva

*candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Orenburg State Pedagogical University*

A. S. Mushinskaya

*candidate of Pedagogical Sciences, Executive director,
Lecturer, Orenburg Law College*

TRANSFORMATIONS OF INTERTEXTUAL INCLUSIONS IN HEADLINES OF MEDIA TEXTS

The article deals with intertextual inclusions in headlines of media texts as means of influence upon a recipient. Such constituents of reference filed as allusions and reminiscences represent the most frequent intertextual means in headlines. Such transformation techniques as null transformation, substitution, extension and shortening of the original unit, grammatical transformation, morphemic transformation, combination of several kinds of transformations, semantic and formal modifications of utterances were analyzed. The degree of perception of an intertextual inclusion depends on personal characteristics of the recipient, that is why the same inclusion may be interpreted as intertextual or non-intertextual by different recipients. The publicistic headline may also presuppose an ambiguous interpretation of the in-texts.

Key words: headline, intertextuality, allusion, reminiscence, intext, transformation.

E. Yu. Guseva,

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Foreign Languages Department,
Orenburg State Institute of Management*

SEMANTIC SPACE AS PART OF NATIONAL CONCEPTUAL SPHERE

The article analyzes the semantic space as a substantial part of the national conceptual sphere. The semantic space enables to identify some cultural peculiarities and to reveal the usage volume of the basic concepts in the linguistic field. The specific language item is accompanied by the range of the association links with the other items forming some semantic sphere. These links build up the real communication space of any particular linguistic community. The individual conceptual sphere is formed under the influence of definite ethnic traditions which characterize the particular communication pattern. The concept is presented within the overall semantic system, but it seems to be like a sequence of the verbal and non-verbal acts in the communication process. The concept as an ideal entity is formed in a human being's mind.

Key words: semantic space, cultural peculiarities, conceptual sphere, linguistic field, semiosphere, concept, semantic system, communication space, association links.

I. Denisenko,

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Romano-Germanic
Philology and Methods of Foreign Language Teaching, Orenburg State Pedagogical
University*

ROLE OF SEMANTICS IN LANGUAGE DEVELOPMENT FROM ANALYTISM TO SYNTHETISM

The article discusses the issues of language evolution with reference to development trends inherent to a modern French language and new conceptions, concerning language functioning, that appeared within a communicative approach. Structural, semantic and functional features of prepositional constructions and their synthetic analogues were identified, their role in shaping the trend to the synthetism in the French language was analyzed.

The article focuses on one of the relevant problems of the structural and typological study of the Romance languages - the competition between analytical and synthetical structures in the French language in the light of new approaches to traditional assumptions about language trends.

The article researches the nominal combinations with prepositions sans, avec, de, en, à as well as the interaction between analytical and synthetical structures, which is considered as a factor of the language evolution. A preposition is considered as a marker of certain relations in the syntactical structure and as a specific element of the language system since the grammatical meaning of the preposition comes to the fore due to the function of the preposition.

The article describes different ways of expressing the same meaning due to their contextual use and the plane expression differences in semantic and stylistic nomination of semantic and morphological variants.

In the course of the research such methods as semantic and contextual analysis as well as some procedures of component analysis were used.

Key words: cognitive linguistics, ontology, gnosiology, semantic nominations, morphological and structural variants.

Evstafiadi O.V.,

Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, Department of English Philology and Methods of Teaching English, Orenburg State University

L.A. Lasitsa,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of English Philology and Methods of Teaching English, Orenburg State University

PERSONALIZED CONVENTIONAL SITUATIONS IN ENGLISH SCIENTIFIC DISCOURSE

Conditional relations, presenting the events correlation, are expressed by bi – and polypredicative constructions, united by a term “prolonged syntactical form with the semantics of condition”. The authors study a relevant issue of speech units with different status, functioning in the English scientific discourse and being united by the conditional semantics.

The objectives of the research are to study conditional situations in which modal and pragmatic superstructure of the prolonged syntactical form with the semantics of condition has a personalized character; and to determine a set of means which promote this character. In the course of the research such linguistic methods as the structure-functional analysis, the semantic-contextual analysis, transformation method were used.

The conclusion made is that scientific speech, which is considered to be a communication within limits, is not always objective as there are three types of personalized conditional situations. The authors of any scientific discourse make use of personalized variants of the prolonged syntactical form with the semantics of condition when they do not have any reliable information about a described phenomenon, when they assess an alternative state of things and when they make a hypothesis.

Conditional mood, verbs of supposition, modal verbs with probability meaning (may, might), a modal adverb likely and an adversative conjunction otherwise perform the function of personalizing markers of the modal and pragmatic superstructure of the prolonged syntactical form with the semantics of condition in the English scientific discourse.

Key words: condition, prolonged syntactical form, scientific discourse, English, subjective modality.

M. Yevstigneyeva,

Candidate of Philological Sciences

Faculty of foreign languages, Department of English Philology, Orenburg State Pedagogical University

COLOUR AND ITS REPRESENTATION IN THE NAMES OF BIRDS IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

We live our lives in the colour setting. The human eye is able to perceive an unusually wide range of colours, and the human language is capable of providing a variety of colour names and their shades. The article considers the questions of giving names to birds according to their colour in the English and the Russian languages and deals with the comparative analysis of names under study.

Colour vision of people doesn't depend on their language, however, the designation of the objectively existing sensual world of things is peculiar in each language. Different transmission of colour impressions can be explained by various verbal associations and

various types of grammatical structures of languages, as well as the practical interest of people in the designation of colour tones and the frequency with which certain tones are found in surrounding nature.

Key words: perception, name, inner form of the word, colour, basic colour names

T. V. Yezhova,

Doctor of Pedagogic Sciences, Professor, Department of Romano-Germanic Philology and Methods of Teaching Foreign Languages, Dean of Faculty, Orenburg State Pedagogical University

PRAGMALINGUISTIC CHARACTERISTICS OF GERMAN POLITICAL DISCOURSE (BASED ON SPEECHES OF A. MERKEL)

The article considers the stylistic and linguistic features of a political discourse as a special form of the institutional discourse, which is characterized by a high degree of manipulation; that's why the identification of mechanisms of political communication is important to determine the characteristics of the language as a means of influence. The article analyzes pragmalinguistic factors affecting the persuasiveness and effectiveness of the political discourse. The awareness of the factors allows politicians to create conditions for the development of optimum strategies and tactics of political activity.

German Chancellor Angela Merkel's political speeches belong to argumentative and analytical type of political discourse with elements of information type and attract linguists' attention as a pattern formation of a new synthetic style, which incorporates elements of the official-business, scientific and journalistic styles.

The findings of the studies presented in the article confirm the author's thesis that political discourse is characterized by a special selection and organization of certain linguistic structures in accordance with the pragmatic attitudes, purposes and conditions of communication. The skillful use of language enables politicians not only to convey information, but also to provide an emotional impact on a recipient, transforming the world political picture existing in the recipient's mind.

Key words: political discourse, style, lexical and semantic peculiarities, syntactic features, stylistic features.

E. E. Zhukova,

Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin

T. A. Kuznetsova,

Lecturer, Department of Foreign Languages, Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin

ASPECTS OF HEADLINES TRANSLATION IN NEWSPAPER DISCOURSE

The notion of newspaper discourse is considered from the viewpoint of text organization. Newspaper discourse is the basic ground for plenty of communicative systems. It represents

lexis of different spheres of human activity. Transformation of discourse has resulted in transformation of headlines; their basic aspects, types and objectives are identified on the data of modern press. Theoretical aspects of newspaper discourse translation were considered within the framework of teaching bachelors to render and annotate articles. Special emphasis was laid on the verbal character, shortage of number of words in the heading, its own grammar structure, neologisms, absence of punctuation, emotional rendering through quoting of members of the events.

Key words: system of communication, newspaper discourse, rendering of professional texts, text organization, work with headline, abbreviations, contracted words, neologisms, absence of

S. G. Zabolotnaya,
*Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor,
Department of Foreign Languages, Orenburg Medical Academy*

PROBLEM-BASED SITUATIONS AT LESSONS OF ENGLISH IN HIGHER MEDICAL INSTITUTION AS CONCRETIZATION OF PROFESSIONAL FUTURE IMAGE

Educational milieu of the higher medical institution represents the set of conditions where the educational process is developing. Medical education being humanitarian by nature stopped to be purely professional, having become the essential part of a modern society culture as it contributes to solving the human problems, concerning health and life.

In educational context of the higher medical institution it is a problem-based situation as a foreign languages training technique that becomes the element for creativity and thinking development of a professional doctor. The problem-based situations, learning goals and assignments contribute to career and interpersonal foreign language communicative competence development.

The article in question considers the peculiarities of problem-based situation usage at the lessons of foreign languages in the higher medical school with the purpose to specify medical students` value system concerning their future professional activity.

Key words: problem-based situations, lessons of foreign language, verbal and cogitative activity, medical students

E. A. Ivanova,
*Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages,
Orenburg Medical Academy*

FOREIGN LANGUAGE TEACHING IN NON-LINGUISTIC HIGHER EDUCATION INSTITUTION UNDER CURRENT CONDITIONS

The system of higher medical education has recently witnessed changes caused by the new Federal State Educational Standard-03. A new paradigm "life-long learning" replaced the old one. The term "competence" is currently considered as an innovation in language teaching at higher schools. Foreign Language as an academic subject occupies a special niche in higher education.

The goal of the language education is to study any foreign language through professionally-oriented learning. Experience gained at Orenburg State Medical Academy shows that first-year students can achieve success if they are active, self-sufficient and creative. A lot of forms and methods of academic, additional, independent work for medical students have been developed.

Teachers occupy a central place in academic activity: they plan, choose methods of teaching, make decisions, support students and give advice. They overcome a lot of difficulties on their way to achieve the goal. A short teaching course encourages teachers to search new efficient ways of foreign language teaching.

Key words: Federal State Educational Standard-03, foreign language teaching, higher medical schools, forms and methods of teaching.

N. V. Inozemtseva,

*Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Department of English Philology and Methods of English Language Teaching, Orenburg State University;
Associate Professor, Department of Humanitarian and Socio-economic disciplines,
Orenburg branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*

E. V. Turlova,

Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Department of English Philology and Methods of English Language Teaching, Orenburg State University

HEADLINES VERBAL DISCOURSE MARKERS IN ENGLISH POETRY FOR CHILDREN

The article makes an attempt to determine headlines verbal discourse markers in poetry works for children and to identify their specific features. Poetic discourse is becoming a target of modern linguistics as its diversity generates interest among linguists. The study of poetry enables to broaden and supplement the cognitive paradigm of a modern poetic discourse.

The titles have been chosen as a material for study because they fall in the category of mini texts and therefore they are easy to analyze. The pragmatics of the poetry titles is characterized by the informative and phatic functions. The titles for children's verses arouse special interest as the goal of the titles is to attract attention of children who comprise the particular reader group. The titles of the poetic fragments possess the special structural and semantic status for they produce an immediate effect, attracting children whose inartificial behavior makes their perception quite different from that of the adults'.

Thus the common words represent the most popular layer in the children's poetry titles. The choice is explained by the fact that poetry is aimed at children that's why the texts should contain simple sentences and common words to avoid misunderstanding and encourage memorizing.

Key words: discourse, marker, discourse marker, verbal discourse marker, headline, mini text (MT).

*I. A. Korovina,
Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor,
Department of Foreign Languages, Orenburg Medical Academy*

PORTFOLIO AS MEANS OF MEDICAL STUDENT PROFESSIONAL DEVELOPMENT WHEN LEARNING FOREIGN LANGUAGES

Our country is currently solving the task of education modernization. The goal of higher education modernization is to increase the professional training level of specialists. The English and Latin languages are the components of medical education. Foreign languages constitute a part of medical students' professional development.

The efficiency improvement in foreign language training depends on teaching technologies. Portfolio is one of the modern educational technologies that enables not only to form but also to forecast the results of students' competence and professional orientation development.

Portfolio maintains a high motivation for training, generates self-esteem, increases students' activity and independence. Based on work experience of foreign language lecturers in Orenburg State Medical Academy, the article considers the application of «portfolio» as the means of medical student' professional orientation development

Key words: foreign language, Latin, learning of foreign languages, professional orientation, portfolio.

*E. V. Kostomarova,
Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Orenburg Medical Academy*

LATIN AND FOREIGN LANGUAGES TRAINING SPECIFIC FEATURES IN MEDICAL HIGHER INSTITUTION

The article describes the issues of professionally-oriented foreign language teaching (English and Latin). The issue is relevant as professional communication in foreign languages is currently playing an increasingly important part. The main goal of the disciplines "The Latin Language" and "The Foreign Language" in a medical educational institution is to develop in medical students the ability to use a language as a means of professional communication and self-education.

In the course of language training the ability and willingness to analyze socially significant problems and to use in practice the methods of humanities, natural sciences, biomedical and clinical sciences in various kinds of professional and social activities are formed. Both Latin and other foreign languages are an inexhaustible source for the development of medical students' cultural and professional outlook.

Key words: foreign language, Latin, professionally-orientated foreign language teaching, competence-based approach, innovative methods of training

A.I. Letin,

Postgraduate Student, Sholokhov Moscow State University For
The Humanities, Moscow

CONTENTS OF MULTICULTURAL LANGUAGE EDUCATION AS APPLIED TO MAIN STAGE OF EDUCATION IN RUSSIA

Moscow is a multi-ethnic megacity that's why educationalists consider an ethno-cultural aspect and develops multi-cultural identity of students and their socio-cultural competence. The article states the idea that multi-culture communication training at the lessons of foreign languages should be supported by native and foreign languages training, preparing students to the real dialogue between cultures.

According to the research the ignorance of ethno-cultural element at educational institutions results in ethnic intolerance. The article identifies main components that compose linguistic, ethnic and cultural environment of modern megacity.

Main objectives of multi-cultural training, socialization of ethnic identity and national awareness training as well as development of interethnic communication skills in the context of social and cultural adaptation were determined in the article.

Key words: mega-city, multi-ethnic, school, pupils, dialogue between cultures, socio-cultural competence, multicultural education.

L. V. Mosienko,

Doctor of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Department of Romance Philology and
French Language Teaching, Orenburg State University

COMMUNICATIVE AND AXIOLOGICAL TECHNOLOGIES IN FRENCH LANGUAGE TEACHING

This article specifies the concept of «educational technologies» from the axiological viewpoint. According to their contents and methods of realization the technologies are communicative and axiological since they intensify communication, help to form and express opinion as well as to adopt values and contribute to students` value self-determination. The article identifies the characteristics of communicative and axiological technologies. Describing the experience of their usage in the French language teaching the author lays emphasis on the following educational technologies: educational play technologies, academic discussions, French teaching workshops.

Key words: education axiology; communicative and axiological technologies; foreign languages training.

R. R. Nasretdinova,

Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin

ON EXPERIENCE OF TEACHING “CROSS-CULTURAL COMMUNICATION”

The article dwells on issues of cross-cultural communication as a subject abroad and in Russia, underlines its relevance due to the current demands and changes in various spheres of social life. The differences between such subjects as Country study and Cross-cultural communication are stated. The main attention is paid to teaching techniques of the subject “Introduction to Cross-cultural Communication”: its aim is defined and some major topics are enumerated. The experience presented in this article describes some peculiarities in conducting lectures, seminars in this subject on the faculty of foreign languages of Orenburg State Pedagogical University. The author suggests some possible forms and kinds of activities on this subject.

Key words: cross-cultural communication, interaction of cultures, lectures, seminars

O. M. Osyanova,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of English Philology and Methods of English Language Teaching, Orenburg State University

E. V. Turlova,

Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Department of English Philology and Methods of English Language Teaching, Orenburg State University

EXPERIENCE ON CRITERIA UNIT DEVELOPMENT FOR ASSESSING PROFESSIONAL COMPETENCES IN STUDENT-PHILOLOGIST

The article presents the criteria unit development experience for student-philologist professional competences assessment, it makes an attempt to design “the technological card”, based on the criteria identified within the modular competence-oriented educational program. The introduction of Federal government standard of higher education of the third generation is aimed at formation of the university graduate ability and readiness to use knowledge, skills and practical experience. Thus the assessment and control can be exercised with the help of a score-rating system, which is introduced as a means of students’ rating according to the results of their studies and motivates them to improve their achievement.

The approbation of a modular educational plan for the students of 032700.62 “Philology”, “Foreign Philology” began as an experiment at the faculty of Philology of Orenburg State University. The methodology of criteria unit involves the analysis of knowledge, skills and practice and suggests the criteria detection required for the technological card composition. The article presents findings of the criteria unit development of the module “The first foreign language” which includes 3 subjects. General professional and specific professional criteria for one of the professional areas – pedagogical are identified.

The results of the score-rating system prove the fact that in-depth development and specification of criteria unit enable objectivity in academic activity.

Key words: score-rating system, criteria unit, professional criteria, module, technological card

E. B. Popov,

Doctor of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Head of Department, Department of Foreign Languages, Orenburg Institute (branch) of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin

TESTING IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING OF LAW STUDENTS

The article deals with some academic issues of testing in teaching of foreign languages such as character and particularity of testing, basic requirements to test content and its procedure (such as observance of “Assessment Bill of Rights”), distinctive features of various kinds of test items, primary advantages and disadvantages of testing. The conclusions are made by virtue of thorough examination of work experience of faculty members in the Orenburg Institute (branch) of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin.

Key words: assessment, testing, test item, legal English, foreign language teaching in law school.

M. Yu. Romanyuk,

Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Department of English Philology and Methods of English Language Teaching Orenburg State University

LINGUISTIC MEANS OF CREATING NEGATIVE MEDIA IMAGE “RUSSIAN WORLD” IN ENGLISH-LANGUAGE PRINTED MEDIA

Due to globalization of the information space and evolution of information flows mass media have become an instrument of forming our world-oriented ideas and knowledge. They have an impact on many areas, including politics, economics and culture. The correct choice of addressees and mechanisms largely determines the creation of the desired image.

Values are the most important constituent elements of any culture. Each nation, country, civilization have different values, which change under social and political conditions and cause changes in the attitude towards other cultures. World interest in Russia has always been high. The article examines the linguistic means creating the negative media image “Russian world” in English-language newspapers and magazines.

The well-known newspapers and magazines: The Financial Times, The Daily Telegraph, The Guardian, The Conservative Voice, The Washington Times, The Washington Post, The New York Times, The Independent, The Wall Street Journal, The Observer, The New York Arts, etc. (we used both British and the U.S. media sources) comprise the empirical basis of the research. Printed press of 2006 – 2013 was analyzed.

When studying the articles the following methods were used: analysis of scientific literature on the problem, method of continuous sampling of the material, statistical methods, method of linguistic description of data elements with extra linguistic interpretation of the linguistic facts and contextual semantic analysis.

The conclusion made is that the negative media image is created around Russia in the sphere of politics, the Russian mentality and the relationship between religion and state, but it does not affect such aspects as art, science, and sports.

Key words: linguistic means, creation of negative media image, media image “Russian world”.

T. V. Sapukh,

*Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Department of English Philology
and Methods of English Language Teaching, Orenburg State University*

FORMATION OF INTERACTION EXPERIENCE BASED ON CRITICAL THINKING DEVELOPING TECHNOLOGY

Importance is currently attached to improving the quality of foreign language teaching, finding efficient ways that could enhance the intellectual and creative development of an individual. In this respect the methods of indirect pedagogical impact are preferentially treated: dialogical methods of communication, joint search for truth, the development through the creation of parenting situations, various creative activities. Using the latest research in this field, the author studies the formation of interactive experience on the basis of critical thinking developing technology.

According to the author, interactivity is significant mostly for students who have experience with the world, who are oriented to self-knowledge and self-realization, and who therefore are inclined to share their experience with others, especially with their peers to confirm their own value judgments. The structure of critical thinking development is logical as its stages correspond to the natural stages of identity's cognitive activity.

Practical experience shows that starting a lesson (the evocation stage) the teacher should organize the work in such a way that students have the opportunity to prove or disprove the given statements. After exploring the basic information students should revise the statements and assess their credibility. At the understanding stage the students work with a new information. They read the text using active reading methods (marking with special icons), they make notes, looking for answers to the questions raised at the beginning of the lesson.

At the reflection stage, students are asked to reconsider the original judgments and correlate "new" and "old" information. Interactivity promotes students' choice and decision-making in situations of uncertainty or inconsistency of the original data as well as in situations of communication and behavior strategies modification.

Key words: interaction, critical thinking, critical thinking developing technology.

L. Chapaeva,

*Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Department of Romance Philology
and Methods of French Language Teaching, Orenburg State University*

GRAMMATICAL ASPECT OF FRENCH LANGUAGE TEACHING

The article considers the place and importance of the grammatical aspect in teaching the French language to students, who study linguistics, from the viewpoint of traditional, communicative and functional approaches. The complexity and diversity of grammatical skills, that include receptive (active and passive), speech and language ones, are highlighted. The article suggests an integrated approach to the development of grammatical competence in translators. The process in question consists of three stages. The article substantiates the necessity to develop a special practical course that will help the students to overcome grammatical difficulties and enhance grammar communicative orientation as well as to reconcile two opposing historically formed trends in teaching grammar: overestimation of its importance on the one hand and negligence on the part of educators on the other.

Keywords: grammatical competence, communicative approach, functional approach, students of linguistics.

O. V. Epshtein,

Candidate of Philological Sciences, Faculty of Foreign Languages, Department of English Philology, Orenburg State Pedagogical University

BLACK HUMOUR AS A LINGUOCULTURAL PHENOMENON

The article regards black humour as a linguocultural phenomenon of modern times in its variety of verbal means. The significance of the given study is determined by the academic interest towards aesthetic effect produced by the semiotic play. The author makes an attempt to identify the character of black humour and prove that its dual nature is paradoxical. The article reveals general and specific (national) types of black humour and gives a detailed description of its thematic scope in the number of ten themes on the material of English fiction and movies. Beside the thematic variety other linguistic, semiotic and pragmatic strategies of analyzing black humour are drawn in the paper. As a result the author concludes black humour as a certain rearrangement or a change in the combination of well-known cultural formulae.

Key words: black humour, linguostylistic devices, semiotic play, “thematic park”.

V. Hartung,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of English Language and Methods of English Language Teaching, Orenburg State Pedagogical University

CONCEPT SPECIFICATIONS OF STYLISTIC TENSION CHARACTERISTIC OF ENGLISH TERMINOLOGY USED IN LITERARY TEXTS

The article determines the range of concepts and issues arising in the study of the functioning of the term in a literary text through the prism of such a phenomenon as intertextuality. Particular attention is paid to the notion of stylistic (normative) tensions resulting from the use of domain-specific terminology in the text of a different functional style, as a special kind of foregrounding. The term, which is an element of domain-specific functional style, is regarded as a nuclear element of a stylistic device, resulting from slowing of perception as a means of creation and destruction of presuppositional attitude. The term is interpreted as a means of organizing lexical units according to their micro-and macro-contextual environment both at syntagmatic, and stylistic level of the text.

Key words: term, literary text, intertextuality, stylistic tension, presupposition

N. A. Sarayeva,

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Orenburg State Institute of Management

LANGUAGE PERSONALITY AND WAYS OF PERSUSION IN SPEECHES FOR THE DEFENCE

The problem of language personality is considered in the article. The attempt at describing modern language personality and ways of persuasion is made. The language of legal discourse is of the real research value as it is the means of professional communication. The main function of a legal speech is the persuasion. A wide range of effective persuasive means is represented at all language levels.

The speech of a lawyer consists of several parts. The widespread figure of speech in opening remarks is the repetition. It intensifies the persuasion of speech. The social influence as the type of speech influence is used as well. The main function of social influence is the method of addressing.

Key words: language personality, ways of persuasion, legal speech.

O. V. Strizhkova,

Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Orenburg State Institute of Management

CORRELATION OF ADVERTISED PRODUCT GROUP CATEGORIES AND COMBINATIONS OF SPEECH ACTS WITHIN AD TEXT

The peculiarities of Illocutionary Acts usage in a food advertising discourse are studied in the article. In food advertising discourse the tendency to use similar speech acts to create certain product groups' advertisement can be traced both in Russian and English ad texts. For alcohol, soft drinks and confectionery advertising an addresser prefers emotional and affective way of influence on the recipient, which is manifested in the frequency and usage of expressive speech acts. For dairy products and groceries advertising messages the combination of rational arguments and affective ways of influencing is more typical. The conclusion made is that the main target of advertising discourse is the influence, so the addressers use only those Illocutionary Acts that help them to realize the dominant idea.

Key words: pragmalinguistics, influence, addresser, addressee, speech act, Illocutionary Acts, food advertising discourse, product groups, structure of speech acts.

G. Khaliusheva,

*Candidate of Pedagogics, Department of Foreign Languages, Orenburg Institute of
Moscow State Law University named after O. Kutafin (MSLA)*

MODERN TRENDS IN ALTERNATIVE HIGHER EDUCATION DEVELOPMENT

The article is devoted to modern trends in higher education development (mega universities, corporate universities, international higher education, distance higher education), giving some most interesting examples of the recent trends in the named sphere (the Guangzhou Higher Education Mega Center, Hamburger University, KAMAZ university and others). The author analyses the reasons making them possible (globalization, development of new technologies, unfavourable economic situation, commercial competition and some others), revealing the secret of their success, describes arguments for and against, as well as some possible scenarios of their coexistence with traditional universities.

Key words: higher education, traditional universities, mega universities, corporate universities, global distance education.

D. V. Gorbachev,

*Associate Professor, Department of Innovation Studies and Information Technologies,
Orenburg State Institute of Management*

A. S. Vinogradova,

*Teaching Assistant, Department of Innovation Studies and Information Technologies,
Orenburg State Institute of Management*

GENERAL PROBLEMS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS' INFORMATION SECURITY

The information security is currently one of the priority areas of the state policy. Unfortunately higher educational institutions are the most insecure in this sphere. The security system implementation at higher educational institutions presupposes the availability of legal and regulatory framework, security policy making, security measures, regulations and procedures development, projecting, implementation and maintenance of soft- and hardware tools of information security.

The article considers the basic issues of information security in higher institutions which are described from the viewpoint of circulating information. The main targets of information security are identified and the groups of personal profiles data are suggested. The list of information security documents, that every higher educational institution should have, is suggested.

Key words: information security, threats of information security.

D. V. Gorbachev,

*Associate Professor, Department of Innovation Studies and Information Technologies,
Orenburg State Institute of Management*

M. V. Kononova,

*Lecturer, Department of Innovation Studies and Information Technologies, Orenburg
State Institute of Management*

COMPREHENSIVE APPROACH TO ORGANIZING ACTIVITY OF COMPANIES` ECONOMIC SAFETY SERVICE

Modern enterprises process large quantities of information which often contain confidential data about employees and their activity as well as data which present commercial secrets. Special services, including the economic security service, ensure safety of secret information at enterprises.

The article considers the issues of providing efficient economic security service activity at the enterprise. An intellectual system, specifically an integrated data bank of decision-making support system, can help to solve the task. The implementation of the integrated bank and decision-making support system enables to lessen the subjectiveness of the decisions and to improve system operativeness.

Key words: economic security, personnel security, security service, integrated database.

D. V. Gorbachev,

*Candidate of Science (Engineering), Associate Professor, Department of Innovation
Studies and Information Technologies, Orenburg State Institute of Management*

O. V. Trofimova,

*Lecturer, Department of Innovation Studies and Information Technologies, Orenburg
State Institute of Management*

R. N. Podolskih,

*Lecturer, Department of Innovation Studies and Information Technologies, Orenburg
State Institute of Management*

ON SOCIO-ECONOMIC EFFICIENCY EVALUATION METHOD OF MEDICAL INFORMATION SYSTEM

One of the modern tendencies in the Russian healthcare system development is the intensive information support and automation. The concept of a unified state information system in the area of healthcare, that was approved by the Ministry of Healthcare and Social Growth of the Russian Federation of April 28, 2011, acts as a catalyst for introduction of information technologies into medical organizations` activity. The article suggests the socio-economic efficiency evaluation method based on the health care operativeness criterion and medical information system.

The correlation between the index and the result of the treatment (recovery, disability, death) is determined while estimating medical information system efficiency from the perspective of timeliness of the presented information.

Keywords: medical information system, medical effect, information system efficiency criterion, health care operativeness.

R. N. Podolskikh,

*Postgraduate Student, Povolzhsky State Institute of Telecommunications
and Information Technologies*

ON CHOICE OF CONNECTING ARRANGEMENTS FOR NETWORK CONSTRUCTION: MATHEMATICAL SUBSTANTIATION

While estimating technical and economic indices of network a problem of efficiency criterion identification for the decision arises. A great variety of type and configurational composition of network equipment, different prices and operating modes result in the problem under discussion. The problem is relevant as the findings of the research will enable to determine the reasonable variants for equipment integration, using the mathematical programming algorithm.

The article suggests the approach for multicriteria estimation of network equipment characteristics in uncertain environment that can be developed through more complicated methods of combined test construction at the lower level of optimization and more agile principles of optimality at the higher level. The dialogue computer network provides the efficient realization of the approach as it suggests all the necessary methods and enables to find the decision.

Key words: network, route, estimation multicriteria system, decision-making statistical model.

Yu. A. Annenkova,

Lecturer, Department of Foreign Languages, Orenburg State Institute of Management

T. I. Tshcherbinina,

*Senior Lecturer, , Department of Foreign Languages, Orenburg State Institute
of Management*

COMMUNICATIVE SITUATION AS A TECHNIQUE IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

The article in question presents the advantages of the communicative situation as the technique in teaching foreign languages. The choice of this method is currently substantiated and determined as the most efficient one. Basic training stages are identified and the teacher's role in the pedagogical interaction is distinguished within these stages. The value of a communicative situation is that it is orientated to shaping communicative, linguistic,

speech, practical, sociolinguistic competences, when students are ready to use a foreign language as an instrument for their verbal and cogitative activity.

Key words: communicative situation, significant potential of communicative situation, teacher's functions, communicative approach.

A.V. Stepanova,

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of English Philology,
Orenburg State Pedagogical University*

PECULIARITIES OF PRECEDENT PHENOMENA FUNCTIONING IN FILMTEXT

The article deals with precedent phenomena functioning as separate units in filmtexts. Filmtext is a variety of creolized text whose linguistic nature is inseparable from its nonverbal component. The heterogeneity of the filmtext influences the types of precedent units. Apart from verbal precedent units expressed by direct citation, precedent names, precedent situations and parodies, filmtext operates with precedent audio- and video sequences. The article analyses the role of intertextual components in creolized texts and the classification of source-texts. Frequency data may vary due to the type of texts and the time they were created. Filmtext relies on maximum recognizability of precedent units and their minimum form, the factors predetermined by the limited time to watch the filmtext and analyze its implications.

Key words: precedent phenomenon, intertextuality, creolized text, film text.

T. Frolova,

*Candidate of Philological Sciences, Department of English Philology, Faculty of Foreign
Languages, Orenburg State Pedagogical University*

REALIZATION OF MANIPULATIVE VERBAL TECHNOLOGIES IN THE POLITICAL CULTURE OF THE USA AND GREAT BRITAIN

The article raises a topical problem of a state image through the way of its presentation by the state leaders. The image building and propaganda is a process of informative impact in order to impel certain political behavior. With that, the verbal political manipulative technologies are based on perception of political reality by means of language. In this case words do not just characterize the politics, they become its essential part.

The article regards Christmas and New Year's message from the state leaders as one of the verbal forms of manipulative technologies. Thus, 'the political language', which is the PR instrument, bears the imprint of a cultural tradition.

Key words: manipulative technologies, public relations, social technology, political language.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ АВТОРСКИХ МАТЕРИАЛОВ И ОФОРМЛЕНИЮ АВТОРСКИХ МАТЕРИАЛОВ

1. К публикации принимаются научные (практические) и обзорные статьи.
 - 1.1. К содержанию научной (практической) статьи предъявляются следующие требования:
 - во вводной части должны быть обоснованы актуальность и целесообразность разработки темы (научной проблемы или задачи);
 - в основной части статьи путем анализа и синтеза информации необходимо раскрыть исследуемые проблемы, пути их решения, обоснования возможных результатов, их достоверность;
 - в заключительной части – необходимо подвести итог, сформулировать выводы, рекомендации, указать возможные направления дальнейших исследований.
 - 1.2. К содержанию обзорной статьи (обзора) предъявляются следующие требования:
 - в обзоре должны быть проанализированы, сопоставлены и выявлены наиболее важные и перспективные направления развития науки (практики), ее отдельных видов деятельности, явлений, событий и пр.
 - материал должен носить проблемный характер, демонстрировать противоречивые взгляды на развитие научных (практических) знаний, содержать выводы, обобщения, сводные данные.
 2. Перечень необходимых данных в статье:
 - УДК, фамилия, имя, отчество автора или авторов (на русском и английском языках);
 - подробные сведения об авторе или авторах: ученая степень, ученое звание, должность, место работы (на русском и английском языках, как в Уставе организации);
 - электронный адрес, адрес для почтовой переписки;
 - аннотация должна содержать краткую версию статьи: цели, задачи, методы исследования, актуальность, основные результаты (100–250 слов, на русском и английском языках);
 - ключевые слова (4–7 слов) к статье (на русском и английском языке);
 - название статьи (на русском и английском языках);
 - текст статьи;
 - литература на русском языке и на латинице (в романском алфавите, только в одной из принятых систем транслитерации: LC, BGN, Госдепартамента США), не менее 15 пунктов, в т. ч. и иностранная литература. Оформление в соответствии с международным библиографическим стандартом.
 3. Материал должен быть набран в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.doc или *.docx;
 - шрифт: гарнитура Times New Roman, 14 pt, межстрочный интервал 1,5 pt.
 - выравнивание текста: по ширине.
 - поля: левое 3 см, правое 1,5 см, верхнее 1,5 см, нижнее 2 см.
 4. Графический материал, должен быть выполнен в графическом редакторе. Не допускаются отсканированные графики, таблицы, схемы. Фотографии, представленные в статье, должны быть представлены также отдельным файлом в форматах *.tiff или *.jpg с разрешением не менее 300 dpi.
 5. Ссылки на первоисточники в тексте заключаются в квадратные скобки с указанием номера из списка литературы.
 6. К статье отдельным документом прикладывается анкета с данными об авторе.
 7. К статье прикладывается рецензия от оспереженного специалиста.
 8. К статье прикладывается копия квитанции об оплате публикации. Публикация оплачивается только после положительного решения членов редакционной коллегии.
 9. Статьи, оформленные без соблюдения данных требований, редакцией не рассматриваются.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ПЕРВОИСТОЧНИКОВ

Литература

1. Масолов, Н. А. Неравновесная экономика / Н. А. Масолов // Вопросы экономики. – 1997. – № 9. – С. 15–36.
2. Калинина, А. И. Лекции по микроэкономическому анализу / А. И. Калинина, В. А. Петрова. – М.: Наука, 1997. – 650 с.
3. Кобяков, Н. С. Сглаживание динамических рядов / Н. С. Кобяков // Статистический анализ экономических временных рядов и прогнозирование; под ред. В. А. Вахрушева. – М.: Наука, 1973. – С. 106–135.
4. Иванов, В. Н. Социальные технологии: учеб. пособие / В. Н. Иванов, В. Н. Патрушев. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Муниципальный мир, 2004. – 448 с.
5. Двинанипова, Г. С. Комплимент: Коммуникативный статус или стратегия в дискурсе / Г. С. Двинанипова // Социальная власть языка: сб. науч. тр. – Воронеж, 2001. – С. 101–106.
6. Livingston, M. Bonds and Bond Derivatives. – Oxford: Blackwell Publishers, 1999. – 363 p.
7. О совершенствовании законодательства Российской Федерации о банкротстве [Электронный ресурс]: доклад к заседанию Правительства РФ 25 ноября 2004 г. – М.: М-во экон. развития и торговли РФ, 2004. – URL: <http://www.economy.gov.ru/wps/portal/!ut/p>. – Дата доступа: 15.12.2004.

Материалы направляются по адресу: 460038, г. Оренбург, ул. Волгоградская, д. 16
(с пометкой Журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции») и по e-mail: ogim_izdanie@mail.ru.
Телефон: 8 (3532) 305-000, доб. 130.

**ПОДПИСКА НА АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ИНТЕЛЛЕКТ. ИННОВАЦИИ. ИНВЕСТИЦИИ»**

Академический журнал выходит ежеквартально.

Проводится подписка на 1-е полугодие 2014 г.

и на 2-е полугодие 2014 г.

1 номер – 350,00 руб.,

2 номера – 700,00 руб.

Вы можете выбрать удобный для вас вид подписки.

Подписка на журнал может быть осуществлена:

по каталогу Российской прессы «Почта России», подписной индекс – 16478;

через редакцию журнала:

Россия, 460038, г. Оренбург, ул. Волгоградская, 16,

тел./факс (3532) 305-000, доб. 130,

e-mail: ogim_izdanie@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:

ИНН 5609032336 УФК по Оренбургской области
(Отдел № 8, ФГБОУВПО «ОГИМ» л/с 20536У36810)

р/с 40501810500002000001

ГРКЦ ГУ Банка России по Оренбургской обл. г. Оренбург

БИК 045354001

ОГРН 1025600890501

КПП 560901001

ОКПО 11929992

ОКАТО 53401000000

ОКОГУ 13240

ОКВЭД 80.30.10

ОКОПФ 81

ОКФС 12

460038, г. Оренбург, ул. Волгоградская, 16, тел./факс (3532) 305-000

КБК 000000000000000000130 – предпринимательская деятельность

КБК 000000000000000000180 – добровольные пожертвования.

Извещение	<u>Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования</u> <u>«Оренбургский государственный институт менеджмента»</u> (наименование получателя платежа) _____ 5609032336 _____ № 40501810500002000001 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) УФК по Оренбургской области (Отдел № 8, ФГБОУВПО «ОГИМ» л/с 20536У36810) ГРКЦ ГУ Банка России по Оренбургской обл. г. Оренбург (наименование банка получателя платежа)	
	БИК 045354001 _____ нет (номер кор./сч. банка получателя платежа) Подписка на журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции»	
	на _____ номеров 20 ____ года (наименование платежа)	
	Ф.И.О. плательщика	
	Адрес и номер тел. плательщика	
	Сумма платежа _____ руб. 00 коп. Сумма платы за услуги _____ руб. ____ коп. Итого _____ руб. ____ коп.	
	Кассир	<u>Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования</u> <u>«Оренбургский государственный институт менеджмента»</u> (наименование получателя платежа) _____ 5609032336 _____ № 40501810500002000001 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) УФК по Оренбургской области (Отдел № 8, ФГБОУВПО «ОГИМ» л/с 20536У36810) ГРКЦ ГУ Банка России по Оренбургской обл. г. Оренбург (наименование банка получателя платежа)
		БИК 045354001 _____ нет (номер кор./сч. банка получателя платежа) Подписка на журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции»
		на _____ номеров 20 ____ года (наименование платежа)
		Ф.И.О. плательщика
Адрес и номер тел. плательщика		
Сумма платежа _____ руб. 00 коп. Сумма платы за услуги _____ руб. ____ коп. Итого _____ руб. ____ коп.		
Квитанция Кассир		<u>Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования</u> <u>«Оренбургский государственный институт менеджмента»</u> (наименование получателя платежа) _____ 5609032336 _____ № 40501810500002000001 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) УФК по Оренбургской области (Отдел № 8, ФГБОУВПО «ОГИМ» л/с 20536У36810) ГРКЦ ГУ Банка России по Оренбургской обл. г. Оренбург (наименование банка получателя платежа)
		БИК 045354001 _____ нет (номер кор./сч. банка получателя платежа) Подписка на журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции»
		на _____ номеров 20 ____ года (наименование платежа)
		Ф.И.О. плательщика
	Адрес и номер тел. плательщика	
	Сумма платежа _____ руб. 00 коп. Сумма платы за услуги _____ руб. ____ коп. Итого _____ руб. ____ коп.	

Интеллект. Инновации. Инвестиции
специальный выпуск
по материалам декабрьских научных чтений

Верстка – Г. Х. Мусина
Дизайн обложки – Д. М. Туйсина
Верстка – Г. Г. Князева
Корректор – Л. В. Шамордина
Дизайн обложки – Д. М. Туйсина
Ответственный за выпуск – Д. Р. Рахмагулдина
Корректор – В. А. Ивашкина

Ответственный за выпуск – Э. В. Савченко

Подписано в печать 10.12.2013г. Формат 60*84/
Подписано в печать 03.03.2014г. Формат 60*84/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 23,25. Тираж 250. Заказ № 1092.
Усл. печ. л. 23,25. Тираж 250. Заказ № 1092.

Электронная версия
Электронная версия журнала «Интеллект. Инновации. Инвестиции»
журнала «Интеллект. Инновации. Инвестиции» www.izdanie.ogim.ru
www.izdanie.ogim.ru

Учредитель и издатель ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный институт менеджмента»
Учредитель и издатель
ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный институт менеджмента»

Издательство/редакция/типография
Издательство/редакция/типография
ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный институт менеджмента»
ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный институт менеджмента»
460038, г. Оренбург, ул. Волгоградская, 16
460038, г. Оренбург, ул. Волгоградская, 16
Тел./факс: 305-000, доб. 127
Тел./факс 305-000, доб. 127
